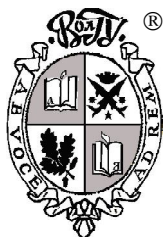

LEGAL CONCEPT

2025

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2025
Volume 24. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025
Том 24. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2025. Vol. 24. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *M.Yu. Kozlova* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshevskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Making up by *A.A. Khabarova*

Technical editing by *N.M. Vishnyakova, N.V. Goreva,*
Yu.A. Nikitina, A.A. Khabarova

Passed for printing on Dec. 12, 2025.

Date of publication: Dec. 30, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15.9. Published pages 17.1.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies).

Order 116. «C» 41.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT
ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025. Т. 24. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. И.С. Дикарев – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. М.Ю. Козлова – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Д.В. Кононенко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Г.А. Василевич (г. Минск, Беларусь); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Верстка А.А. Хабаровой

Техническое редактирование Н.М. Вишняковой,
Н.В. Горевой, Ю.А. Никитиной, А.А. Хабаровой

Подписано в печать 12.12 2025 г.

Дата выхода в свет: 30.12 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,9.
Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).
Заказ 116. «С» 41.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград,
просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского
государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik5@volsu.ru
Сайт журнала: <https://j.volsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://j.volsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Рудковский В.А., Самарский А.Н.</i> Основы правовой политики как актуальное направление правовых исследований	6
<i>Минникес И.А.</i> Обязывание как способ конституционно-правового регулирования: понятие, виды, техника изложения	13
<i>Зыков Д.В.</i> Центральная апория философии позитивного права: «Punctum Archimedis»	20
<i>Хоконова А.В.</i> Правовые взгляды Р. Иеринга как идейный источник теории интересов в современной юридической науке	27
<i>Малышкин С.П.</i> Делегитимация права в свете концепции действительности права	34
<i>Голод Е.П.</i> Доверие государства к обществу как фактор эффективности правового регулирования	43
<i>Курьшев Е.Ю.</i> От кровной мести к конституционным гарантиям: этапы инноваций в российском праве	52
<i>Коваленко М.А.</i> Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы	61

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Сергачева О.А.</i> Модус как акцидентальный элемент безвозмездных сделок: от римского к современному гражданскому праву	68
<i>Козлова М.Ю.</i> Юридическая сила оговорки о запрете устного соглашения об изменении договора	75
<i>Кожмякин Д.В., Гилев В.М.</i> Объем и содержание исключительного авторского права до и после принятия части 4 Гражданского Кодекса РФ	82
<i>Котельников Н.В., Федосеев П.С.</i> Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с использованием технических средств защиты интеллектуальных прав	92
<i>Беженцев А.А.</i> Римское право: «Восьмое чудо» правовой реальности	99

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Лобанова Л.В., Малимонова М.А.</i> Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств	111
---	-----

<i>Степанян А.Л.</i> Децентрализованные финансы (DeFi): перспективы развития и риски использования в незаконной деятельности	118
--	-----

<i>Пикуров О.Н.</i> Влияние характера гражданско-правовых отношений на уголовно-правовую квалификацию деяния	127
--	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Соловьева Н.А.</i> Институт понятий в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть?	134
<i>Шинкарук В.М.</i> Необходимость модернизации порядка производства экспертизы в уголовном процессе Российской Федерации	142

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Анисимов А.П., Алексеева М.В.</i> Использование 3D разговорного ассистента на базе искусственного интеллекта для оказания бесплатной юридической помощи	150
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Колосович О.С., Колосович М.С.</i> Значение решений международных судебных органов в контексте международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве	160
--	-----

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE

OF STATE-LEGAL DEVELOPMENT

<i>Rudkovsky V.A., Samarsky A.N.</i> Fundamentals of Legal Policy as a Relevant Direction of Legal Research	6
<i>Minnikes I.A.</i> The Imposition of Obligations as a Method of Constitutional and Legal Regulation: Concept, Types, Techniques of Formulation	13
<i>Zykov D.V.</i> The Central Aporia of Positive Law Philosophy: "Punctum Archimedis"	20
<i>Khokonova A.V.</i> The Legal Views of R. Von Jhering as an Ideational Source of the Theory of Interests in Modern Legal Science	27
<i>Malyshev S.P.</i> Delegitimization of Law in the Context of the Validity of Law Concept	34
<i>Golod E.P.</i> State Trust in Society as a Factor of Effective Legal Regulation	43
<i>Kuryshchev E.Yu.</i> From Blood Feud to Constitutional Guarantees: Stages of Innovation in Russian Law	52

<i>Kovalenko M.A.</i> Experimental Legal Regime: Current Status and Challenges	61
---	----

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Sergacheva O.A.</i> Modus as an Accidental Element of Gratuitous Transactions: From Roman to Modern Civil Law	68
<i>Kozlova M.Yu.</i> The Enforceability of a No-Oral-Modification Clause	75
<i>Kozhemyakin D.V., Gilev V.M.</i> The Scope and Content of Exclusive Copyright Before and After the Adoption of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation	82
<i>Kotelnikov N.V., Fedoseev P.S.</i> Legal Regulation of Relationships Arising from the Use of Technological Protection Measures for Intellectual Property Rights	92
<i>Bezhtentsev A.A.</i> Roman Law: The “Eighth Wonder” of Legal Reality	99

CRIME PREVENTION

AND LEGAL LIABILITY

DIFFERENTIATION

<i>Lobanova L.V., Malimonova M.A.</i> Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances	111
---	-----

<i>Stepanyan A.L.</i> Decentralized finance (DeFi): Development Prospects and Risks of Use in Illegal Activities	118
--	-----

<i>Pikurov O.N.</i> The Influence of the Nature of Civil-Law Relations on the Criminal-Law Qualification of an Act	127
--	-----

PROCEDURAL LAW:

THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Solovyova N.A.</i> The Institute of Attesting Witnesses in Russian Criminal Proceedings: To Be or Not to Be?	134
<i>Shinkaruk V.M.</i> The Need to Modernize the Procedure for Exhumation in the Criminal Process of the Russian Federation	142

DIGITAL TRANSFORMATION

OF LEGAL REGULATION

<i>Anisimov A.P., Alekseeva M.V.</i> Using a 3D Conversational Assistant Based on Artificial Intelligence to Provide Free Legal Assistance	150
---	-----

INTERNATIONAL LAW

AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE

<i>Kolosovich O.S., Kolosovich M.S.</i> The Significance of Decisions of International Judicial Bodies in the Context of International Cooperation in Criminal Proceedings	160
---	-----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.1>

UDC 340:32

LBC 67.021

Submitted: 06.11.2025

Accepted: 08.12.2025

FUNDAMENTALS OF LEGAL POLICY AS A RELEVANT DIRECTION OF LEGAL RESEARCH

Viktor A. Rudkovsky

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Alexander N. Samarsky

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: legal policy is among those phenomena of political and legal life that have the most significant influence on the functioning and development of the current law, as well as other elements of the legal system. The general focus of legal policy on solving strategic tasks in the field of legal regulation and legal development of society actualizes the question of the nature and content of its foundations, i.e., those central ideas, requirements, attitudes on which this policy is or should be built. The **purpose** of the study is to demonstrate the theoretical and practical significance of the fundamentals of legal policy as a special direction of legal research. The research **methodology** is represented by the general scientific and special techniques and methods of cognition (analysis, synthesis, comparison, scientific criticism, formal-logical, etc.). **Content:** the paper shows the praxiological, axiological and methodological significance of raising the question of the fundamentals of legal policy. The fragmentary nature of existing ideas about the fundamentals of legal policy and the lack of conceptual clarity on a number of current problems (the relationship between the fundamentals of legal policy and the fundamentals of legal regulation; the ways of legal institutionalization of the fundamentals of legal policy; the content of the scientific foundations of legal policy; the peculiarity of the ideological foundations of legal policy) are noted. **Conclusions:** the term “fundamentals of legal policy” primarily correlates with the ideological and theoretical content of legal policy, reflecting the main and most essential in this content. The fundamentals of legal policy are a complex concept. Legal, ethical, scientific and other ideas (requirements, attitudes, concepts) constitute the ideological and theoretical basis of legal policy to the extent that they serve as a source for the formation and development of state-legal strategy, ensure its conformity with established foundations of spiritual-moral and socio-political life, and are an expression of the essential imperatives of legal consciousness.

Key words: legal policy, law, fundamentals of legal policy, state-legal strategy, legal ideology, scientific foundations.

Citation. Rudkovsky V.A., Samarsky A.N. Fundamentals of Legal Policy as a Relevant Direction of Legal Research. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 6-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.1>

УДК 340:32
ББК 67.021

Дата поступления статьи: 06.11.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виктор Анатольевич Рудковский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Николаевич Самарский

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: правовая политика относится к числу тех явлений политико-правовой жизни, которые оказывают наиболее существенное влияние на функционирование и развитие действующего права, а также других элементов правовой системы. Общая нацеленность правовой политики на решение стратегических задач в области правового регулирования и правового развития общества, актуализируют вопрос о характере и содержании ее основ, то есть тех центральных идей, требований, установок, на которых строится или должна строиться указанная политика. **Целью** исследования является демонстрация теоретической и практической значимости основ правовой политики как особого направления правовых исследований. **Методология** исследования представлена общенаучными и специальными приемами и методами познания (анализ, синтез, сравнение, научная критика, формально-логический и др.). **Содержание:** в статье показана прагматическая, аксиологическая и методологическая значимость постановки вопроса об основах правовой политики. Отмечается фрагментарность существующих представлений об основах правовой политики, отсутствие концептуальной ясности по целому ряду актуальных проблем (соотношение основ правовой политики и основ правового регулирования; способы юридической институционализации основ правовой политики; содержание научных основ правовой политики; своеобразие идеологических оснований правовой политики). **Выводы:** термин «основы правовой политики», прежде всего, соотносится с идейно-теоретическим содержанием правовой политики, отражая главное и наиболее существенное в этом содержании. Основы правовой политики – понятие комплексное. Правовые, этические, научные и иные идеи (требования, установки, концепции) составляют идейно-теоретическую основу правовой политики в той мере, в какой служат источником формирования и развития государственно-правовой стратегии, обеспечивают ее соответствие сложившимся устоям духовно-нравственной и социально-политической жизни, являются выражением существенных императивов правосознания.

Ключевые слова: правовая политика, право, основы правовой политики, государственно-правовая стратегия, правовая идеология, научные основы.

Цитирование. Рудковский В. А., Самарский А. Н. Основы правовой политики как актуальное направление правовых исследований // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.1>

Введение

Правовая политика является одной из форм проявления внутренней и внешней политики государства. В настоящее время продолжается научная дискуссия о том, как точнее, полнее, правильнее определять указанную политику. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, отметим, что к понятию «правовая политика» обычно обращаются в тех случаях, когда необходимо акцентировать внимание на каких-то особен-

но значимых аспектах деятельности государства в сфере функционирования и развития действующего права, юридической практики, правосознания, правовой системы в целом. Речь идет о таких аспектах, усиление или, наоборот, преодоление которых требует целенаправленных системных действий со стороны политической власти, то есть выработки и реализации соответствующей государственно-правовой стратегии (конституционной, уголовной, административной и пр.). В последнее время, например, отечественные правоведы

обращают внимание на необходимости минимизации проявлений в правовой жизни России такого негативного явления, как юридическая аномия. Для этого, полагают они, следует сформировать соответствующее направление правовой политики [6, с. 367-391], то есть, по сути дела, возвести решение указанной задачи на уровень стратегических ориентиров российского государства.

Тесная взаимосвязь правовой политики с практикой правовых преобразований, ее общая нацеленность на решение стратегических задач в области правового регулирования и правового развития общества, актуализируют вопрос о характере и содержании ее основ, то есть тех центральных идей, требований, установок, на которых строится или должна строиться указанная политика.

Постановка проблемы

Постановка вопроса об основах как специфичном направлении правовых исследований обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, именно основы, будучи выражением неких базовых, основополагающих политико-правовых установок, придают правовой политике качество единой стратегически осмысленной линии поведения государства в правовой сфере. Отсюда, в частности, особый статус основ как системообразующего фактора, обеспечивающего принципиальное единство всех направлений и форм реализации правовой политики (правотворческой, правоприменительной и пр.), их общую направленность на решение единых политико-правовых задач, что является важной предпосылкой устойчивости, предсказуемости и эффективности проводимого государством правового курса.

Во-вторых, выражая наиболее значимые юридические, социально-политические, экономические, нравственные и иные интересы и ценности общества, основы являются источником легитимации проводимого политической властью правового курса, особым образом высвечивают социальную миссию правовой политики в тех или иных конкретно-исторических условиях. В разные периоды развития российского государства такое значение имели, например, идеи социальной справедливости, защиты прав трудящихся, социалистической

законности, построения общенародного государства, признания человека, его прав и свобод высшей ценностью и др. Серьезное обновление основ правовой политики происходит в переломные периоды общественного развития и свидетельствует о смене политико-правовой стратегии. Такую кардинальную перемену пережила правовая политика российского государства в 90-е годы прошлого столетия, когда в основу политико-правовой стратегии были положены так называемые либеральные ценности. Сегодня происходит очередная переоценка базовых ориентиров правовой политики России с учетом новых национальных и геополитических реалий. Акценты смещаются в сторону утверждения традиционных духовно-нравственных ценностей, что находит свое отражение в научных публикациях [2] и официальных документах (см.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809).

В-третьих, наряду с праксиологическим и аксиологическим, вопрос об основах правовой политики имеет и определенное теоретико-методологическое значение, поскольку связан с актуализацией и уточнением соответствующих научных взглядов, концепций, подходов.

Современная теория правовой политики во многом развивается в русле идей, сформулированных в дореволюционной и советской теоретико-правовой науке. Прежде всего, речь идет о преемственности базовых представлений о правовой политике как источнике правового прогресса и средстве реализации высоких нравственно-правовых идеалов. Подчеркивание особого статуса правовой политики в жизни общества и государства, в свою очередь, служило и продолжает служить мощным импульсом в разработке широкого круга проблем, касающихся обеспечения социальной обоснованности, легитимности, целесообразности, эффективности государственно-правовой стратегии. По устоявшемуся мнению, правовая политика в полной мере способна раскрыть свой созидательный потенциал лишь при наличии прочных идейно-теоретических оснований. Отсюда, в частности, довольно характерные для отечественной науки трактовки правовой политики в качестве «гене-

ральной линии процесса формирования правовой системы» [5, с. 25], «научно обоснованной, последовательной и системной деятельности» [4, с. 34], «теоретической основы формирования стратегии и тактики» [8, с. 10] и т. п. В середине 90-х гг. прошлого века С.С. Алексеевым была предпринята попытка возродить дореволюционную концепцию политики права как особой науки. С.С. Алексеев предложил именовать указанную науку «Основами правовой политики» [1].

Таким образом, проблематика основ правовой политики исторически доказала свою теоретическую и практическую значимость. Вместе с тем, приходится констатировать, что в настоящее время она редко становится предметом специального теоретико-правового осмысления.

Дискуссионные моменты

Чаще всего упоминание основ правовой политики встречается в научно-публицистических работах. Статьи с типовыми названиями «Основы правовой политики в сфере...», «Основы правовой политики в области...», «Основы правовой политики в отношении...» и т. п., можно встретить практически в любом периодическом юридическом издании. Однако, как правило, их содержание не выходит за рамки формального анализа предписаний действующего законодательства.

Научно-публицистический подход, конечно, дает определенное представление о специфике правовой политики, реализуемой в тех или иных сферах правового регулирования. Вместе с тем, он оставляет открытым ряд ключевых вопросов. Прежде всего, речь идет о понятии основ правовой политики и их соотношении с основами правового регулирования (правовыми основами). Вряд ли правильно, в частности, ставить знак равенства между основами правовой политики и всем необозримым массивом нормативно-правовых предписаний, содержащихся в законах, подзаконных актах и других источниках права. Далеко не всякое правовое предписание является прямым следствием и выражением правовой политики государства, тем более – составляет ее основу. Во-вторых, в юридической литературе нет концептуальной ясности в понима-

нии средств юридической институционализации основ правовой политики: в каких формах, при помощи каких технико-юридических средств обеспечивается юридическая «материализация» основ правовой политики? Высказывается, например, мнение, что специфичным средством выражения основ правовой политики являются юридические приоритеты: «Именно приоритеты, аккумулирующие фундаментальные интересы личности и государства в важнейших сферах жизни, формируют основы правовой политики, задают магистральные пути развития общества» [12, с. 3]. В-третьих, остается открытым вопрос о путях и средствах реализации основ правовой политики в сфере правоприменительной практики (судебной, контрольно-надзорной, правоохранительной и пр.).

Следует заметить, что словосочетание «основы правовой политики» используется в разных смысловых контекстах и служит терминологическим обозначением весьма разноплановых феноменов. Наряду с юридическими, выделяют научные [9], нравственные [11, с. 102-116], экономико-правовые [7, с. 11] и другие основы правовой политики. При этом критерии отнесения тех или иных явлений к основам правовой политики во многом определяются субъективными предпочтениями авторов.

Так, в частности, В.В. Трофимов, принимая во внимание многозначность слова «основа», приходит к выводу, что применительно к научным основам правовой политики его следует трактовать в широком смысле. «Речь должна идти обо всей сумме знаний, относящейся к проблеме эффективного действия права в социальной жизни» [9, с. 103]. Автор отмечает, что имеются в виду и собственно юридические знания, и те знания, которые почерпнуты «из других наук, главным образом социальных».

Такой широкий подход, безусловно, имеет право на существование. Однако, на наш взгляд, он чреват смещением вопроса о научных основах правовой политики с гораздо более широкой и во многом неопределенной проблемой места и роли научного знания в процессах выработки и реализации правовой политики. Правовая политика, несомненно, должна стремиться использовать весь арсенал доступного научного знания. Вместе с

тем, далеко не все и не всякие знания, в том числе юридические, составляют основу правовой политики.

В контексте изложенного, особого внимания заслуживает также вопрос о генезисе и природе основ правовой политики. Являются ли основы чем-то привнесенным извне в правовую политику, или это внутренний «продукт» самой политики?

Обратим в этой связи внимание на позицию А.В. Малько относительно соотношения правовой политики и правовой идеологии. Стремясь отстоять своеобразную «чистоту» деятельностного подхода, А.В. Малько приходит к выводу, что хотя правовая идеология составляет необходимую мировоззренческую основу правовой политики, она, тем не менее, не является существенной чертой правовой политики как особого рода деятельности. «Правовая политика – это, прежде всего, деятельность соответствующих субъектов в юридической сфере. Идеи, взгляды, замыслы, программы, установки и т.д. – есть лишь основа (основания) правовой политики, есть элемент правовой идеологии» [4, с. 29]. «Естественно, – отмечает автор далее, – правовая политика есть деятельность, обязательно основанная на каких-то идеях, взглядах, замыслах, раз это целенаправленная деятельность... Однако идеологические основания политики – действительно, лишь замысел» [4, с. 33].

Вполне можно согласиться с тем, что правовая идеология и правовая политика – это специфичные явления и их не следует смешивать или отождествлять. Следует поддержать также вывод А.В. Малько о том, что правовая идеология составляет важную мировоззренческую основу правовой политики. Вместе с тем, нельзя нивелировать и тот факт, что идеология является необходимым компонентом политико-юридической деятельности, поскольку вне соответствующего идеологического наполнения никакая политическая деятельность просто не может существовать и функционировать.

Следует также учитывать, что в сфере политико-юридической деятельности идеология проявляет себя двояким образом.

Прежде всего, общественное правосознание (идеология и психология) является тем объективным фактором или социально-психо-

логическим фоном, в рамках которого вырабатывается и реализуется правовая политика. Субъекты правовой политики, выстраивая определенную государственно-правовую стратегию, вынуждены считаться с состоянием правосознания общества, учитывать доминирующие идейно-теоретические и психологические установки, определенным образом реагировать на сложившиеся ментальные предпочтения граждан, отражающие их отношение к тем или иным правовым институтам. В этом смысле можно сказать, что правовая идеология и правовая психология выступают по отношению к правовой политике тем внешним фактором, который объективно влияет на ее содержание.

Но есть и другой, не менее важный, аспект. Правовая политика отнюдь не является пассивным отражением сложившихся политико-правовых идей. Напротив, она активно влияет на содержание правовой идеологии общества через механизмы государственной пропаганды, агитации, образования и воспитания, подготовки профессиональных юридических кадров, законотворчества и правоприменения. В сфере правовой политики осуществляется своеобразная официальная селекция правовых идей на предмет их соответствия насущным интересам общества и государства. В процессе указанного отбора правовые идеи соответствующим образом интерпретируются, конкретизируются, обосновываются, систематизируются и т.д. Ненужные взгляды отсеиваются, а нужные – берутся на вооружение. Именно такие, особым образом отобранные и идеологически отшлифованные, идеи составляют идейно-теоретическую основу правовой политики и являются характеристикой ее «внутреннего» содержания в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Деятельностный подход к правовой политике, таким образом, вполне совместим с ее идеологической интерпретацией, поскольку важнейшая черта указанной политики, как справедливо полагает А.П. Коробова, как раз и состоит в выработке и реализации правовых идей стратегического характера. В числе специфичных свойств, характеризующих указанные идеи, автор указывает: связь с правом, фундаментальность, научную обоснованность, концептуальность, официальный харак-

тер и реалистичность. А.П. Коробова резонно отмечает, что «общественное правосознание может порождать множество самых разнообразных идей, в том числе правовых. Однако лишь некоторые из них носят фундаментальный, стратегический характер, т. е. определяют долгосрочные перспективы развития правовой системы, содержат ориентиры на будущее» [3, с. 109].

По всей видимости, правовые идеи стратегического характера, получившие соответствующую официальную оценку со стороны государства, а также других субъектов политико-юридической деятельности, и образуют идейно-теоретическую основу правовой политики в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Заключение

Правовую политику не следует отождествлять ни с идеологией, ни с деятельностью, поскольку ей органично присуще и то, и другое. Вывод о том, что правовая политика как обобщающее понятие охватывает своим содержанием и идейно-теоретические основы, и главные направления деятельности государства в сфере правового строительства, был сформулирован еще в середине 80-х гг. прошлого века [10, с. 15]. Он, на наш взгляд, сохраняет свою теоретико-методологическую ценность и в современных условиях. Восприятие правовой политики в качестве явления (и отражающего его понятия), диалектически сочетающего в своем содержании элементы политико-правовой теории (идеологии) и практики (деятельности), позволяет, с одной стороны, более рельефно отразить специфику каждой из указанных сторон, а с другой, показать их противоречивое единство в процессе выработки и реализации правовой политики.

Термин «основы правовой политики», прежде всего, соотносится с идейно-теоретическим содержанием правовой политики, отражая главное и наиболее существенное в этом содержании. Основы правовой политики – понятие комплексное. Правовые, этические, научные и иные идеи (требования, установки, концепции) составляют идейно-теоретическую основу правовой политики в той мере, в какой служат источником формирования и развития го-

сударственно-правовой стратегии, обеспечивая ее соответствие сложившимся устоям духовно-нравственной и социально-политической жизни, являются выражением сущностных императивов правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Основы правовой политики в России : курс лекций / С. С. Алексеев // Российская школа частного права. – М. : ДЕ-ЮРЕ, 1995. – 128 с.
2. Бабурин, С. Н. Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма / С. Н. Бабурин // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 40–47.
3. Коробова, А. П. Понятие и структура правовой политики / А. П. Коробова // Правовая политика России: теория и практика : монография / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – 752 с.
4. Малько, А. В. Теория правовой политики : монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
5. Муромцев, Г. И. Правовая политика: вопросы методологии / Г. И. Муромцев // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 14–25.
6. Основы теории юридической аномии: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Иванов, Р. С. Маркунин ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Липинского. – М. : РИОР, 2024. – 407 с.
7. Садыков, И. А. Основы правовой экономической политики социального государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Садыков Искандер Анварович. – Казань, 2021. – 28 с.
8. Толкачев, К. Б. Развитие конституционных основ российской правовой политики / К. Б. Толкачев // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 7–16.
9. Трофимов, В. В. Правовая политика как научная основа правовых реформ / В. В. Трофимов // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 101–104.
10. Федоров, Н. В. Правовая политика Советского государства (вопросы истории, теории, практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Федоров Николай Васильевич. – М., 1985. – 22 с.
11. Цыбулевская, О. И. Нравственные основы правоприменительной политики / О. И. Цыбулевская // Правоприменительная политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. – М. : КНОРУС, 2024.
12. Чиркаев, С. А. Юридический приоритет как общеправовой феномен: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чиркаев Сергей Александрович. – Пенза, 2025. – 29 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Osnovy pravovoj politiki v Rossii: Kurs lekcij [Fundamentals of Legal Policy in Russia: Lecture Course]. *Rossijskaya shkola chastnogo prava*. Moscow, DE-YURE Publ., 1995. 128 p.
2. Baburin S.N. Aksiologicheskaya transformaciya sovremennogo rossijskogo konstitucionalizma [Axiological transformation of modern Russian constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2023, no. 12. pp. 40-47.
3. Korobova A.P. Ponyatie i struktura pravovoj politiki [The concept and structure of legal policy]. *Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika: monografiya* [Legal policy of Russia: theory and practice: monograph]. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2006. 752 p.
4. Mal'ko A.V. Teoriya pravovoj politiki: monografiya [Theory of Legal Policy: Monograph]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 328 p.
5. Muromcev G.I. Pravovaya politika: voprosy metodologii [Legal Policy: Methodological Issues]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2005, no. 6. pp. 14-25.
6. Lipinskij D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. Osnovy teorii yuridicheskoy anomii: monografiya [Fundamentals of the Theory of Legal Anomie: A Monograph]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.
7. Sadykov I.A. Osnovy pravovoj ekonomicheskoy politiki socialnogo gosudarstva: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk [Fundamentals of the legal and economic policy of the social state]. Kazan, 2021. 28 p.
8. Tolkachev K.B. Razvitie konstitucionnyh osnov rossijskoj pravovoj politiki [Development of the constitutional foundations of Russian legal policy]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2023, no. 2, pp. 7-16.
9. Trofimov V.V. Pravovaya politika kak nauchnaya osnova pravovyh reform [Legal policy as a scientific basis for legal reforms]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2010, no. 6, pp. 101-104.
10. Fedorov N.V. Pravovaya politika Sovetskogo gosudarstva (voprosy istorii, teorii, praktiki): avtoref. dis... kand. yurid. nauk [Legal policy of the Soviet state (issues of history, theory, practice)]. Moscow, 1985. 22 p.
11. Malko A.V., ed. Nравstvennye osnovy pravoprimenitel'noj politiki [Moral foundations of law enforcement policy]. *Pravoprimenitelnaya politika v sovremennoj Rossii: kurs lekcij* [Law Enforcement Policy in Modern Russia: A Lecture Course]. Moscow, KNORUS Publ., 2024.
12. Chirkaev S.A. Yuridicheskij prioritet kak obshchepravovoj fenomen: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: avtoref. diss... kand. yurid. nauk [Legal priority as a general legal phenomenon: theoretical and practical aspects]. Penza, 2025. 29 p.

Information About the Authors

Viktor A. Rudkovsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, rudkovskIy@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0489-2558>

Alexander N. Samarsky, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, samarsky_an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9062-2037>

Информация об авторах

Виктор Анатольевич Рудковский, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, rudkovskIy@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0489-2558>

Александр Николаевич Самарский, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, samarsky_an@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9062-2037>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.2>UDC 342
LBC 67.400Submitted: 09.11.2025
Accepted: 08.12.2025

THE IMPOSITION OF OBLIGATIONS AS A METHOD OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION: CONCEPT, TYPES, TECHNIQUES OF FORMULATION

Илья А. Минникес

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the imposition of obligations as a method of constitutional and legal regulation. The subject matter of constitutional and legal regulation determines its special place within the system of legal regulation. This inevitably affects the methods of constitutional and legal regulation. **Methodology:** using the formal-legal method of research, the general features inherent to all legal duties and the specific features of constitutional and legal duties that reflect their specific characteristics are identified. As a **result**, while examining the types of legal duties, existing classifications in both general theory of law and constitutional law are reviewed. A slightly different approach is proposed - to analyze constitutional duties from the perspective of legal technique, focusing on how the legislator formulates and articulates a constitutional duty. A clarification is made regarding the normative framework of the study. The analysis does not cover all Russian constitutional legislation but only the text of the current Constitution. Hence, the question is framed as “constitutional and legal obligations” rather than “obligations in constitutional law.” The latter phrase would imply the inclusion in the study’s normative framework of numerous federal constitutional laws, federal laws, as well as constitutions (charters) and laws of the federal subjects. The conducted legal-technical analysis allows for proposing, in addition to the existing classifications.... **Conclusions:** it is concluded that when establishing a constitutional and legal obligation, the legislator uses various terms that carry a general semantic load. The choice of the term depends on many circumstances - these include the specifics of constitutional and legal relations, the nature of the subjects’ activities, a combination of political, economic, social factors, and a whole range of other circumstances.

Key words: constitution, methods of constitutional and legal regulation, the imposition of obligations, legal technique, legal terminology.

Citation. Minnikes I.A. The Imposition of Obligations as a Method of Constitutional and Legal Regulation: Concept, Types, Techniques of Formulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 13-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.2>

УДК 342
ББК 67.400Дата поступления статьи: 09.11.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

ОБЯЗЫВАНИЕ КАК СПОСОБ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ТЕХНИКА ИЗЛОЖЕНИЯ

Илья Анисимович Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: в статье анализируется конституционно-правовое обязывание как способ правового регулирования. Предмет конституционно-правового регулирования предопределяет его особое место в системе правового регулирования. Это неизбежно сказывается на способах конституционно-правового регулирования. **Методология:** с помощью формально-юридического метода исследования выделяются общие признаки, которые присущи всем юридическим обязанностям, и специфические признаки конституционно-правовых обязанностей, которые отражают их видовые особенности. **В результате** при исследовании видов юридических обязанностей рассмотрены существующие классификации как в общей теории права, так и конституционном праве. Предлагается несколько иной подход – проанализировать конституционные обязанности с позиций юридической техники под углом зрения того, как законодатель формулирует и излагает конституци-

онную обязанность. При этом делается оговорка, о нормативной базе исследования. Анализу подвергнуто не все российское конституционное законодательство, а лишь текст действующей Конституции. Отсюда и постановка вопроса – «конституционно-правовые обязанности», а не «обязанности в конституционном праве». Второе словосочетание предполагало бы включение в нормативную базу исследования многих федеральных конституционных и федеральных законов, а также конституций (уставов) и законов субъектов федерации. Проведенный технико-юридический анализ позволяет предложить в дополнение к существующим классификациям. **Выводы:** делается вывод, что при установлении конституционно-правовой обязанности законодатель использует различные термины, которые несут общую смысловую нагрузку. Выбор термина зависит от многих обстоятельств – это особенности конституционно-правовых отношений, характер деятельности субъектов, совокупность политических, экономических, социальных факторов и целый ряд иных обстоятельств.

Ключевые слова: конституция, способы конституционно-правового регулирования, обязывание, юридическая техника, юридическая терминология

Цитирование. Минникес И. А. Обязывание как способ конституционно-правового регулирования: понятие, виды, техника изложения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 13–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.2>

В общей теории права существует устоявшаяся позиция, согласно которой выделяются такие способы правового регулирования как запрет, обязывание (позитивное обязывание) и дозволение.

Что же касается самого понятия обязывания как способа правового регулирования, то здесь мнения ученых несколько расходятся.

С.С. Алексеев полагал, что позитивное обязывание – это возложение на лиц обязанности к активному поведению, т. е. что-то сделать, передать, уплатить и т.д. Причем, как отмечал автор, если при дозволении право требования принадлежит самому субъекту, то при обязывании и запрете право требования принадлежит другим лицам [1, с. 296–297].

В.Л. Кулапов и И.С. Хохлова также пишут о том, что обязывание заключается в необходимости совершения активных действий [6, с. 112].

Н.А. Пьянов, исследуя государственное регулирование, при этом отличая его от правового регулирования, считал, что «обязывание характеризуется тем, что государство предписывает участникам общественных отношений определенный вариант поведения, обязывая их совершить те или иные положительные действия» [10, с. 85].

Иначе подходил к этому вопросу А.Ф. Черданцев. Он полагал, что обязывание может быть позитивным и запретительным. Позитивное обязывание – это возложение на лиц обязанности совершить активные, позитивные действия, это приказ, долг совершить такие дей-

ствия. Запрет это обязанность не совершать какие-то действия [12, с. 307].

Несмотря на некоторое расхождение во взглядах, все они солидарны в том, что позитивное обязывание – это необходимость совершить активные положительные действия.

Данная проблематика всегда вызывали интерес как у представителей общей теории права, так и отраслевой юридической науки. Это в полной мере относится и к способам правового регулирования, которые используются законодателем в тексте действующей Конституции Российской Федерации при установлении конституционных запретов, обязанностей и дозволений.

Об актуальности исследования текста Конституции предельно точно выразилась Т.Я. Хабриева: «Казалось бы, каждая буква и каждая запятая в ней исследованы досконально и учеными, и практиками, современные государственно-правовые реалии нацеливают на то, чтобы под новым углом взглянуть на привычные правовые конструкции и аксиомы, которые все чаще требуют доказательств» [11, с. 5].

Способы правового регулирования в данном случае обусловлены особенностями конституционно-правовых отношений. При этом используются все способы и все они играют одинаково важную роль.

Автор настоящей статьи, исследуя проблему способов правового регулирования в конституционном праве, уже обращался к вопросу о конституционно-правовых запретах

[8; 9]. Здесь же речь пойдет о понятии и видах конституционных обязанностей, а также технике их изложения в тексте Конституции. Важно обозначить и нормативную базу данного исследования. Анализ будет подвергнут не все российское конституционное законодательство, а лишь текст действующей Конституции.

Начнем с признаков, которые присущи любой юридической обязанности в любой отрасли права:

- обязывание – это один из способов правового регулирования, суть которого состоит в том, что право налагает на участников общественных отношений позитивные юридические обязанности;
- обязанность содержится в норме права и сформулирована в статье нормативно-правового акта;
- за неисполнение обязанности действующим законодательством предусмотрена санкция.

Но конституционно-правовые обязанности обладают и собственными специфическими признаками, которые отражают именно их видовые особенности. К таковым относятся:

- специфика общественных отношений (в данном случае конституционно-правовых), урегулированных различными способами правового регулирования, в том числе конституционно-правовыми обязанностями;
- ограниченный круг субъектов конституционного нормотворчества, способных и уполномоченных сформулировать конституционно-правовую обязанность;
- отраслевой, весьма ограниченный перечень нормативно-правовых актов, где эти обязанности могут быть изложены, что обусловлено спецификой конституционно-правовых отношений;
- сами статьи Конституции, как правило, не содержат санкций, и конкретные санкции за неисполнение конституционно-правовых обязанностей могут содержаться в других конституционно-правовых нормах, либо нормах других отраслей права.

Это обусловлено особым местом конституционного права в системе российского права.

Обращались к проблеме конституционных обязанностей и другие авторы.

Так, например, Т.Х. Кемрюгов выделяет признаки конституционных обязанностей личности через призму правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. К ним он относит:

- неоспоримость (конституционную обязанность нельзя юридически оспорить или подвергнуть сомнению правомерность ее закрепления в праве);
- закрепление в нормах высшей юридической силы (Конституции РФ);
- индивидуально-личный характер исполнения (конституционная обязанность может быть исполнена лишь непосредственно обязанным лицом);
- всеобщность (изъятия из действия конституционной обязанности должны иметь конституционные основания);
- направленность на реализацию как личных, так и общественных интересов (в общественных отношениях, которые опосредованы конституционными обязанностями, для гражданина исключена возможность реализовать свой личный интерес иначе, чем через реализацию конституционной обязанности) [5, с. 80–81].

Следует признать, что такой подход весьма перспективен не только с точки зрения теории конституционного права, но и с позиций конституционно-правовой практики.

Касаясь вопроса о *видах* конституционно-правовых обязанностей, сначала следует рассмотреть уже существующие классификации.

В.Е. Чиркин ставил вопрос о коллективных конституционных правах и обязанностях, которые проявляются в тех отношениях, где гражданин не может действовать индивидуально. Субъектами конституционных правоотношений здесь могут быть народ (право на самоопределение), крупные социальные общности (например, дети или ветераны). В качестве примера коллективной обязанности В.Е. Чиркин называл требование социального партнерства с указанием его форм в ст. 27 Трудового кодекса РФ [13].

Вопрос о коллективных правах и обязанностях мало разработан в юридической науке. Причем проблеме коллективных обязанностей уделялось гораздо меньше внимания по сравнению с коллективными правами. И это направление безусловно является перспективным для дальнейшего исследования.

Встречаются и иные классификации. Так, Г.Ю. Воропаева предлагает классификацию конституционных обязанностей граждан, исходя из содержания публичных интересов [4, с. 126].

Б.С. Эбзеев ставит вопрос шире и говорит не о классификации, а о типологии конституционных обязанностей граждан, выделяя гражданские обязанности, этико-социальные обязанности, социально-культурные обязанности и обязанности в сфере охраны окружающей среды [15, с. 227–228].

В.Е. Чиркин в другой своей работе в результате сравнительно-правового анализа пришел к выводу, что во многих конституциях стран мира по-прежнему нет специальных глав о правах и обязанностях. В некоторых конституциях содержатся только главы о правах человека, об обязанностях в них не говорится. При этом в отношениях личность–личность, по существу, есть только одна центральная норма (и то не во всех конституциях): человек обязан уважать права и интересы другого человека (иногда добавляется – честь и достоинство). А вот в отношениях личность–государство по мнению автора наметилась тенденция, что в конституциях констатируются не только обязанности личности (в основном гражданина) по отношению к государству (налоги, воинская обязанность и др.), но и обязанности государства [14, с. 4–6].

На важность такого фактора как обязанности государства перед гражданином обращали внимание и другие исследователи.

Как подчеркивал О.Е. Кутафин, «гарантией конституционности государства является система средств и институтов, обеспечивающих его функционирование как конституционного государства. Одно из таких средств – обеспечение приоритета прав человека как гарантии конституционности государства» [7, с. 416].

Белорусские ученые также пишут о том, что «в обязанностях государства проявляется его сущность, степень его демократичности, характер деятельности, отношение к обществу. Государство реализует себя в обязанностях. Обязанности государства определяются его экономическим базисом, социальной структурой» [2, с. 61]. В тоже время указывалось и на двухстороннюю связь «государство–

гражданин». Так, Д.Г. Василевич обоснованно отмечает, что «индивидуум, живя в обществе, не может быть свободен от обязательств перед ним» [3, с. 152].

Следовательно, есть все основания разделять конституционные обязанности на обязанности гражданина и обязанности государства.

Возможны и иные классификации конституционных обязанностей.

Дабы не вступать в дискуссию по вопросам, которые уже много раз были предметом обсуждения, предлагается несколько иной подход – проанализировать конституционные обязанности с позиций юридической техники, т. е. под углом зрения того, как законодатель формулирует и излагает обязанность в тексте нормативного предписания. Тем более, что текст действующей Конституции Российской Федерации дает для этого богатый материал.

Характерно то, что законодатель не использует в действующей Конституции сам термин «обязывание».

Выбор термина для формулирования конкретной обязанности зависит от многих обстоятельств – особенности конституционно-правовых отношений, характер деятельности субъекта (субъектов) этих правоотношений, структура и композиционность определенной главы Конституции, совокупность политических, экономических, социальных факторов, точка зрения автора (авторов), которые готовили текст данной статьи и целый ряд иных обстоятельств.

Проведенный анализ текста Конституции в актуальной редакции позволяет сделать вывод, что конституционные обязанности упоминаются в восемнадцати статьях Раздела первого и в двух статьях Раздела второго Конституции. Но это не значит, что количество конституционных обязанностей равняется двадцати. Техника их изложения в статьях Конституции различна.

Так, при возложении обязанности законодатель использует термины «обязанность», «обязаны», «обязан», «является обязанностью», «осуществлять обязанности», «не освобождает от обязанности», «несут обязанности», «обеспечение обязанностей», «исполнение обязанностей», «наложение обязанностей», «приобретение обязанностей», «выполнение

обязанностей». Несмотря на такое терминологическое разнообразие, смысл один – это обязанность участника общественных отношений к совершению определенных позитивных действий.

В тоже время в Конституции содержатся нормы, которые освобождают субъектов от совершения определенных обязанностей.

Так, согласно ч. 2 ст. 49 обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а согласно ч. 1 ст. 51 никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Кроме того, ч. 2 ст. 51 говорит о том, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

В названных случаях конечно же речь идет не о видах обязанностей, а напротив об освобождении от обязанности.

В Конституции прослеживается разделение обязанностей на те, которые возлагаются на человека, и те, которые возлагаются на государство. О существовании такой классификации уже упоминалось ранее, в развитие которой возможно предложить следующее.

Прежде чем говорить об этом разделение, предлагается выделить по степени распространяемости (критерий классификации) такой вид как «абсолютные обязанности», которые распространяются на всех без исключения участников конституционно-правовых отношений.

В этом случае законодатель использует термин «каждый»: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 44), «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» (ст. 57), «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам» (ст. 58).

Другим видом согласно предлагаемому критерию будут «персонифицированные обязанности», которые распространяются только на определенную категорию субъектов и где во внимание принимаются индивидуальные особенности субъектов, которые могут быть различными, но обязательно юридически значимыми.

Для физических лиц наиболее значимым является *критерий гражданства*.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 6 Конституции «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на её территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». Несмотря на использование термина «каждый», более характерного для абсолютных обязанностей, круг субъектов сужается – граждане Российской Федерации.

При этом согласно ст. 60 «Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объёме свои права и обязанности с 18 лет», т.е. к критерию гражданства добавляется возрастной критерий.

Вместе с тем ст. 62 говорит о том, что «наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации» (ч. 2). А часть 3 той же статьи закрепляет положение, согласно которому «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации».

Несмотря на термин «наравне» критерий гражданства все равно присутствует. Существуют обязанности, которые возлагаются Конституцией только на граждан Российской Федерации. Так, «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» (ст. 59).

В конституционно-правовом регулировании существуют и иные критерии персонификации для физических лиц, например состояние в родстве. Примером тому могут служить ч. 2 ст. 38: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» или ст. 72 – обязанность совершеннолетних детей заботиться о родителях.

Когда же носителем конституционной обязанности является государство, то наиболее четко это отражено в ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются выс-

шей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

При этом конституционные обязанности могут возлагаться не на государство в целом, а на действующие от его имени органы государственной власти. В качестве примера можно привести ст. 15 Конституции, которая налагает на них обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, или ст. 24 в соответствии с которой органы государственной власти и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Важно отметить, что в обязанность государства входит и обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина (ст. 75.1).

Разумеется, при дальнейшем анализе возможны и иные классификации конституционно-правовых обязанностей.

Конституция Российской Федерации как акт прямого действия дает юристам широкое поле для исследований как в общей теории права, так и в отраслевых юридических дисциплинах, и конституционно-правовое регулирование – это одно из самых перспективных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 360 с.
2. Бошукова, Е. В. Конституционные обязанности государства по соблюдению прав и свобод личности / Е. В. Бошукова, Ю. А. Бошуклва // Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве : материалы Междун. науч.-практ. конф., Витебск, 20–21 апреля 2012 г. – Витебск : Изд-во Витеб. гос. ун-та им. П.М. Машерова, 2012. – С. 61–63.
3. Василевич, Д. Г. Теоретико-прикладные аспекты развития прав и свобод человека и гражданина / Д. Г. Василевич // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 151–158.
4. Воропаева, Г. Ю. Конституционные обязанности граждан Российской Федерации как форма выражения публичных интересов / Г. Ю. Воропаева // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 10-3 (50). – С. 123–127.

5. Кемрюгов, Т. Х. Конституционные обязанности личности через призму правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / Т. Х. Кемрюгов // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти: теория и практика : по материалам Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов, 2018. – С. 80–82.

6. Кулапов, В. Л. Способ правового регулирования / В. Л. Кулапов, И. С. Хохлова. – Саратов : Изд-во СГАП, 2010. – 176 с.

7. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – М. : Норма, 2008. – 544 с.

8. Минникес, И. А. Конституционно-правовые запреты в российском праве / И. А. Минникес // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : материалы VI Тихоокеанского юрид. форума. – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2021. – С. 399–402.

9. Минникес, И. А. Конституционно-правовые запреты: понятие, виды, техника изложения / И. А. Минникес // Академический юридический журнал. – 2021. – Т. 22, № 3 (85). – С. 211–219.

10. Пьянов, Н. А. Государственное регулирование и его механизм : учеб. пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 151 с.

11. Хабриева, Т. Я. Конституция Российской Федерации в фокусе современной конституционно-правовой доктрины (к 25-летию Основного закона России) / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 12. – С. 5–17.

12. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: учебник / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрист, 2003. – 395 с.

13. Чиркин, В. Е. Гражданское общество, конституционные коллективные права и обязанности / В. Е. Чиркин // Гражданин и право. – 2012. – № 5. – С. 3–16.

14. Чиркин, В. Е. Конституционные обязанности: человек, гражданин, государство и общество / В. Е. Чиркин // Гражданин и право. – 2011. – № 1. – С. 3–7.

15. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юрид. лит., 2005. – 574 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1*. Moscow, 1981. 360 p.
2. Boshukova E.V., Boshuklva Yu.A. *Konstitucionnye obyazannosti gosudarstva po soblyudeniyu prav i svobod lichnosti. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie integracionnyh processov na postsovetском prostranstve: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vitebsk, 20-21*

aprelya 2012 g. Vitebsk, Izd-vo Viteb. gos. un-ta im. P.M. Masherova, 2012, pp. 61-63.

3. Vasilevich D.G. Teoretiko-prikladnye aspekty razvitiya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 151-158.

4. Voropaeva G.Yu. Konstitucionnye obyazannosti grazhdan Rossijskoj Federacii kak forma vyrazheniya publicznyh interesov. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 10-3 (50), pp. 123-127.

5. Kemryugov T.H. Konstitucionnye obyazannosti lichnosti cherez prizmu pravovyh pozicij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. *Konstitucionno-pravovye problemy effektivnosti publichnoj vlasti: teoriya i praktika: po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii. Povolzhskij institut im. P.A. Stolypina, 27 sentyabrya 2018 g.* Saratov, 2018, pp. 80-82.

6. Kulapov V.L., Hohlova I.S. *Sposob pravovogo regulirovaniya*. Saratov, Izd-vo SGAP, 2010. 176 p.

7. Kutafin O.E. *Rossijskij konstitucionalizm*. Moscow, Norma Publ., 2008. 544 p.

8. Minnikes I.A. Konstitucionno-pravovye zaprety v rossijskom prave. *Pravo, ego prime-*

nenie i realizaciya v epohu global'nyh vyzovov i menyayushchejsya real'nosti: materialy VI Tihookeanskogo yuridicheskogo foruma. Vladivostok, Izd-vo DVFU, 2021, pp. 399-402.

9. Minnikes I.A. Konstitucionno-pravovye zaprety: ponyatie, vidy, tekhnika izlozheniya. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, 2021, vol. 22, no. 3 (85), pp. 211-219.

10. P'yanov N.A. *Gosudarstvennoe regulirovanie i ego mekhanizm: uchebnoe posobie*. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2010. 151 p.

11. Habrieva T.Ya. Konstituciya Rossijskoj Federacii v fokuse sovremennoj konstitucionno-pravovoj doktriny (k 25-letiyu Osnovnogo zakona Rossii). *Zhurnal rossijskogo prava*, 2018, no. 12, pp. 5-17.

12. Cherdancev A.F. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik*. Moscow, Yurist Publ., 2003. 395 p.

13. Chirkin V.E. Grazhdanskoe obshchestvo, konstitucionnye kollektivnye prava i obyazannosti. *Grazhdanin i pravo*, 2012, no. 5, pp. 3-16.

14. Chirkin V.E. Konstitucionnye obyazannosti: chelovek, grazhdanin, gosudarstvo i obshchestvo. *Grazhdanin i pravo*, 2011, no. 1., pp. 3-7.

15. Ebzeev B.S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 2005. 574 p.

Information About the Author

Илья А. Минникес, Doctor of Law, Professor, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation, iaminnikes@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-6661>

Информация об авторе

Илья Анисимович Минникес, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, iaminnikes@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-6661>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.3>

UDC 340.115

LBC 67.00

Submitted: 14.10.2025

Accepted: 08.12.2025

THE CENTRAL APORIA OF POSITIVE LAW PHILOSOPHY: “PUNCTUM ARCHIMEDIS”

Dmitry V. Zykov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper represents a methodological incursion into the epistemological core of legal positivism. **Purpose:** to prove that law enforcement is always associated with an extra-logical “leap” – an act of faith, interpretation, or recognition rooted in the normativity of consciousness. **Methodology:** philosophical toolkit – aporia (dead end), based on the dualism of “is” and “ought” and “Hume’s Guillotine”. **Results:** the fundamental impossibility of building a closed, self-sufficient theory of law on purely factual grounds is revealed. **Conclusions:** positivism appears not as scientific rigor, but as a form of ontological naivety that ignores the transcendental conditions of the very possibility of law. The work outlines the contours of a post-positivist “legal ecology” that accepts the hybrid nature of legal knowledge.

Key words: philosophy of law, legal positivism, Hume’s Guillotine, is and ought, aporia of law, normativity of consciousness, legitimacy, legal ontology, interpretation, legal zombies.

Citation. Zykov D. V. The Central Aporia of Positive Law Philosophy: “Punctum Archimedis”. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 20–26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.3>

УДК 340.115

ББК 67.00

Дата поступления статьи: 14.10.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АПОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА: «PUNCTUM ARCHIMEDIS»

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья представляет собой методологический десант в эпистемологическое ядро юридического позитивизма. **Цель:** доказать, что правоприменение всегда сопряжено с внелогическим «прыжком» – актом веры, интерпретации или признания, укорененным в нормативности сознания. **Методология:** философский инструментарий – апория (тупик), основанная на дуализме сущего и должного и «Гильотина Юма». **Результаты:** вскрывается фундаментальная невозможность построения замкнутой, самодостаточной теории права на чисто фактологических основаниях. **Выводы:** позитивизм предстает не как научная строгость, а как форма онтологической наивности, игнорирующая трансцендентальные условия возможности самого права. Работа намечает контуры постпозитивистской «правовой экологии», принимающей гибридную природу правового знания.

Ключевые слова: философия права, юридический позитивизм, Гильотина Юма, сущее и должное, апория права, нормативность сознания, легитимность, правовая онтология, интерпретация, правовые зомби.

Цитирование. Зыков Д. В. Центральная апория философии позитивного права: «Punctum Archimedis» // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 20–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.3>

Введение

Философия права из «кабинетной дисциплины» способна превратиться в стратегическое оружие методологической критики, если найдена «Архимедова точка», переворачивающая всю дискуссию о природе права. Когда погружаешься в метафизические основания, юридический позитивизм действительно вызывает когнитивный зуд. Главный «грех» позитивизма – методологическое упрощение, возведенное в принцип. Упрощенная модель позитивизма держится на трех основаниях.

1. Реификация (овеществление). Берут сложнейший, многоуровневый феномен – право – и сводят его к плоскому, удобоперевариваемому объекту: тексту, приказу, судебному решению. Убивают всю эмерджентную реальность права.

2. Подмена вопроса. На вопрос «Что делает закон законом?» позитивисты отвечают: «Вот он, напечатан в сборнике». Это как на вопрос о природе сознания указать на томограф и сказать: «Вот оно, видишь, вот эти нейроны».

3. Игнорирование трансцендентального горизонта. Позитивисты не видят (или не хотят видеть), что любой эмпирический правовой факт – это следствие. Следствие работы невидимой нормативной структуры, социального консенсуса, акта признания – того, что предшествует и делает возможным сам этот факт.

В основании права лежит не факт, а акты веры (Кельзен), решение (Шмитт) или молчаливое соглашение (Харт). Все данные авторы – «квазипозитивисты», потому что каждый в своей системе вынужден тайно или явно ввести непозитивистскую сущность для остановки бесконечного регресса обоснования. Они одновременно используют позитивистское упрощение и критикуют его, тем самым сохраняя видимость научной строгости. Это не случайные примеры. Все они пытаются построить замкнутую позитивистскую вселенную. Но она всегда будет требовать «темной материи» извне, чтобы не схлопнуться. Кельзен – с его логической фикцией. Харт – с его социологической верой. Шмитт – с его экзистенциальным решением. Все они – пленники

гильотины Юма. Апория – единый ключ к этим трем разным дверям, за которыми скрывается одна и та же пропасть. Наша задача – не критиковать конкретных позитивистов, а показать, что их «прочный фундамент» – это тонкая корка льда над пропастью. Итак, мы утверждаем, что философия позитивизма есть вариант онтологической наивности. Право – это не текст, а отношение, не факт, а значение, не данность, а задача.

Punctum Archimedis в структуре правоприменительного акта

Punctum Archimedis обозначает тот неизбежный момент интерпретации, когда правоприменитель совершает переход от констатации текстуального факта («в законе написано Х») к нормативному выводу («следовательно, я должен поступить Y»). Этот разрыв между сущим и должным не может быть преодолен средствами самой позитивистской парадигмы – он требует привлечения внешнего, метаюридического обоснования, будь то авторитет, социальный консенсус или акт экзистенциального выбора. Его можно определить следующим образом: «Суждения о должном изложены в тексте закона, который мы воспринимаем внешне как суждение о факте (сущем), а если так, то для нас становится актуальной Гильотина Юма». Через данное наблюдение вскрывается суть проблемы взаимодействия «сущего» и «должного» в праве. Развернем центральную апорию, следуя ее же внутренней логике.

«Суждения о должном изложены в тексте закона...». Это констатация нормативной природы права. Закон говорит не о том, что есть, а о том, что должно быть. Его высказывания – это императивы, предписания, а не дескрипции. Пример: «Граждане обязаны платить налоги» – это не описание поведения всех граждан, а предписание, как им следует поступать.

«...который мы воспринимаем внешне как суждение о факте (сущем)...». Это ключевой гносеологический сдвиг. Чтобы работать с законом, мы должны его объективировать. Текст закона (бумага, чернила, цифровой код) – это эмпирический, чувственно воспринимаемый факт. Его существование,

его слова, его грамматические конструкции – все это элементы мира «сущего». Мы читаем закон и констатируем: в статье 105 УК РФ записано: «Убийство наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет». Это – суждение о факте. Оно может быть истинным или ложным (проверяется обращением к тексту, поскольку право самореферентный феномен).

«...а если так, то для нас становится актуальной Гильотина Юма». Гильотина Юма – это философский принцип, гласящий, что невозможно логически вывести оценочное утверждение (должное) из дескриптивного утверждения (сущее) [4, с. 137]. Наш тезис демонстрирует, что правоприменитель постоянно оказывается по разные стороны этой гильотины. С одной стороны, он начинает с факта: «В законе есть такой-то текст». С другой стороны, он должен прийти к предписанию: «Следовательно, я должен применить эту норму к данному случаю и вынести такое-то решение».

Проблема. Логический переход от пункта 1 к пункту 2 некорректен. Из того, что нечто написано в законе, с чисто логической точки зрения не следует, что ему надо подчиняться. Между констатацией факта и обязательностью действия лежит пропасть. Пример логического вывода из правильных посылок, который принудительно обуславливает наш рассудок: «Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ – смертен».

«Спасительные круги» юридического позитивизма и почему они не спасают

Позитивизм осознает пропасть. Его гении пытались набросить через нее веревочные мосты. Но эти мосты – фикции. Анализ классических попыток позитивистской доктрины преодолеть апорию «гильотины Юма» показывает, что эти конструкции не отменяют необходимости исходного акта признания их легитимности, что возвращает нас к исходной проблеме [7, с. 9–22].

Спасательный круг Ганса Кельзена: «Основная норма». Как обманывает гильотину: Кельзен останавливает бесконечный регресс («Почему я должен подчиняться этой норме? Потому что она издана высшей. А высшей?»)

с помощью гипотетического допущения: «Следует поступать так, как предписывает исторически первая конституция». Это не факт, а трансцендентально-логическое предположение. Прыжок в «должное». Почему не спасает. Основная норма – это акт веры. Это признание, что самый фундамент позитивистской системы зиждется не на факте, а на должновании, которое она сама же не может обосновать. Позитивизм начинает с капитуляции перед гильотиной [1].

Спасательный круг Герберта Харта: «Правило признания». Как обманывает гильотину: Харт говорит: обязательность возникает не из норм, а из социального факта – сложившейся практики правоприменителей (судов, чиновников) использовать определенные критерии для идентификации права («что опубликовано в официальном источнике, то и закон»). Почему не спасает. Вопрос немедленно сдвигается. «Почему я должен подчиняться правилу признания?». Ответ Харта: «Потому что его применяют чиновники с внутренней точки зрения». А почему я должен разделять эту внутреннюю точку зрения? Это снова прыжок. «Правило признания» – это констатация социального консенсуса, но не его нормативное обоснование. Гильотина отсекает переход от «так поступают» к «так должно поступать» [3, с. 76–109].

Спасательный круг Карла Шмитта: «Акт политической воли». Он самый радикальный и откровенный «квазипозитивист». Его критика либерального нормативизма – это, по сути, критика позитивизма с ультра-позитивистских позиций, которая заканчивается полным разрывом с ним. Позитивистская витрина: Шмитт тоже начинает с факта. Но для него главный факт – не норма, а суверенная власть. Позитивное право – это производное от воли суверена. Квази-сущность: «Решение» (Dezision) как чистый акт воли, не имеющий нормативного основания. Это момент, когда право рождается из ничего – из исключения, из чрезвычайного положения. Суверен – это тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении». Это решение предшествует любой норме и легитимирует ее. Шмитт с радикальной честностью показывает, что в основании любой правовой системы лежит не норма (как у Кельзена) и не социальный консен-

сус (как у Харта), а до-правовой, экзистенциальный акт силы и воли. Его позитивизм доходит до такой крайности, что самоуничтожается, обнажая свою внеправовую, политическую основу. Он не скрывает пропасть, он смотрит в нее лицом позитивиста, говоря: «Ваша система – всего лишь замороженное решение. А я изучаю сам момент заморозки». Шмитт – квазипозитивист, потому что его теория является не теорией права, а теорией источника права, который находится вне права, в чистой политике. Он заменяет нормативность – волей, а легитимность – эффективностью решения (см.: [7, с. 324–431]).

Вывод. Все трое – «квази», потому что их системы не самодостаточны. Кельзен останавливает регресс с помощью логической фикции («основная норма»). Харт останавливает регресс с помощью социологической констатации («внутренняя точка зрения»). Шмитт останавливает регресс с помощью экзистенциального откровения («решение»). Любая попытка построить замкнутую позитивистскую систему упирается в необходимость этого исходного, невыводимого «прыжка». Позитивизм не отменяет гильотину, а лишь маскирует ее под ковер в самом основании своего здания. Апория выстроена как скальпель: констатация дуализма «должного» в тексте и «сущего» текста (лезвие); приложение «Гильотины Юма» (острие); демонстрация непреодолимости пропасти для позитивизма и неизбежности «прыжка» – акта веры, признания, интерпретации (разрез). Связи (легитимность, круг обоснования, интерпретация, правовые зомби) – это следы этого разреза на разных уровнях правовой реальности. Разумеется, классические подходы позитивизма не исчерпываются рассмотренными нами концепциями, однако именно они наиболее репрезентативны для демонстрации центральной атории [6].

Связи и следствия центральной атории

Здесь раскрывается эвристическая мощь центральной атории: ее применение к проблеме легитимности / легальности, к феномену «правовых зомби» (норм, формально существующих, но лишенных социальной действенности), к логической порочности обоснования, а также способствует

проекту постпозитивистских исследований права как живой, аутопоэтической системы.

Проблема обязательности права может быть вскрыта через антиномию легитимность vs. легальность. Легальность – это как раз тот самый факт, соответствие действия тексту закона. Легитимность – это ответ на вопрос «Почему я должен подчиняться этому тексту?». Наш тезис показывает, что легальность не порождает легитимность сама по себе. Легитимность – это внелогический, ценностный прыжок через гильотину Юма. Он совершается на основе веры в авторитет законодателя, разделения (признания) ценностей, стоящих за законом, страха перед санкцией (что, впрочем, тоже является переходом к другому «должному» – «я должен избегать наказания»), нормативности сознания как внутренней убежденности в необходимости подчинения.

Последовательный позитивист, пытаясь остаться в рамках «сущего», попадает в следующую ловушку обоснования. «Почему я должен подчиняться этой норме»? «Потому что она издана в соответствии с другой, более высокой нормой». «А почему я должен подчиняться той?» И так до «основной нормы», которая является уже не фактом, а трансцендентально-логическим допущением, то есть снова прыжком в «должное». Гильотина Юма отсекает возможность построить замкнутую, самодостаточную систему права только на фактах.

Процесс правоприменения – это и есть ритуал [2, с. 170–186] преодоления Гильотины Юма. Судья или юрист постоянно «вращаются» вокруг трех аспектов. Констатирует факты. Установленный текст закона + установленные обстоятельства дела (это мир «сущего»). Совершает герменевтический акт. Интерпретирует текст, подводит под него факты. Этот акт – не логический, а ценностно-волевой. Он уже содержит в себе скрытое «долженствование» – долженствование именно такой, а не иной интерпретации. Выводит решение: новое «должное» для конкретных сторон. Таким образом, право живет в постоянном преодолении гильотины Юма через акты интерпретации и волеизъявления.

Правовой зомби – это норма, которая существует как факт (она есть в тексте, ее

формально применяют), но у которой отсутствует нормативная сила. Для нее гильотина Юма работает на полную мощность: ее существование не порождает настоящего долженствования. Ей подчиняются по привычке, из страха, по ошибке, но не в силу внутренней убежденности в ее правовом характере. Пример 1. Предположим, где-то в архивах осталась не отмененная административная норма о «тунеядстве», «спекуляции» или «бродяжничестве». Она – «сущее». Ее текст существует. Но попытка перейти от этого факта к «долженствованию» ее применить натолкнется на стену. Судья, полиция, общество не воспринимают ее как источник обязательности. Нормативность сознания отказывается ее «интроецировать». Она – труп в правовой системе, который не убрали с улицы. Пример 2. Нормы депутатской неприкосновенности, которые правоприменитель вынужден игнорировать в случае очевидных злоупотреблений. Такие нормы – факт. Но их существование не порождает внутренней обязанности их безусловно соблюдать. Они не являются «правом» в живом смысле, а лишь юридическим курьезом, противоречащим основам правовой справедливости. Правоприменитель, сталкиваясь с ними, совершает не логический вывод, а ценностный выбор – ограничивать их действие, потому что они не вписаны в актуальную нормативную картину мира, основанную на принципе равенства перед законом. Живое право – это норма, для которой гильотина Юма «не работает», потому что ее существование как факта подкреплено нормативностью сознания участников. Логический разрыв между «есть» и «должен» преодолевается коллективной верой и признанием [5].

Нормативность сознания является мостом через пропасть между сущим и должным. Ежедневное функционирование права было бы невозможно, если бы каждый акт правоприменения требовал осознанного философского усилия по преодолению «Гильотины Юма». Этот разрыв преодолевается феноменом нормативности сознания – усвоенной в процессе социализации готовности индивида воспринимать определенные знаки (тексты законов, решения судов) как источники обязательности. Нормативность сознания действует как социальный гипноз [2, с. 159–170], делающий

прыжок от «есть» к «должен» незаметным и автоматическим. Право живет не в текстах, а в головах, где гильотина безмолвствует. Кризис права наступает тогда, когда этот гипноз рассеивается, и гильотина предстает перед обществом во всей своей неустрашимости. Это – ключевой механизм, который объясняет, почему правовая система не рассыпается ежесекундно.

Нормативность сознания – это «социальное» в нас, ставшее частью нашего «Я». Как это работает? До социализации. Индивид видит текст закона. Гильотина Юма неприступна. «Есть текст»! «Почему я должен ему подчиняться?» – разрыв. После правовой социализации. Индивид видит текст закона. Нормативность его сознания автоматически и незаметно совершает прыжок. Мышление работает по схеме: «Есть текст»! «Это закон»! «Законам надо подчиняться»! «Я должен подчиниться». Второй и третий шаги – это и есть работа нормативности сознания. «Законам надо подчиняться» – это не логический вывод, а усвоенная аксиома, ставшая частью ментального аппарата. Гильотина «не срабатывает», потому что прыжок через нее стал неотличим от самой логики мышления. Таким образом, живое право – это не то, что написано в сборниках. Это то, что написано в нормативном сознании участников правовой коммуникации. Правовая система функционирует до тех пор, пока коллективная нормативность сознания обеспечивает массовое, автоматическое преодоление гильотины Юма. Кризис права – это кризис этой нормативности сознания, когда пропасть между «есть» и «должен» снова становится видимой для всех. Этот механизм превращает апорию из философского наблюдения в работающий диагностический инструмент и стратегическое оружие.

Выводы

Наш тезис схватывает фундаментальный разрыв в сердцевине юридического мышления. Правовая система – это гигантский механизм по постоянному, ежесекундному «обману» гильотины Юма. Она создает иллюзию логического перехода от «сущего» к «должному» через целый комплекс внелогич-

ческих средств: языковые конструкции (маскирующие императивы под констатации); институциональный авторитет (судов, законодателя); социальные ритуалы (публикация законов, судебные процедуры); воспроизводство нормативности сознания через образование и идеологию.

Осознание этой проблемы не ослабляет право, а, напротив, вскрывает его подлинную природу: право – это не логический автомат, а живой, коммуникативный процесс, основанный на вере, авторитете и интерпретации, постоянно балансирующий на лезвии между миром фактов и миром ценностей. Данный гносеологический удар есть методологическое рассеечение, вскрывающее саму возможность существования юридической науки; здесь локализуется эпистемологический разрыв в самом акте правопознания. В стратегическом плане это приводит к следующим следствиям.

Позитивизм, претендующий на построение «объективной» науки о праве, базируется на нерелексируемом логическом скачке. Его стратегия «описания права как факта» терпит крах в момент применения – когда юрист должен перейти от констатации текста к решению. Это внутреннее противоречие в самом сердце методологического врага. Наш тезис создает таксономию методологических тупиков. Тупик чистого эмпиризма: можно описать все тексты законов, но нельзя вывести из этого их обязательность. Тупик чистого нормативизма: можно построить идеальную иерархию норм, но нельзя обосновать их связь с реальностью. Тупик чистого социологизма: можно описать правовые практики, но нельзя перейти к оценке их правового характера.

Данные выводы дают основание для дальнейшего выстраивания стратегии и расчищают пространство для стратегии «правовой экологии», где: признается принципиальная гибридная природа правового знания; нормативность сознания становится не «помехой», а легитимным объектом изучения; правоведение понимается как наука, постоянно рефлексирующая над своими основаниями.

Данные выводы дают основание тактического применения на оперативном уровне, поскольку это: критерий различия между живым правом и правовым зомби; инструмент

диагностики патологий правовой системы; основание для педагогики – обучения «многоточечному» правовому мышлению. По сути, это точка сборки/разборки всей правовой эпистемологии, методологический инструмент, позволяющий деконструировать любую правовую теорию; выявлять ее скрытые ценностные предпосылки, строить более сложные и адекватные модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, М. В. Об основных элементах чистого учения о праве Г. Кельзена / М. В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4. – С. 169–196.
2. Ветютнев, Ю. Ю. Аксиология правовой формы / Ю. Ю. Ветютнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
3. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 392 с.
4. Максимов, Л. В. Гильотина Юма: pro et contra / Л. В. Максимов // Этическая мысль. – 2012. – № 12. – С. 124–143.
5. Поляков, А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А. В. Поляков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16. – С. 39–101.
6. Слеженков, В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? / В. В. Слеженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 17–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>
7. Три царства права: действительность, ответственность, легитимность / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, В. Е. Кондуров, А. А. Краевский ; под ред. Е. В. Тимошиной. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. – 646 с.

REFERENCES

1. Antonov M.V. Ob osnovnykh elementakh chistogo ucheniya o prave G. Kel'zena [On the Basic Elements of G. Kelsen's Pure Doctrine of Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2013. no. 4. pp. 169-196.
2. Vetyutnev Yu.Yu. *Aksiologiya pravovoy formy* [Axiology of Legal Form]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2013. 200 p.

3. Dvorkin R. *O pravakh vseryez* [On Rights Seriously]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p.

4. Maksimov L. V. Gilotina Yuma: pro et contra [Hume's Guillotine: Pro et Contra]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2012. no. 12. pp. 124-143.

5. Polyakov A. V. Printsip vzaimnogo pravovogo priznaniya: rossiyskaya filosofsko-pravovaya traditsiya i kommunikativnyy podkhod k pravu [The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and the Communicative Approach to Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2021, vol. 16, pp. 39-101.

6. Slezhnikov V.V. Ot «umnogo regulirovaniya» k «umnomu pravoprimeneniyu»: chto prepyatstvuyet kontseptualnoy transformatsii? [From "Smart Regulation" to "Smart Law Enforcement": What Hinders Conceptual Transformation?]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept = Legal Paradigm]. 2025. vol. 24, no. 2. pp. 17-22. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

7. Timoshina E.V., Vasilyeva N.S., Kondurov V.E., Kraevsky A.A. *Tri tsarstva prava: deystvitel'nost', deystvennost', legitimnost'* [Three kingdoms of law: validity, effectiveness, legitimacy]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 2023. 646 p.

Information About the Author

Dmitry V. Zykov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zyk9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, zyk9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.4>

UDC 340.142

LBC 67.1

Submitted: 02.12.2025

Accepted: 08.12.2025

THE LEGAL VIEWS OF R. VON JHERING AS AN IDEATIONAL SOURCE OF THE THEORY OF INTERESTS IN MODERN LEGAL SCIENCE

Anastasia V. Khokonova

Krasnogvardeysky District Court of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the concept of “interest” is widely used in legal science, discussions on a number of issues related to interests in law and their realization still continue. The solutions to many issues are significantly influenced by the interpretations that the category of “interest” receives at different stages of the development of legal thought. Since most of these interpretations either develop and concretize the ideas of R. von Jhering or refute the judgments formulated by him, the connection between the legal views of R. von Jhering and the provisions of the theory of interests as an independent section of modern legal science is of undoubted scientific interest. The **purpose** of the study is to, having considered R. von Jhering’s ideas about law through the prism of postulates and ideas significant for the modern theory of interests as a section of legal science, determine the nature and degree of influence of R. von Jhering’s jurisprudence of interests on modern theory of law and branch legal research. **Methods:** the methodological framework for the research primarily consisted of the formal-logical and historical-legal methods of scientific cognition. The general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalization, etc.) and the specific scientific methods (analysis of legal texts, interpretation of law, the methods of historiography, etc.) were also applied. As a **result** of the undertaken analysis, the author has managed to substantiate that R. von Jhering’s ideas about law constitute an important ideational source for research on interests in modern legal science. Two main **conclusions** are drawn. Firstly, the conclusion that R. von Jhering’s ideas influence both the understanding of interests in law and the interpretation of their connection with other phenomena, as well as the ideas about the mechanism of transforming an interest into a subjective right, about the means and methods of ensuring interests, their realization and protection. Secondly, the conclusion that R. von Jhering’s ideas find application not only in the theory of law but also in branch legal sciences.

Key words: interest, society, law, genesis, development, protection.

Citation. Khokonova A.V. The Legal Views of R. Von Jhering as an Ideational Source of the Theory of Interests in Modern Legal Science. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 27-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.4>

УДК 340.142

ББК 67.1

Дата поступления статьи: 02.12.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Р. ИЕРИНГА КАК ИДЕЙНЫЙ ИСТОЧНИК ТЕОРИИ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Анастасия Вадимовна Хоконова

Красногвардейский районный суд г. Санкт-Петербурга,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что понятие «интерес» широко используется в юридической науке, до сих пор продолжают вестись дискуссии по целому ряду вопросов, связанных с интересами в праве и их реализацией. На решение многих вопросов в значительной степени влияют те интерпретации, которые получает категория «интерес» на разных этапах развития юридической мысли. Поскольку большинство из этих интерпретаций либо развивает и конкретизирует идеи Р. Иеринга, либо опровергает сформулированные им суждения, связь между правовыми взглядами Р. Иеринга и положениями теории интересов как самостоятельного раздела современной юридической науки представляет безусловный научный интерес. Цель исследования состоит в том, чтобы, рассмотрев представления Р. Иеринга о праве через призму постула-

тов и идей, значимых для современной теории интересов как раздела юридической науки, определить характер и степень влияния юриспруденции интересов Р. Иеринга на современную теорию права и отраслевые юридические исследования. **Методологическую основу** исследования прежде всего составили формально-логический и историко-правовой методы научного познания. Также применялись общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.) и частно-научные методы (анализа правовых текстов, толкования права, методы историографии и др.). В **результате** предпринятого анализа автору удалось обосновать, что представления Р. Иеринга влияют и на понимание интересов в праве, и на интерпретацию их связи с другими феноменами, и на представления о механизме трансформации интереса в субъективное право, о средствах и способах обеспечения интересов, их реализации и охраны. Во-вторых, вывод о том, что идеи Р. Иеринга находят применение не только в теории права, но и в отраслевых юридических науках.

Ключевые слова: интерес, общество, право, генезис, развитие, охрана, защита.

Цитирование. Хоконова А. В. Правовые взгляды Р. Иеринга как идейный источник теории интересов в современной юридической науке // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 27–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.4>

Введение

Взаимодействие индивидов и групп лиц неразрывно связано с интересами: именно интерес побуждает субъектов вступать в различного рода отношения, в том числе и в отношения правового характера. Вследствие этого понятие интереса широко используется в философии, экономике, социологии, юриспруденции. На то, каким образом понимается интерес в юридической науке (в качестве внутреннего «мотиватора» правовой коммуникации), в значительной мере влияют те интерпретации, которые получает категория «интерес» на разных этапах развития общественной мысли, в рамках различных теоретических подходов и школ. В этой связи исследование таких интерпретаций в трудах зарубежных и отечественных исследователей приобретает бесспорный научный интерес.

Особую значимость имеет анализ правовых взглядов Рудольфа фон Иеринга: не только потому, что категория «интерес» получила в трудах названного ученого детальную разработку, но и потому, что именно названный ученый по праву считается родоначальником теории интересов в праве. Все более поздние представления об интересах формируются либо на основе идей Р. Иеринга, развивая и конкретизируя их, либо в опровержение высказанных ученым суждений. Без понимания правовых взглядов Р. Иеринга сложно верно интерпретировать многие положения теории интересов в современной юридической науке.

Основное содержание

Наиболее известными работами Р. Иеринга считаются «Борьба за право» [8], «Интерес и право» [9], «Цель в праве» [10], «Дух римского права на различных ступенях его развития» [7], «Основания защиты владения» [11], «Теория владения» [12]. Не все наследие Р. Иеринга доступно на русском языке, однако исследованием не переведенных на русский язык работ немецкого ученого занимались многие зарубежные и отечественные ученые, особо следует выделить работы В.С. Горбаня, которым в 2019 г. была защищена докторская диссертация на тему «Правовое учение Иеринга и его интерпретации» [2].

Основной идеей Р. Иеринга, определяющей то понимание интереса, которое он обосновывает, является идея о рукотворности права. Эта идея созвучна прежде всего тем интерпретациям права, которые даются ему в контексте позитивистского правопонимания. Но и в контексте других, отличных от позитивистского, подходов к пониманию права значимость роли человека в воспроизводстве права также не отрицается (право рассматривается в них в качестве того, что выступает не только результатом сознательной деятельности человека, но и чего-то еще, чем человек управлять не может). В силу того, что правовые взгляды Р. Иеринга основываются на правопонимании, совместимом с современными интерпретациями права, его идеи получают возможность стать фундаментом теории интересов в современной юридической науке.

В своей книге «Борьба за право» Р. Иеринг пишет, что принимаемый закон вносит изменения в жизнь общества, и случается, что эти изменения затрагивают интересы тысяч индивидов. Новому праву приходится выдерживать борьбу, чтобы пробить себе «дорогу». История свидетельствует о том, что отмена рабства, уничтожение крепостного состояния, свобода земельной собственности – это все является результатом настойчивой борьбы, которая продолжалась столетиями. Таким образом, право, по мнению Р. Иеринга, не просто рукотворно, оно является результатом напряжения и тяжелой борьбы [8, с. 18–19].

На то, что описанные представления оказали существенное влияние на понимание интересов в современной юридической науке, указывает тот факт, что термины «борьба за право», «борьба за интересы» давно вошли в лексикон юридической науки и используются не только в работах, посвященных творческому наследию Р. Иеринга, но и в исследованиях самого разного плана [13; 15; 18].

Важным представляется подчеркнуть, что идеи Р. Иеринга не только воспроизводятся, но и творчески осмысливаются. Наряду с теми аспектами, на которых акцентировал внимание Р. Иеринг, когда писал о борьбе за право, выделяются моменты, осмысление которых оказывается значимым именно в контексте современных политико-правовых реалий. Так, например, И.И. Бикеев и А.Г. Никитин обращают внимание на то, что путь борьбы за право может восприниматься как «путь правонарушения», а тот, кто борется за свои права, может в зависимости от позиции восприниматься и в качестве радикального реформатора, и в качестве разрушителя [1, с. 30].

Р. Иеринг полагал, что только борьба за право не позволяет человеку опуститься до уровня животного. Поэтому желание защитника отговорить от вступления в бесперспективный, затяжной процесс является с точки зрения психологии ошибкой.

Ученый считал, что для правового взаимодействия важны мотивы, побуждающие уполномоченного отстаивать свои права, то есть сила его интереса и его правового чувства. Каждый должен защищать закон для себя, охранять и защищать его внутри круга своих интересов. Но при этом каждый явля-

ется не только прирожденным борцом за собственные интересы, но и борцом за права в интересах всего общества. Так происходит движение от низкого мотива интереса до нравственного самосохранения личности, приводящее к содействию отдельного индивида осуществлению правовой идеи в интересах всего общества.

Схожие мотивы, а в ряде случаев и прямые отсылки к идеям Р. Иеринга мы встречаем в современной юридической литературе, посвященной интересам в праве. Например, А.В. Ульянов апеллирует к идеям Р. Иеринга, излагая свое видение процесса развертывания интереса, его оформления в субъективное право [16, с. 43–44]. Явным видится влияние идей Р. Иеринга на формирование представления о том, что природа социального интереса является интересусубъективной и что в этой связи анализ природы интересов в праве должен осуществляться в рамках интересусубъективного подхода [5, с. 171, 178].

В своей работе «Интерес и право» [9] Р. Иеринг раскрывает понятие «интерес» на примере конкретного гражданского дела, рассматриваемого третейским судом в области «железнодорожного права». Ученый изучает процессуальные особенности данного спора и на основании этого делает общетеоретические выводы, среди которых для нас наибольший интерес в данном случае представляют те, которые связаны с дифференциацией различных видов интересов.

Так, в своей работе Р. Иеринг пишет: «Я разделяю все интересы на две группы: во-первых, те, при которых имеют в виду цели, связанные с посторонним лицом, и во-вторых, другие, направленные на доставление собственных целей лица» [9, с. 53]. Вторую группу интересов ученый подразделял на две составляющие: во-первых, это внешние цели, к которым можно отнести комфорт, развлечения и другие материальные (имущественные) блага жизни, во-вторых, все те интересы, которые можно отнести к внутренним, духовным благам человека. Эти и другие идеи Р. Иеринга, касающиеся классификации интересов, в значительной мере повлияли на дифференциацию различных видов и типов интересов в современной юридической теории.

Ученый исходит из того, что интересы – это жизненные требования. Понимание данных требований, по мнению ученого, обуславливается свойствами самого субъекта («что составляет полноту жизни для одного, то есть входит в условия его благосостояния, то для другого не имеет никакого значения»). Поэтому интерес, делает вывод ученый, как мера для права, является непостоянной, в различные времена и интересы народов различные. Это положение играет роль одного из ключевых тезисов в исследовании интересов в отечественной юридической теории [14, с. 55–56].

В своей работе «Цель в праве» [10] ученый исследует проблему интереса, связывая ее уже непосредственно с задачами и целями права [10, с. 95]. Аргументируемое им суждение о том, что именно обеспечение интересов является целью права, а само право может пониматься как юридически защищенный интерес, становится одним из базовых постулатов теории интересов в современной юридической науке. Например, к данному суждению апеллирует Э.И. Девицкий, исследуя социальный интерес в качестве основы правотворчества [4, с. 12–13].

Р. Иеринг полагал, что «и природа может завербовать человека для своих целей, только затронув в нем его собственный интерес. Этот путь начертан ею самой: если бы он не входил в ее расчеты, она должна была бы иначе создать человека. Создав же его таким, каким он есть, у ней нет иного средства заставить его служить ее целям, как обращаясь к его собственным интересам» [10, с. 28]. Природа, полагает ученый, сама склоняет человека к реализации его целей, чтобы соединять собственные цели с чужими интересами.

Установление связи с целью является опосредующим звеном при переходе от причины, по которой воля приходит в движение, к цели, писал Р. Иеринг [10, с. 21]. Если животное действует только ради себя, то человек и для других. На совпадении интересов основывается возможность достижения целей лиц посредством одного деяния, возможность действовать для себя, а вместе с тем и для других, служа другим, служить себе, отмечает Р. Иеринг [10, с. 32].

Цели, по мнению ученого, подразделяются на два класса: на цели, для преследова-

ния которых существует особый аппарат, основанный на правильном, прочном союзе товарищей по цели – организованные цели, – и на цели, которые не нуждаются в таком аппарате и которые зависят от свободного во всякое данное время отдельных лиц решений, – неорганизованные цели. [10, с. 32].

Как и Р. Иеринг, современные ученые-юристы исходят из того, что, действуя в своих собственных интересах, человек одновременно может действовать и в интересах других представителей той формальной или неформальной социальной группы, в которую он входит и с которой он себя идентифицирует. В этой связи самостоятельную значимость для юридической теории приобретает категория группового интереса.

Р. Иеринг постулирует, что реализация юридически признанных интересов может достигаться исключительно с помощью принуждения. Он справедливо отмечает, что интерес не может побудить обвиняемого или осужденного отправиться в дом предварительного заключения, или в смиренный дом, или даже на эшафот. Поэтому достижением целей подкрепляется силой принуждения, полагает ученый, особенно если это касается интересов государства [10, с. 36].

Тезис о неразрывности связи реализации интересов с принуждением в современной теории интересов как неотъемлемом компоненте современной юридической науки становится догматическим. Поскольку наличие такой связи не подвергается сомнению, ее постулирование дает импульс развитию представлений о субъективных правах и интересах как объекте правовой охраны и защиты, причем в осуществлении последних принуждение предстает чрезвычайно значимым инструментом [3; 6; 17].

Цели всего человеческого существования, по мнению Р. Иеринга, распадаются на две большие группы: цели индивида и цели общества. Ученый полагал, что в данном случае не индивид, подобно тому, как это делается в естественном праве, представляется искусственно оторванным от своей исторической связи с обществом или изолированным, и не такому воображаемому отвлеченному существованию индивида для самого себя противопоставляется действительная жизнь в об-

шестве. Речь идет о существовании не только для себя, но и для других, о рассмотрении индивида через призму положения, занимаемого им в действительном мире. Эта идея также находит отражение в теории интересов как разделе современной юридической науки.

Понимание Р. Иерингом процесса формирования права как результата борьбы различных интересов в обществе сочеталось с подходом к праву как совокупности принудительных норм, установленных государством, которое и решает, какой из интересов взять под свою защиту. Таким образом, защищенный интерес, по Р. Иерингу, – это интерес, который защищается государством путем закрепления его в законодательстве. Ученый считал, что основной задачей права является обеспечение интереса, так, Р. Иеринг определял субъективное право, как «юридически защищаемый интерес» [19, с. 327] и отмечал, что «интерес есть практическая основа права в субъективном смысле» [12, с. 35–36].

Изложенные представления Р. Иеринга не только органично сочетаются с идеями современной юридической науки, но и становятся важными идейными источниками при решении проблем, связанных с обеспечением, гарантированием, охраной и/или защитой субъективных прав и законных интересов. Это находит подтверждение в тексте практически любой работы, освещающей указанную проблематику.

Выводы

Р. Иеринг исходит из того, что право создается в результате сознательной деятельности людей, в которой должны учитываться интересы и потребности различных субъектов. Без объяснения места и роли интереса в праве понять последнее невозможно.

Идеи Р. Иеринга, касающиеся генезиса и развития интересов в праве, оказали ощутимое влияние на творчество зарубежных и отечественных мыслителей, заложили основу для теории интересов как самостоятельного раздела современной юридической теории. Для названной теории правовые взгляды Р. Иеринга сегодня действительно оказываются важным идейным источником. Они определяют не только понимание самих интересов в пра-

ве, но и видение их связи с другими феноменами, представление об их содержательном многообразии, а также существующие воззрения на механизм трансформации интереса в субъективное право, средства и способы правового обеспечения, реализации и охраны интересов.

Идеи Р. Иеринга во многом влияют на методологию исследований связанной с интересами проблематики, причем не только в теории права, но и в отраслевых юридических науках, оказывая, таким образом, влияние на практические рекомендации и решения, реализуемые в действующем законодательстве и правоприменительной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикеев, И. И. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование / И. И. Бикеев, А. Г. Никитин. – Казань : Познание, 2011. – 320 с.
2. Горбань, В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Горбань Владимир Сергеевич. – М., 2019. – 49 с.
3. Данилов, П. А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму : дис. ... канд. юрид. наук / Данилов Павел Александрович. – СПб., 2011. – 203 с.
4. Девицкий, Э. И. Социальный интерес как основа правотворчества / Э. И. Девицкий // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 3 (23). – С. 10–19. – DOI: 10.21639/2313-6715.2019.3.2
5. Завгородняя, А. А. Природа интересов в праве / А. А. Завгородняя // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7, № 2 (26). – С. 171–181. – DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181
6. Иванов, А. Л. Защита прокурором прав и законных интересов граждан в российском гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Иванов Айдар Лазаревич. – М., 2009. – 167 с.
7. Иеринг, Р. Дух Римского права. Часть первая. Перевод с третьего, исправленного немецкого издания / Р. Иеринг. – СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1875. – 316 с.
8. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – СПб. : Вестник Знания, 1895. – 69 с.
9. Иеринг, Р. Интерес и право / Р. Иеринг. – Ярославль : Тип. Губземуправы, 1880. – 149 с.
10. Иеринг, Р. Цель в праве / Р. Иеринг. – СПб. : Издание Н.В. Муравьева, 1881. – 188 с.
11. Иеринг, Р. Основания защиты владения. Пересмотр учения о владении / Р. Иеринг. – М. : Тип. А.Н. Мамонтова и К., 1883. – 181 с.

12. Иеринг, Р. Теория владения. Сокращенный перевод Васильковского Е. В. / Р. Иеринг. — СПб. : Тип. М. Маркушева (бывш. Н. Лебедева), 1895. — 53 с.

13. Кузьмин, С. И. Борьба заключенных за свои права и законные интересы в особых лагерях Советского государства / С. И. Кузьмин // Вестник Владимирского юридического института. — 2007. — № 1 (2). — С. 23–25.

14. Мотова, Е. А. Генезис категории интереса в российской политико-правовой доктрине XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Мотова Екатерина Андреевна. — М., 2024. — 228 с.

15. Султанов, А. Р. Борьба за право обжалования судебного решения / А. Р. Султанов. — М. : СТА-ТУТ, 2014. — 528 с.

16. Ульянов, А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Ульянов Алексей Владимирович. — М., 2017. — 233 с.

17. Шериев, А. М. Субъективные права, свободы и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / Шериев Альберд Малилевич. — Краснодар, 2008. — 206 с.

18. Ядрихинский, С. А. Борьба за право, или коллизийные аспекты законных интересов налогоплательщика / С. А. Ядрихинский // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 68–75. — DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.3.10

19. Ihering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 3 Theil. 1 Abtheilung / von Rudolph von Ihering. 3 Auflage: Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1877. — 354 с.

REFERENCES

1. Bikeev I.I., Nikitin A.G. Ekstremizm: mezhdistsiplinarnoye pravovoye issledovaniye [Extremism: An Interdisciplinary Legal Study]. Kazan, Poznanie Publ., 2011. 320 p.

2. Gorban V.S. Pravovoe uchenie Ieringa i ego interpretacii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Ihering's Legal Doctrine and Its Interpretations. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2019. 49 p.

3. Danilov P.A. Zashhita prav, svobod i zakonnykh interesov lichnosti pri protivodejstvii e'kstremizmu: dis. ... kand. yurid. nauk [Protection of Rights, Freedoms and Legitimate Interests of the Individual in Countering Extremism. Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2011. 203 p.

4. Devitsky E.I. Socialnyj interes kak osnova pravotvorchestva [Social Interest as the Basis of Lawmaking]. Prolog: zhurnal o prave, 2019, No. 3 (23), pp. 10–19. DOI: 10.21639/2313-6715.2019.3.2

5. Zavgorodnyaya A.A. Priroda interesov v prave [The Nature of Interests in Law]. Actual

Problems of State and Law, 2023, vol. 7, no. 2 (26), pp. 171–181. DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-2-171-181

6. Ivanov A.L. Zashhita prokurorom prav i zakonnykh interesov grazhdan v rossijskom grazhdanskom sudoproizvodstve : dis. ... kand. yurid. nauk [The Prosecutor's Defense of the Rights and Legitimate Interests of Citizens in Russian Civil Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2009. 167 p.

7. Jhering R. Dukh Rimskogo prava. Chast' pervaya. Perevod s tret'ego, ispravlennogo nemetskogo izdaniya [The Spirit of Roman Law. Part One. Translated from the Third, Revised German Edition]. Saint Petersburg, V. Bezobrazova Printing House, 1875. 316 p.

8. Iering R. Bor'ba za pravo [The Struggle for Law]. Saint Petersburg, Vestnik Znaniya Publ., 1895. 69 p.

9. Iering R. Interes i pravo [Interest and Law]. Yaroslavl', Tip. Gubzemupravly' Publ., 1880. 149 p.

10. Iering R. Cel' v prave [The Purpose in Law]. Saint Petersburg, N.V. Murav'eva Publ., 1881. 188 p.

11. Ierin R. Osnovaniya zashhity' vladeniya. Peresmotr ucheniya o vladenii [The Foundations of the Defense of Possession. A Review of the Doctrine of Possession]. Moscow, A.N. Mamontov i komp Printing House, 1883. 181 p.

12. Iering R. Teoriya vladeniya. Sokrashhennyj perevod Vas'kovskogo E.V. [Theory of Ownership. Abbreviated translation by E.V. Vaskovsky]. Saint Petersburg, Markushev's Printing House (byvsh. N. Lebedeva), 1895. 53 p.

13. Kuz'min, S. I. Bor'ba zaklyuchennykh za svoi prava i zakonnye interesy v osobykh lageryakh Sovetskogo gosudarstva [The Struggle of Prisoners for Their Rights and Legitimate Interests in Special Camps of the Soviet State]. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2007, no. 1 (2), pp. 23–25.

14. Motova E.A. Genezis kategorii interesa v rossijskoj politiko-pravovoj doktrine XIX veka: dis. ... kand. yurid. nauk [Genesis of the Category of Interest in the Russian Political and Legal Doctrine of the 19th Century. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 228 p.

15. Sultanov A.R. Bor'ba za pravo obzhalovaniya sudebnogo resheniya [The Fight for the Right to Appeal a Court Decision]. Moscow, STATUT Publ., 2014. 528 p.

16. Ul'yanov A.V. Okhranyaemye zakonom interesy v grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk [Interests Protected by Law in Civil Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 233 p.

17. Sheriev A.M. Subektivnye prava, svobody i zakonnye interesy kak obyekty pravovoj okhrany i zashhity: problemy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk [Subjective Rights, Freedoms and Legitimate Interests as Objects of Legal Protection and Defense: Problems of Theory and Practice. Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2008. 206 p.

18. Yadrikhinsky S.A. *Borba za pravo, ili kollizionnye aspekty zakonnykh interesov nalogoplatelshchika* [The Struggle for the Right, or Conflict of Laws Aspects of the Taxpayer's Legitimate Interests]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 68-75. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.3.10

19. Ihering R. *Geist des romischen Rechts auf ben verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 3 Theil. 1 Abtheilung* [The Spirit of Roman Law at Various Stages of Its Development. 3 Theil. 1 Division]. 3 Auflage, Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1877. 354 p.

Information About the Author

Anastasia V. Hokonova, Consultant, Krasnogvardeysky District Court of Saint Petersburg, Krasnodonskaya St, 14, 195176 Saint Petersburg, Russian Federation, sapun01@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0904-0389>

Информация об авторе

Анастасия Вадимовна Хоконова, консультант, Красногвардейский районный суд г. Санкт-Петербурга, ул. Краснодонская, 14, 195176 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sapun01@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0904-0389>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.5>UDC 340.11
LBC 67.0Submitted: 07.11.2025
Accepted: 08.12.2025

DELEGITIMIZATION OF LAW IN THE CONTEXT OF THE VALIDITY OF LAW CONCEPT

Semyon P. Malyshev

State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction: The legitimacy of law has received increasing attention in the legal literature in recent years. Nevertheless, the procedural aspects of this topic, namely the aspects of legitimation and delegitimation of law, have not yet been sufficiently researched and are not becoming paradigmatic for the theory of law, which determines the relevance of their research. The abnormal functioning of law, which can partly be explained through the concept of delegitimization of law, also poses some difficulties for legal theory. To this end, the article suggests two main perspectives in which a legal norm may lose its validity: in conditions of legal uncertainty (through incorrect interpretation) and in conditions of legal certainty (through circumvention of the prohibition and imitation of lawful behavior). **Purpose:** to reveal the specifics of delegitimation as a legal process that differs from other related legal concepts. **Methods:** the approach of dynamic legal understanding, certain provisions of normativism and the general theory of communication. **Results:** the mechanism and reasons for the delegitimization of law are described, which can be used in the development of the general theory of law, philosophy of law, as well as in the analysis of judicial practice and forecasting the adoption of legally significant decisions. The author also proposed new concepts related to the topic of delegitimization: «the ontological status of a prohibitive norm» and «mechanisms limiting the interpretative potential» of a legal norm. **Conclusion:** it is concluded that delegitimization is an independent legal phenomenon that reveals the boundaries of the validity of law. The author substantiates that delegitimization can have not only a negative, but also a positive effect if the delegitimized norms contradict the principles of justice and the foundations of law and order.

Key words: delegitimation, validity of law, legitimacy, basic norm, legal communication, legal uncertainty, offense, prohibition, interpretation of law.

Citation. Malyshev S.P. Delegitimization of Law in the Context of the Validity of Law Concept. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 34-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.5>

УДК 340.11
ББК 67.0Дата поступления статьи: 07.11.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ ПРАВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРАВА

Семен Павлович Малышкин

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: тематике легитимности права в последние годы уделяется в юридической литературе все большее внимание. Тем не менее процедурные аспекты данной темы, а именно аспекты легитимации и делегитимации права еще не разработаны в достаточной степени и не становятся парадигмальными для теории права, что обуславливает актуальность их исследования. Также отдельные трудности представляет для правовой теории аномальное функционирование права, которое отчасти может быть объяснено через концепцию делегитимации права. Для этого в статье предлагается два основных ракурса, в которых правовая норма может утрачивать свойство действительности: в условиях правовой неопределенности (через некорректное толкование) и в условиях правовой определенности (через обход запрета и имитацию правомерного поведения). **Цель** исследования состоит в том, чтобы раскрыть специфику делегитимации как юридического процесса, отличного от иных смежных правовых понятий. **Методологическую основу** работы составляют подход динамического правопонимания, отдельные положения нормативизма и общей теории коммуника-

ции. В результате описаны механизм и причины делегитимации права, которые могут быть использованы в развитие общей теории права, философии права, а также при анализе судебной практики и прогнозировании принятия юридически значимых решений. Также в работе были предложены новые связанные с темой делегитимации концепты: «онтологический статус запретительной нормы» и «механизмы, ограничивающие интерпретационный потенциал» правовой нормы. В заключение делается **вывод**, что делегитимация представляет собой самостоятельное юридическое явление, выявляющее границы действительности права. В статье обосновывается, что делегитимация может иметь не только негативный, но и позитивный эффект, если делегитимируемые нормы противоречат принципам справедливости и основам правопорядка.

Ключевые слова: делегитимация, действительность права, легитимность, основная норма, правовая коммуникация, правовая неопределенность, правонарушение, запрет, интерпретация права.

Цитирование. Малышкин С. П. Делегитимация права в свете концепции действительности права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 34–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.5>

Введение: методологические проблемы исследования делегитимации права

Проблематика легитимности права в отечественной юриспруденции становится все более обсуждаемой. Причина интереса к данной тематике вполне очевидна, поскольку от легитимности нормы права (ее признания субъектами права) напрямую зависит вопрос действия такой нормы [6, с. 30]. Однако обнаруживается и недостаточное проявление внимания юридического сообщества к динамическому аспекту в этой теме, а именно процессам легитимации и, тем более, делегитимации права. Помимо непопулярности исследований динамики права с позиций классической юриспруденции, представляется, причина этого состоит еще и в том, что исследование *делеги́тимации* права неизбежно открывает вопросы аномального функционирования права.

Под аномальным функционированием права в настоящей статье предлагается понимать такое функционирование права, которое предполагает стихийное регулирование общественных отношений квазиправовыми нормами параллельно с официальным правовым регулированием или в условиях его отсутствия. В качестве примеров такого аномального функционирования права можно привести концепцию «теневого права» В.М. Баранова [3, с. 9], «псевдоправовые правила» в исследованиях О.В. Кулика [12, с. 71], «живое право» в социологическом правопонимании [2, с. 158], правовой плюрализм в контексте антропологии права [11, с. 24], а также не столь давнюю концепцию «интерлегальности» («inter-legality») [16, с. 143–144].

Вопросы аномального функционирования права в юридической науке остаются в значительной мере неразработанными, несмотря на наличие концепций, рассматривающих их, поскольку они остаются на периферии классической юриспруденции. Поэтому по сравнению с исследованиями, посвященными проблемам легитимации и легитимности права, работ, анализирующих делегитимацию, существенно меньше.

Определение основных понятий, связанных с делегитимацией права

Описание делегитимации требует определения нескольких основных понятий, раскрывающих рассматриваемую тему: легитимация и делегитимация права, действительность права, основная норма. Для определения перечисленных понятий будут использованы подходы и терминология теории коммуникации и коммуникативного правопонимания. Под правовой коммуникацией в предложенных определениях предлагается понимать коммуникацию (в широком смысле) между субъектами права по поводу прав и обязанностей или связанных с ними юридически значимых обстоятельств.

Легитимацию права предлагается понимать как правовую коммуникацию, направленную на утверждение действительности права. Делегитимация права может быть определена «от обратного» как правовая коммуникация, направленная на утрату правом свойства действительности. То есть, с одной стороны, адресат не выражает прямого несогласия с правовой нормой и не действует «против» предложенного правила, но с другой сто-

роны, он и не действует в соответствии с ней. Ярким примером такой делегитимирующей право коммуникации являются некоторые коррупционные проявления, а также действия, производимые «в обход закона» и злоупотребления правом, которые не укладываются однозначно в концепцию правонарушений.

Используя терминологию классической философии права, можно отметить, что результатом делегитимации является «неправо» по Г.В.Ф. Гегелю. Понятие неправа философ раскрывает через понятие «видимости» права: «В неправе же явление движется к видимости. Видимость есть наличное бытие, несоответственное сущности, пустое отделение и положенность сущности... [4, с. 137]» Раскрытие «неправа» или делегитимированного права через признак «видимости» позволяет отграничить их от понятия правонарушения, поскольку правонарушение не предусматривает даже видимости права. Если перекладывать рассматриваемые понятия в отечественный правовой дискурс, то «неправу» будет соответствовать понятие *неправомерности* (то есть буквально – отсутствия в измерении, системе права), а правонарушению – понятие *противоправности* (то есть формального признания права, но действию против него).

Наряду с ситуацией легитимации и делегитимации права следует выделять ситуацию непризнания права, не укладывающуюся ни в одно из рассматриваемых понятий. Ситуация непризнания имеет место, когда сама правовая коммуникация не состоялась. О несостоявшейся правовой коммуникации корректно вести речь, если адресат не понял или даже не воспринял правовое сообщение, что в филологии обозначается как «коммуникативная неудача» [17, с. 7–8]. Она может иметь место в случае помех коммуникации («шума» по Д. Канеману) [8, с. 12], либо отсутствия или недостатка коммуникативных навыков [5, с. 14].

Действительность права в контексте делегитимации права

Как следует из предложенных определений, феномен права, помимо формы, предполагает также его содержание или сущность, которая может быть выражена в концепте действительности права. Делегитимация

предполагает утрату правом свойства действительности, поэтому для описания такого процесса утрачивания, необходимо также обратиться к существующим концепциям действительности права. Понятие действительности права достаточно разработано в теории и философии права, но консенсус в отношении него отсутствует. Многообразие содержания этого понятия отражено, в частности, в книге Е.В. Тимошиной, Н.С. Васильевой, В.Е. Кондукова и А.А. Краевского (далее также – коллектив авторов) «Три царства права: действительность, действенность, легитимность». Они приводят целую систему моделей действительности права, составленную на основе обстоятельного анализа отечественных и зарубежных философско- и теоретико-правовых исследований. Предлагаемая коллективом авторов классификация моделей действительности права насчитывает 15 моделей «действительности права» в юридической науке [18, с. 557]. В частности, заслуживают особого внимания нормативные концепции действительности, утверждающие критерий действительности в самом праве, а не во внешних областях (морали, религии, обществе, экономике и т. д.).

Множество нормативных моделей действительности может быть дополнено концепцией Р. Алекси. В своем исследовании он определяет, что норма юридически действительна, если она, во-первых, установлена компетентным органом, во-вторых, принята в установленном законом порядке, в-третьих, не противоречит «высшему по рангу праву» (нормам с большей юридической силой) [1, с. 108]. Третье основание действительности может быть уточнено и концептуализировано в качестве такого критерия как соответствие «основной норме». Иными словами, если правовая норма соответствует основной норме, то она является действительной.

Основная норма и правовая неопределенность

Автором понятия «основной нормы» (grundnorm) является Г. Кельзен. Он определяет ее как предполагаемую или предпосылаемую норму, представляющую собой основание действительности другой нормы, а так-

же как общего источника действительности всех норм, принадлежащих к одному порядку [9, с. 241]. Продолжает исследование понятия основной нормы упоминаемый Р. Алекси, подразделяя ее на аналитическую, нормативную и эмпирическую. Алекси расширяет объем понятия основной нормы, включая туда не только оригинальную «основную норму» Кельзена, но и ее аналоги [1, с. 118].

Основными проблемами, касающимися основной нормы, в каком бы изводе она не была проинтерпретирована (аналитическая, нормативная, эмпирическая или какая-либо иная), являются, по меньшей мере, обнаружение такой основной нормы (несмотря на условность этого понятия) и, по большей мере, решение вопроса о том, противоречат ли действия или решения физического лица, организации, должностного лица или государственного органа такой основной норме или нет, будут ли они способствовать легитимации или делегитимации правовой нормы, которую реализуют в правовой коммуникации такие субъекты права. Для преодоления описанных проблем ответим на два основных вопроса, которые не были разъяснены обращением к используемым понятиям: каким образом правовая коммуникация может быть направлена на утрату свойства действительности права? И как возможна утрата этого свойства посредством такой правовой коммуникации? Для ответа на поставленные вопросы возьмем два основных ракурса, в которых может происходить делегитимация правовых норм: условия правовой определенности и неопределенности.

Делегитимация права в условиях правовой неопределенности

Особенность правовой коммуникации состоит в том, что в ряде случаев она происходит в ситуации правовой неопределенности. Причем она часто не рефлексивируется как в теории права, так и на практике, в частности, в правотворчестве в силу существующих социальных иллюзий или мифов [15, с. 8–9]. Неопределенность создает условия для делегитимации, то есть толкования отдельной нормы, регулирующей конкретные правоотношения, в противоречии с условной «основной нормой». При этом «основная норма» в данном

случае может быть обнаружена, например, в позициях высших судов.

Выделим 2 основных ситуации, отражающих правовую неопределенность. Во-первых, когда содержание правовой нормы недостаточно определено в принципе и во-вторых, когда смысл правовой нормы, в целом определен, но он может измениться в зависимости от обстоятельств или появления иного толкования в контексте правовой коммуникации. Вторая ситуация имеет место, например, когда возникают судебные споры о ранее не существовавших правоотношениях, и судам первой инстанции приходится принимать решение при отсутствии информации о позициях высших судов или законодателя, которые могут изменить первоначально принятые правовые решения. Особенно это описание релевантно для так называемых нетипичных правоприменительных ситуаций [10, с. 24].

Иллюстрацией к этой ситуации может служить практика, когда во второй половине 2010-х гг. суды общей юрисдикции при квалификации лайков и репостов некоторых изображений юмористического характера в соцсетях существенно более широко толковали ст. 282 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), на что обратил внимание впоследствии Верховный суд РФ и указал на необходимость ограничительного толкования при квалификации таких преступлений [14].

Примером ситуации, когда содержание правовой нормы недостаточно определено в принципе, могут послужить правовые нормы, выводимые на уровне позиций судов или органов исполнительной власти, но не закрепленные в законодательстве. Например, норма о процессуальном эстоппеле, то есть запрете стороне в процессе действовать в противоречии со своим предшествующим поведением и ранее сделанными заявлениями, сформулированная в позициях высших судов [19, с. 54]. Или понятие «дробление бизнеса», которое долгое время было сформулировано только в актах Федеральной налоговой службы РФ [7, с. 42].

Таким образом, неопределенность нормы права может относиться к смыслу текста, в котором эта норма закреплена, а также к его юридической силе (как в случае с эстоппелем и дроблением бизнеса, выводимых

в правоприменительных актах), что обуславливает вероятность искажения смысла при интерпретации такой нормы на практике.

Однако толкование абстрактной нормы применительно к конкретным обстоятельствам – это достаточно распространенное в правоприменении явление, а умеренная правовая неопределенность – это гарантия универсальности нормы. Вопрос состоит в следующем: в каком случае такое искажение абстрактного текста правового акта посредством его толкования будет считаться легитимацией или делегитимацией? Это зависит от того, соответствует ли такое толкование параметрам, определяющим действительность нормы самого нормативного акта – условной «основной норме». В частности, опираясь на нормативные концепции действительности права, можно решить вопрос о соответствии толкования «основной норме» в зависимости от следующих обстоятельств: соответствует ли толкование принципам права, замыслу законодателя в отношении этой нормы, другим связанным нормам права или позициям высших судов, если таковые сформулированы.

Однако и в данном объяснении о сопоставлении интерпретации нормы с «основной нормой» остается некоторая неопределенность: как определить, верно ли понята «основная норма» ее интерпретатором? Ведь даже высшие суды могут менять свои позиции в силу обстановки, а некорректная интерпретация «основной нормы» будет приводить к подрыву действительности нормы права, то есть ее делегитимации.

Для ответа на поставленный вопрос следует обратить внимание на правовые механизмы, ограничивающие интерпретационный потенциал. Это понятие отсутствует в теории и философии права и вводится для объяснения описываемых в настоящей статье процессов. К ним предлагается отнести доктринальные (принцип правовой определенности, принцип процессуальной экономии и др.) и институциональные механизмы (признание обязательности определенного варианта толкования судом). Наиболее надежным ориентиром, в котором можно обнаружить суждения об «основной норме» – это позиции судов. При этом вероятность вынесения истинного суждения об «основной норме» будет зависеть от юри-

дической силы такого решения. Например, позиции Конституционного Суда РФ в отношении толкования определенной нормы в силу положений федерального конституционного законодательства и их положения в судебной системе являются обязательными. С оговорками можно сказать то же и про позиции Верховного суда РФ. В случае, когда отсутствуют постановления высших судов, а также постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, интерпретационным ориентиром может служить отдельное судебное решение. В их отсутствие ориентиром в отношении интерпретации «основной нормы» могут выступать доктринальные механизмы, ограничивающие интерпретационный потенциал – например, принцип процессуальной экономии или общетеоретические правила толкования норм (приоритет специальной нормы перед общей, новой нормы перед старой и др), либо же отраслевые принципы, отражающие, в целом, позицию законодателя для отдельного типа правоотношений.

Отметим, что для указанных интерпретационных ориентиров намеренно предлагается понятие механизмов, *ограничивающих* интерпретационный потенциал, а не *окончательно решающих* вопрос интерпретации в принципе, так как любое окончательное решение вопроса о понимании нормы в отдельный момент времени может быть пересмотрено. Поэтому следует признать процесс обнаружения смысла «основной нормы» длящимся, а его результаты – промежуточными. Тем не менее даже промежуточные результаты такой интерпретации и включающей его правовой коммуникации могут быть оценены с позиций легитимации и делегитимации определенной нормы права в отдельный момент времени и в определенной правовой системе.

Делегитимация права в условиях правовой определенности

Выше были рассмотрены общие условия делегитимационных процессов в праве, основанных на правовой неопределенности. Тем не менее возможна и другая ситуация, когда норма права представляется участникам коммуникации в достаточной степени определенной. Тем не менее в таких обстоятельствах также

возможна делегитимация права, если норма не признается в качестве надлежащей для исполнения. В качестве примеров такой умышленной делегитимации можно привести коррупцию в широком смысле. Некоторая путаница может сложиться в связи с тем, что отдельные коррупционные деяния также закреплены в охранительных отраслях права в качестве правонарушений. А факты нарушения права выше мы отделяли от фактов делегитимации права. Тем не менее мы все же приходим к выводу о возможности совместимости процессов нарушения права и делегитимации в зависимости от онтологического статуса правового запрета. Эта характеристика также не упоминается в теоретико- и философско-правовой литературе и вводится автором для объяснения рассматриваемой темы.

По введенному критерию предлагается поделить правовые нормы в виде запретов на 2 вида. Во-первых, запреты, которые не обладают самостоятельным онтологическим статусом, а вводятся как дополнение к существующему правовому регулированию управомочивающего и обязывающего характера, то есть некоторому опосредованному правом порядку. Например, порядку несения государственной службы, порядку взаимодействия между коммерческими организациями или порядку судопроизводства и т. д. В этих условиях запрет выступает лишь как вспомогательный инструмент обеспечения эффективности действия таких управомочивающих и обязывающих норм.

Во-вторых, существуют запреты, обладающие самостоятельным онтологическим статусом. Они обнаруживаются в тех случаях, когда нет тех правовых порядков, действие которых обеспечивает правовой запрет, либо в тех случаях, когда такие порядки не опосредованы правовыми нормами, но могут быть опосредованы иными социальными регуляторами (моралью, религией и т. д.). Например, запрет курения в общественных местах даже если и относится к определенному социальному порядку, то этот порядок не является сугубо правовым, а опосредован, в частности соображениями общественной нравственности или охраны здоровья. Аналогичными являются запреты употребления алкоголя в общественных местах, запрет дискриминации

при устройстве на работу, запрет детского труда, запрет нецензурной брани в СМИ и т. д.

Когда рассматривается запрет, не имеющий онтологического статуса, может происходить и делегитимация, и правонарушение одновременно. В этом случае делегитимируется тот порядок, к которому относится запрет, а не сама запретительная норма. Например, в случае с коррупционными деяниями, в первую очередь, делегитимируется порядок несения государственной службы или оказания государственных услуг, а нарушение запрета является лишь средством такой делегитимации. Когда рассматривается запрет, обладающий онтологическим статусом, он также может быть нарушен или делегитимирован, однако это не может происходить одновременно: либо запрет обходится (делегитимируется), либо нарушается напрямую. Например, субъект права может либо маскировать употребление алкогольного напитка в общественном месте, делегитимируя тем самым запрет, установленный ст. 20.20 КоАП РФ, либо прямо его нарушать. Эффектом делегитимации такого запрета, обладающего онтологическим статусом, становится практическое переформулирование диспозиции такой запретительной нормы. Например, не просто «запрещено употребление алкоголя в общественных местах», а «запрещено *открытое* употребление алкоголя в общественных местах».

Положительная роль делегитимации права

Следует сделать еще одно примечание, касающееся оценки делегитимации. На всем протяжении настоящей работы делегитимация была представлена исключительно как процесс, относящийся к негативным, кризисным правовым явлениям. Тем не менее делегитимация права не ограничивается только негативными эффектами. Положительные последствия делегитимации могут быть обнаружены в тех случаях, когда делегитимируются «плохие» правовые нормы. Объясним: потенциально правовые предписания (несмотря на статус права) могут быть оценены как негативные или неприемлемые (для личности, общества или государства). В качестве исторического примера такого «плохого» права

может быть предложено так называемое «законное неправое» нацистской Германии, по терминологии Г. Радбруха [20, с. 516–517]. В качестве актуального примера может быть приведена практика параллельного импорта, которая делегитимирует правовые решения отдельных государств о введении санкций – запретов, наложенных на экспорт и импорт отдельных товаров в отношении России. Делегитимация таких правовых решений в данном случае создает условия для поддержания состояния российской экономики [13, с. 268].

Заключение

Изложенное рассуждение может быть выражено в следующих выводах. Во-первых, для делегитимации права недостаточно простого субъективного непризнания правовой нормы, а необходимы действия (коммуникация), которые ведут к утрате правовой нормой свойства действительности. Во-вторых, специфику юридического понимания делегитимации права составляет рассмотренное понятие действительности права, воплощаемое в понятии «основной нормы». В-третьих, делегитимация может происходить как в условиях правовой неопределенности, которая преодолевается механизмами, ограничивающими интерпретационный потенциал правовой нормы, так и в условиях правовой определенности. В-четвертых, делегитимация может иметь также положительный эффект, когда справедливость делегитимируемой нормы права ставится под вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекс, Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекс ; пер. с нем. А.Н. Лаптева, при участии Ф. Кальшойера. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
2. Антонов, М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? / М. В. Антонов // Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 157–181.
3. Баранов, В. М. Теневое право как антиюридическая жизнь / В. М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 9–21.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
5. Грошев, А. М. Особенности процесса коммуникации в обществе: базовые элементы и характерные особенности / А. М. Грошев // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 6 А. – С. 12–23.
6. Денисенко, В. В. Делегитимация права: причины и способы предотвращения / В. В. Денисенко // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 3 (38). – С. 30–35.
7. Донич, С. Р. Новации в сфере налогового администрирования: доктрина «дробления» бизнеса / С. Р. Донич // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 (9). – С. 39–44.
8. Канеман, Д. Шум. Несовершенство человеческих суждений / Д. Канеман, О. Сибони, К. Р. Санстейн. – М. : АСТ, 2021. – 544 с.
9. Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
10. Кердан, Л. Н. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе: вопросы юридической техники / Л. Н. Кердан // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 23–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3>
11. Ковлер, А. И. Антропология права и правовой плюрализм (права человека и права народов) / А. И. Ковлер // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. – М. : Стратегия, 2003. – С. 24–52.
12. Кулик, О. В. Легализация правовой практики : монография / О. В. Кулик. – М. : Проспект, 2024. – 192 с.
13. Панова, Е. А. Параллельный импорт: теория, практика и специфика в условиях санкционных ограничений / Е. А. Панова // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. – 2023. – Т. 58, № 5. – С. 262–279.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. – 2018. – № 215.
15. Полдников, Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 / Д. Ю. Полдников // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>
16. Скурко, Е. В. «Интерлегальность»: актуализация старых идей «постгосударственной» теории права / Е. В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Серия 4, Государство и право. – 2023. – № 3. – С. 143–151.

17. Стрекалов, Д. А. Категория неопределенности в аспекте коммуникативных неудач : дис. ... канд. филол. наук / Стрекалов Дмитрий Александрович. – Омск, 2025. – 183 с.

18. Три царства права: действительность, ответственность, легитимность / Е.В. Тимошина [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2023. – 644 с.

19. Якушева, Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е. Е. Якушева // *Lex russica*. – 2023. – Т. 76. – № 8. – С. 52–66.

20. Sfekas, S. J. A Court Pure and Unsullied: Justice in the Justice Trial at Nuremberg / S. J. Sfekas // *University of Baltimore Law Review*. – Vol. 46. – 2017. – P. 457–496.

REFERENCES

1. Aleksi R. *Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [The Concept and Validity of Law (a Response to Legal Positivism)]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2011. 192 p.

2. Antonov M.V. Ojgen Erlih: zhivoe pravo protiv pravovogo plyuralizma? [Eugen Ehrlich: Living Law Versus Legal Pluralism?]. *Pravovedenie* [Law Studies], 2013, no. 1 (306), pp. 157–181.

3. Baranov V.M. Tenevoe pravo kak antiyuridicheskaya zhizn' [Shadow Law as an Anti-Judicial Life]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 4 (28), pp. 9–21.

4. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.

5. Groshev A.M. Osobennosti processa kommunikatsii v obshchestve: bazovye elementy i harakternye osobennosti [Features of the Communication Process in Society: Basic Elements and Characteristic Features]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Research], 2021, vol. 10, no. 6A, pp. 12–23.

6. Denisenko V.V. Delegitimatsiya prava: prichiny i sposoby predotvrashcheniya [Delegitimization of Law: Causes and Methods of Prevention]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of the VSU. Series: Law], 2019, no. 3 (38), pp. 30–35.

7. Donich S.R. Novacii v sfere nalogovogo administrirovaniya: doktrina «drobreniya» biznesa [Innovations in the Field of Tax Administration: The Doctrine of «Fragmentation» of Business]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies], 2021, no. 1 (9), pp. 39–44.

8. Kaneman D., Siboni O., Sanstejn K.R. *Shum. Nesovershenstvo chelovecheskikh suzhenij* [Noise. Imperfection of Human Judgment]. Moscow, AST Publ., 2021. 544 p.

9. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.

10. Kerdan L.N. Netipichnye situatsii v pravoprimenitel'nom processe: voprosy yuridicheskoy tekhniki [Atypical Situations in the Law Enforcement Process: Issues of Legal Technique]. *Legal Concept = Pravovaya para-digma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 23–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3>

11. Kovler A.I. Antropologiya prava i pravovoj plyuralizm (prava cheloveka i prava narodov) [Anthropology of Law and Legal Pluralism (Human Rights and Peoples' Rights)]. *Olen' vsegda prav. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [The Deer is Always Right. Studies in Legal Anthropology]. Moscow, Strategiya Publ., 2003, pp. 24–52.

12. Kulik O.V. *Legalizatsiya pravovoj praktiki* [Legalizing Legal Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 192 p.

13. Panova E.A. Parallel'nyj import: teoriya, praktika i specifika v usloviyakh sankcionnykh ogranichenij [Parallel Import: Theory, Practice and Specifics in the Context of Sanctions Restrictions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Seriya 6, Economics], 2023, vol. 58, no. 5, pp. 262–279.

14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20.09.2018 № 32 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 28 iyunya 2011 goda No. 11 «O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti» [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated September 20, 2018 No. 32 “On Amendments to the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated June 28, 2011 No. 11 ‘On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Crimes’ ”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2018, no. 215.

15. Poldnikov D.Yu. Kodifikatsiya v stile romano-germanskogo prava v XIX–XX vv.: ot mifologizatsii k racional'noj kritike. Chast' 1 [Codification in the Style of Romano-Germanic Law in the 19th–20th Centuries: From Mythologization to Rational Criticism. Part 1]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>

16. Skurko E.V. «Interlegal'nost'»: aktualizatsiya starykh idej «postgosudarstvennoj» teorii prava [«Interlegality»: Actualization of Old Ideas of the «Post-State» Theory of Law]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*.

IAZH. Seriya 4, Gosudarstvo i parvo [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. IAZH. Series 4, State and Law], 2023, no. 3, pp. 143-151.

17. Strekalov D.A. *Kategoriya neopredelennosti v aspekte kommunikativnyh neudach: dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Uncertainty in the Aspect of Communicative Failure. Cand. philol. sci. diss.] Omsk, 2025. 183 p.

18. Timoshina E.V., Vasil'eva N.S., Kondurov V.E., Kraevskij A.A. *Tri carstva prava: dejstvitel'nost', dejstvennost', legitimnost'* [Three Kingdoms of Law:

Validity, Effectiveness, Legitimacy]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2023. 644 p.

19. Yakusheva E.E. *Princip estoppelya v grazhdanskom prave kak mekhanizm predotvrashcheniya protivorechivogo povedeniya* [Joining a Civil Union as a Mechanism for the Transformation of a Rule-of-Law State]. *Lex russica*, 2023, vol. 76, no. 8, pp. 52-66.

20. Sfekas S.J. A Court Pure and Unsullied: Justice in the Justice Trial at Nuremberg. *University of Baltimore Law Review*, 2017, vol. 46, pp. 457-496.

Information About the Author

Semyon P. Malyshkin, Master of Sciences (Jurisprudence), Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, State Academic University of Humanities, Maronovsky Lane, 26, 119049 Moscow, Russian Federation, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>

Информация об авторе

Семен Павлович Малышкин, магистр права, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Государственный академический университет гуманитарных наук, пер. Мароновский, 26, 119049 г. Москва, Российская Федерация, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.6>

UDC 342.7

LBC 67.02

Submitted: 27.11.2025

Accepted: 08.12.2025

STATE TRUST IN SOCIETY AS A FACTOR OF EFFECTIVE LEGAL REGULATION

Elizaveta P. Golod

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: successful interaction between the state and society presupposes a high level of mutual trust. At the same time, the greatest attention of researchers is given to the issue of public trust in the state, which does not allow us to fully explore the specifics of building trust relations between the state and society, which affect the results of political and legal processes, including the effectiveness of legal regulation. The **purpose** of the study is to reveal the features of the formation and manifestation of the state's trust in society in various spheres of public life, which determines the degree of effectiveness of legal regulation. **Methods:** the research is based on the general scientific and specific scientific methods of cognition. **Results:** the state's trust in society can be manifested through the legal regulation of public relations. The level of trust of the state in society influences the setting of limits for the realization of human and civil rights and freedoms, the position of the state in proving the legality of citizens' behavior, the formation of the legal foundations for citizens' participation in public associations, the development and legal consolidation of social support measures, the establishment of legal guarantees for the realization of social rights, the definition of forms of citizen participation in international legal relations. The degree of trust is important in all spheres of public life, but especially in the social sphere, aimed at improving the well-being of citizens. A low level of trust or lack of it creates prerequisites for the intensification of state control over all spheres of public relations, which can lead to redundancy of legal regulation and, as a result, a decrease in its effectiveness. **Conclusions:** the state's trust in society is one of the sides of public trust necessary for building a partnership model of relations between the state and society. The equal participation of the state and society in solving socially significant problems, as well as compliance with the conditions for building trusting relationships, contribute to improving the effectiveness of legal regulation.

Key words: trust, legal regulation, efficiency, rulemaking, legal communication, principles of law, activities of the state apparatus, partnership.

Citation. Golod E.P. State Trust in Society as a Factor of Effective Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 43-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.6>

УДК 342.7

ББК 67.02

Дата поступления статьи: 27.11.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ДОВЕРИЕ ГОСУДАРСТВА К ОБЩЕСТВУ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елизавета Петровна Голод

Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Голод Е.П., 2025
Введение: успешное взаимодействие государства и общества предполагает наличие высокого уровня обоюдного доверия. При этом наибольшее внимание исследователей отводится вопросу доверия общества к государству, что не позволяет в полной мере исследовать специфику построения доверительных отношений между государством и обществом, оказывающих влияние на результаты политико-правовых процессов, в том числе на эффективность правового регулирования. **Целью** исследования является раскрытие особенностей формирования и проявления доверия государства к обществу в различных сферах общественной жизни, определяющего степень эффективности правового регулирования. **Методы:** в основе приведенного исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания. **Результаты:** доверие госу-

дарства к обществу может проявляться посредством правового регулирования общественных отношений. Уровень доверия государства к обществу оказывает влияние на установление пределов реализации прав и свобод человека и гражданина, позицию государства при доказывании правомерности поведения граждан, формирование правовых основ для участия граждан в общественных объединениях, выработку и правовое закрепление мер социальной поддержки, установление юридических гарантий реализации социальных прав, определение форм участия граждан в международно-правовых отношениях. Степень доверия имеет значение во всех сферах общественной жизни, но особенно в социальной сфере, направленной на улучшение благосостояния граждан. Низкий уровень доверия или его отсутствие создают предпосылки для интенсификации контроля государства за всеми сферами общественных отношений, что может привести к избыточности правового регулирования и, как следствие, снижению его эффективности. **Выводы:** доверие государства к обществу выступает одной из сторон общественного доверия, необходимого для построения партнерской модели отношений между государством и обществом. Равное участие государства и общества в решении общественно-значимых проблем, а также соблюдение условий построения доверительных отношений способствуют повышению эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: доверие, правовое регулирование, эффективность, нормотворчество, правовая коммуникация, принципы права, деятельность государственного аппарата, партнерство.

Цитирование. Голод Е. П. Доверие государства к обществу как фактор эффективности правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 43–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolstu.2025.4.6>

Введение

Вопросы эффективности правового регулирования и факторов, ее определяющих, приобретают особую актуальность при исследовании проблематики современного правового государства. В словарях русского языка «эффективный» определяют как приводящий к нужным результатам, действенный [16, с. 722]. В юридической науке рассматриваемое понятие является дискуссионным, при этом «эффективность» является составляющей более узких понятий, таких как эффективность правового регулирования, эффективность права, эффективность законодательства и пр. В общем виде «эффективность» понимается как соотношение результатов действия правовых норм (правового регулирования) и социальных целей, для которых данные нормы созданы [3, с. 64]. В качестве дополнительной характерной черты отмечается способность эффективного правового регулирования выступать рационально-правовым способом легитимации власти (политического господства, публичного порядка) [2, с. 220].

Условиями эффективности правового регулирования выступают: уровень правовой культуры общества и отдельных субъектов; состояние законности; создание понятной гражданам системы стимулирования и торможения в праве [12, с. 62]; степень удовлетворения правомерных интересов участников ре-

гулируемых отношений [11, с. 506]; общественное доверие; показатели достижения поставленных законодателем целей; уровень качества законодательства, совершенствование правоприменительной практики и иное.

Одним из условий эффективности правового регулирования является общественное доверие, которое имеет двусторонний характер и предполагает как доверие общества к государству, так и доверие государства к обществу. Исследования взаимодействия общества и государства на основе доверия затрагивают, по большей части, доверие граждан к государственной власти, в то время как не менее значимое воздействие на результаты политико-правовых процессов, в том числе на эффективность правового регулирования, оказывает доверие государства к обществу.

Позитивные ожидания от общества и уверенность в его добросовестности являются неотъемлемыми условиями для успешного функционирования и развития современного правового государства. Кроме обеспечения доступа к символическим ресурсам (поддержка, признание, послушание), доверие позволяет облегчить получение материальных выгод (уплата налогов, приобретение государственных облигаций, предрасположенность к службе в армии, добровольное участие в государственных мероприятиях и акциях и пр.) и снизить затраты на государственное управление [19, с. 339]. Доверие государства к об-

шеству может проявляться посредством правового регулирования различных сфер общественной жизни (политической, экономической, социальной), а также при осуществлении международных отношений.

Основное содержание

С точки зрения правового регулирования политической сферы общественной жизни, наиболее весомым фактором, характеризующим уровень доверия государства к обществу, является определение государством пределов, в рамках которых гражданин реализует свои конституционные права и свободы. Рассматривать в качестве фактора исключительно закрепление конституционных прав и свобод человека и гражданина, представляется затруднительным, поскольку оно не в полной мере определяет отношение государства к обществу. Одни и те же закрепленные права и свободы в государствах с разным политическим режимом или в одном государстве, но в разные исторические эпохи, могут иметь значительные различия в их реализации. В качестве примера можно рассмотреть провозглашенную основным законом государства свободу слова в советский период и на этапе современности. В советское время свобода слова продолжала складываться в строго обозначенных цензурных рамках, носивших ярко выраженный идеологический характер [14, с. 33], в то время как в сегодняшних реалиях свобода слова сдержана в меньшей степени и не подвергается какому-либо идеологическому давлению вследствие отсутствия обязательной государственной идеологии.

В ст. 55 Конституции Российской Федерации указано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [9]. Закрепление данной правовой нормы позволяет сделать вывод, что произвольное ограничение прав и свобод человека и гражданина со стороны государственных органов недопустимо, а установленные пределы ограничения имеют рациональный ха-

рактер и свидетельствуют о доверительном отношении государства к своим гражданам.

Иным фактором, характеризующим уровень доверия государства к обществу, является утверждение основ государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Закрепление в правовых актах Российской Федерации национальных целей – это значимый шаг государства навстречу своему народу. Постановка ясных целей, а также легализация путей их достижения – это путь победы над государственно-правовой аномией [10, с. 32].

В экономической сфере общественной жизни особое значение имеет проявление доверия государства к обществу через закрепление юридических конструкций, способствующих созданию условий, содействующих отдельным сторонам экономических споров. Государство закрепляет доверительное отношение к обществу посредством правовых норм, отражающих состояние, при котором государственная власть по умолчанию занимает позицию граждан и признает правомерность их поведения, если не будет доказано обратное. Таким способом отражен принцип добросовестности в гражданском законодательстве. В соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» [4]. Понятие добросовестности, используемое в правовой норме, дополнительно раскрывает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей» [15]. Необходимо отметить, что «доверие» в юридическом смысле характеризует ожидание правомерного поведения другого лица.

Отсюда следует, что закрепление в законодательстве принципа добросовестности участников гражданских правоотношений определяет готовность государства оказывать доверие своим гражданам и создавать условия, обеспечивающие безопасность осуществления гражданских правоотношений. В эконо-

мической сфере общественной жизни указанный принцип позволяет ограничить оппортунистическое поведение сторон, к примеру, в предпринимательской среде.

Доверие государства к обществу как фактор эффективности правового регулирования наиболее явно проявляется в социальной сфере общественной жизни. От того, насколько государство доверяет своим гражданам, зависит степень учета и удовлетворения властью общественных интересов, а также нацеленность государства на достижение общественного блага. Высокий уровень доверия государства свидетельствует о том, что оно создано и функционирует для своих граждан, а не наоборот, тем самым оказывая положительное влияние на эффективность правового регулирования.

Первостепенным фактором определения доверительного отношения государства к обществу выступает социальная политика государства. Меры социальной поддержки, направленные на улучшение качества жизни граждан, предполагают, что население воспользуется ими добросовестно и в обозначенных целях. В качестве примера рассмотрим такую меру государственной поддержки, как государственный сертификат на материнский капитал. Указанная мера поддержки принята государством в целях оказания финансовой помощи семьям с детьми и реализации политики, направленной на улучшение демографической ситуации. Государство предполагает, что данные средства пойдут на те цели, которые оно обозначило, и будут способствовать улучшению условий жизни ребенка. Однако несмотря на оказанное доверие, часть граждан реализует данную меру поддержки исключительно в корыстных интересах, например, путем незаконного обналичивания материнского капитала и использования денежных средств в личных целях. Встречаются и иные ситуации использования материнского капитала, например, «в 2017 году в Санкт-Петербурге женщина родила второго сына, получила деньги, вложила их в свою пенсию, а потом отказалась от родительских прав и бросила семью» [5], подобный случай может стать прецедентом в судебной практике.

В качестве иного фактора определения доверительного отношения государства к граж-

данам следует обозначить доступность образования. Инвестирование в уровень образования граждан влечет за собой выработку активной гражданской позиции, понимание происходящих в государстве и в мире процессов, критический подход к рассмотрению проблемных вопросов, позволяющий определить наиболее оптимальные пути решения. Это дает государству возможность привлечь большее количество граждан к участию в совместной деятельности, тем самым совершенствуя реализуемую государственную политику. Наиболее значимым историческим примером служит проведение государством кампании по ликвидации безграмотности населения в СССР в первой половине XX века. В современных реалиях государство выделяет право на образование вне зависимости от обстоятельств в качестве юридической гарантии [18].

При этом оказываемое доверие государства в предоставлении обществу возможностей получения образования в отдельных случаях имеет риски быть неоправданным. Развитие критического мышления граждан может иметь такие последствия, как выражение недовольства властью и действующего законодательства. В таких ситуациях граждане не желают вступать в открытый диалог для совершенствования проблемных аспектов, а лишь высказывают свою позицию и собирают единомышленников, что может повлечь за собой массовые протесты и конфликтный настрой отдельных групп граждан. Также к рискам можно отнести переезд высококвалифицированных специалистов в другие государства с целью реализации полученных знаний в иностранных компаниях.

Иным проявлением доверия государства к обществу в социальной сфере является создание условий и правовой основы для инициативного объединения граждан по решению общественно-значимых вопросов. В качестве примера рассмотрим правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций. Государство, посредством правовых норм, закрепленных в Федеральном законе от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», регламентирует деятельность фондов, казачьих обществ, ассоциаций и иных форм некоммерческих организаций, направленных на достижение обще-

ственных благ. Определяя порядок создания и деятельности некоммерческих организаций, государство ожидает от граждан, что они будут участвовать в подобных организациях добросовестно, не обладая скрытыми корыстными мотивами, а к выполнению возложенных обязанностей будут подходить с должной ответственностью. Во избежание потери доверия государства к некоммерческим организациям, в законе закреплён порядок контроля за их деятельностью, включающий в себя предоставление отчетности, аудиторский контроль и иное. Это свидетельствует о том, что доверие государства в данном вопросе не может быть абсолютным и необоснованным. Умеренный контроль за деятельностью некоммерческих организаций позволяет избежать незаконного обогащения со стороны их представителей, а также роста социальных недовольств, вызванного данным фактом (к примеру, сбором средств благотворительными фондами на отличные от ранее обозначенных цели).

Внешнеполитическая деятельность государства может характеризовать его доверие к своим гражданам при организации международного сотрудничества. Налаживание внешнеполитических связей укрепляет позицию государства на международной арене, в связи с чем государство обращает пристальное внимание на механизмы и способы укрепления этих отношений. Важная роль в установлении международного взаимодействия отводится делегациям, представители которой демонстрируют уровень полученного в своем государстве образования, культурные и национальные особенности, привитые поведенческие модели и пр. Государство при выборе его представителей на международной арене основывается на уверенности в том, что они смогут показать себя достойно, и их предложения станут основой для заключения взаимовыгодного сотрудничества.

Примером является XXII заседание Подкомиссии по связи и информационным технологиям, проходившее в Китае в 2023 году. Помимо заместителя Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в мероприятии приняли участие рабочие группы, состоящие из граждан, обладающих достижениями в области телеком-

муникаций, IT, сетевой безопасности и почтовой связи [13]. Рабочие группы поделились опытом создания разработок в указанных сферах, что поспособствовало наращиванию сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий между Россией и Китаем, тем самым оправдывая оказанное со стороны государства доверие.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что уровень доверия государства к обществу широко проявлен в общественной жизни и оказывает влияние на эффективность правового регулирования. Идея о безусловном доверии государства всему своему населению является утопичной, в нем обязательно присутствуют критерии и требования, определяющие ожидаемое поведение общества. Анализ отдельных направлений деятельности государства продемонстрировал, что доверие, оказываемое государством населению, подвержено рискам, во избежание наступления которых государство вынуждено ужесточать контроль за теми сферами общественных отношений, в которых общество не в полной мере оправдывает возложенное на него доверие. Также государство в силу наличия властных полномочий имеет возможность наложения санкций за неоправдание оказанного им доверия.

Недостаточный уровень доверия государства к обществу или его полное отсутствие влекут за собой избыточность правового регулирования (юридификацию – в узком смысле слова), что в последствии приводит к снижению его эффективности. Избыточность правового регулирования характеризуется расширением, углублением и усилением правового регулирования, а также появлением большого количества документов с неопределенным статусом [7, с. 11], что вызывает необходимость регулярной адаптации граждан к постоянно меняющемуся законодательству, сложности и временные затраты на его изучение, отчуждение граждан от правовой системы. Во многих правовых порядках преобладает некая общая зарегулированность, избыток правил и предписаний [1, с. 160]. Как правило, это демонстрирует нежелание государства оказывать достаточное доверие своим гражданам и предоставить большую свободу участникам общественных отношений в выборе модели поведения.

Проявлениями избыточного правового регулирования являются: резкое увеличение количества нормативных правовых актов, правовая регламентация общественных отношений, находящихся за пределами сферы правового регулирования; частое внесение изменений в законодательство. В качестве негативных последствий юридикации следует указать проблемы с реализацией прав и обязанностей граждан, возможность проявления обхода закона, а также появление теневого права. Юридикация может спровоцировать обход закона, которым граждане выражают свое несогласие со сложно воспринимаемыми и излишне детализированными законодательными изменениями, затрагивающими их права и обязанности. К примеру, неадекватное правовое регулирование интересов представителей малого бизнеса приводит к тому, что многие из них стремятся избежать лицензирования своей деятельности, не выплачивая налоги и нарушая интересы иных граждан [6, с. 25]. Теневое право представляет собой понятие, обобщающее различные специфические виды «неправовой» действительности [17], то есть регулирование общественных отношений осуществляется специфическими, неправовыми инструментами (например, категорическое требование продавца оплатить товары или услуги только одним способом – QR-кодом).

Следствием избыточности правового регулирования может стать рост правового нигилизма и правового негативизма среди граждан. Одним из средств борьбы с юридикацией, вызванной недостаточным доверием государства к обществу, является саморегулирование, выступающее альтернативой правовому регулированию и позволяющее избежать детальной регламентации общественных отношений [8, с. 1085].

Таким образом, с помощью права государство фиксирует идеи о допустимом и должном поведении граждан, что в значительной степени определяет уровень доверия государства к обществу и, как следствие, оказывает влияние на эффективность правового регулирования. Оказанное в правовых нормах доверие государства к своим гражданам в большинстве случаев должно быть подкреплено соблюдением установленных требований (пре-

доставление доказательств, отчетности и пр.). От уровня доверия государства зависит определение пределов реализации прав и свобод человека и гражданина; позиция, которую занимает государство при доказывании правомерности поведения граждан, создание правовых основ для участия граждан в общественных объединениях, а также уровень контроля за жизнью общества, выраженный в объеме результатов правотворческой деятельности. Недостаточный уровень доверия государства к обществу или его отсутствие приводит к юридикации и, как следствие, снижению эффективности правового регулирования.

Выводы

Таким образом, наиболее высокий уровень доверия между государством и обществом достигается при реализации партнерской модели отношений между ними. Подобный вид коммуникации предусматривает взаимозависимые отношения, нацеленные на достижение общих целей, где государство и общество в равной степени воздействуют на решение социально значимых проблем. В иных случаях, когда государственная власть применяет радикальные меры принуждения, подавляет интересы граждан и ограничивает их участие в государственном управлении, общественное доверие находится на критически низком уровне или отсутствует вовсе. Степень доверия государства к обществу проявляется посредством правового регулирования общественных отношений, а именно, находит свое отражение в определении пределов реализации прав и свобод человека и гражданина, создании правовых основ для участия граждан в общественных объединениях, выработке и правовом закреплении мер социальной поддержки, установлении юридических гарантий реализации социальных прав, определении форм участия граждан в международно-правовых отношениях, а также в уровне контроля за жизнью общества. Безосновательное и абсолютное доверие государства, равно как и общества, невозможно, оно должно опираться на условия, определяющие ожидаемое поведение другой стороны, а также учитывать потенциальные риски. Равное участие государства и общества в решении общественно-значимых проблем, а также

соблюдение условий построения доверительных отношений способствуют повышению эффективности правового регулирования. Недостаточный уровень доверия государства к обществу способствует появлению избыточности правового регулирования, которая препятствует его эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев М. А. Сверхрегулирование: трудности проблематизации / М. А. Беляев // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сб. тр. Междунар. науч. конф., Воронеж, 2–4 июня 2016 года. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2016. – С. 160–176.
2. Варламова, Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции / Н. В. Варламова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 1 (282). – С. 212–232.
3. Герасимов, О. А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России: на примере отдельных отраслей : дис. ... д-ра юрид. наук / Герасимов Олег Анатольевич. – Екатеринбург, 2022. – 472 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 237-ФЗ / Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33, ч. I. – Ст. 4933, ст. 10.
5. Женщина получила материнский капитал и бросила детей. – URL: <https://www.5-tv.ru/news/128512>
6. Зайцева, Е. С. Интерес как свойство общественных отношений, имеющих правовую природу / Е. С. Зайцева // Современное право. – 2018. – № 11. – С. 21–25.
7. Зайцева, Е. С. Пределы правового регулирования в правотворческой политике современного Российского государства / Е. С. Зайцева // Академический юридический журнал. – 2016. – № 2 (64). – С. 11–17.
8. Зайцева Е. С. Саморегулирование как средство борьбы с юридикацией / Е. С. Зайцева // Омские научные чтения – 2018: материалы Второй Всерос. науч. конф. Омск, 10–15 декабря 2018 г. – Омск : Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2018. – С. 1084–1085.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. – 2020. – 4 июля. – Ст. 55. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. Костюнина, О. В. Доверие в системе ценностных и целевых приоритетов России на современном этапе / О. В. Костюнина // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 28–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4>
11. Лапаева, В. В. Эффективность действия права / В. В. Лапаева / Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов. – М. : Норма, 2004. – С. 499–514.
12. Малько, А. В. Эффективность правового регулирования / А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 61–67.
13. О сотрудничестве с Китаем в области ИКТ. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/46688/>
14. Плясунов, В. В. Особенности эволюции свободы слова в России / В. В. Плясунов // Философия права. – 2017. – № 2 (81). – С. 30–34.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С – Ящурный / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 с.
17. Трикоз, Е. Н. «Теневое право»: миф или реальность / Е. Н. Трикоз // Законодательство и экономика. – 2005. – № 1. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
18. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации». – 2012. – 30 дек. (ст. 5). – URL: <http://pravo.gov.ru>
19. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2012. – 440 с.

REFERENCES

1. Belyaev M.A. Sverhregulirovanie: trudnosti problematizacii [Overregulation: The Difficulties of Problematization]. *Pravovoe regulirovanie: problemy effektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: sb. tr. Mezhdunar. nauch. konf., Voronezh, 2–4 iyunya 2016 g.* [Legal Regulation: Problems of Effectiveness, Legitimacy, Justice: Proceedings of the International Scientific Conference, Voronezh, June 2–4, 2016]. Moscow, Nauka-Yunipress Publ., 2016, pp. 160–176.
2. Varlamova N.V. Effektivnost pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie koncepcii [Effectiveness of Legal Regulation: Rethinking the Concept]. *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2009, no. 1 (282), pp. 212–232.

3. Gerasimov O.A. *Effektivnost pravovogo regulirovaniya predprinimatelskoj deyatel'nosti v realnom sektore ekonomiki Rossii: na primere otдельных otraslej: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Effectiveness of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in the Real Sector of the Russian Economy: The Example of Individual Industries. Dr. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2022. 472 p.

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ (red. ot 08.08.2024 № 237-FZ) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (ed. of 08.08.2024 No. 237-FZ)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301; 2024, no. 33 (part I), art. 4933.

5. *Zhenshchina poluchila materinskij kapital i brosila detej* [The Woman Received Maternity Capital and Abandoned Her Children]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/128512/>

6. Zajceva E.S. Interes kak svoystvo obshchestvennyh otnoshenij, imeyushchih pravovuyu prirodu [Interest as a Property of Social Relations of a Legal Nature]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2018, no. 11, pp. 21-25.

7. Zajceva Ye.S. Predely pravovogo regulirovaniya v pravotvorcheskoj politike sovremennogo Rossijskogo gosudarstva [The Limits of Legal Regulation in the Law-Making Policy of the Modern Russian State]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Legal Journal], 2016, no. 2(64), pp. 11-17.

8. Zajceva E.S. Samoregulirovanie kak sredstvo borby s yuridifikaciej [Self-Regulation as a Means of Combating Juridification]. *Omskie nauchnye chteniya – 2018: materialy Vtoroj Vseros. nauch. konf., Omsk, 10–15 dekabrya 2018 g.* [Omsk Scientific Readings – 2018: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference, Omsk, December 10–15, 2018]. Omsk, Omsk State University Publ., 2018, pp. 1084-1085.

9. *Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchedom popravok, vnesennyh Zakonom RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended by the Law of the Russian Federation on an Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of 14.03.2020)], 2020, July 4, art. 55. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

10. Kostyunina O.V. Doverie v sisteme czennostnyh i celevyh prioritetov Rossii na

sovremennom etape [Trust in the System of Value and Target Priorities of Russia at the Present Stage]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 28-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4>

11. Lapaeva V.V. *Effektivnost dejstviya prava* [Effectiveness of the Law]. *Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov* [Problems of the General Theory of Law and State: Textbook for Universities]. Moscow, Norma Publ., 2004, pp. 499-514.

12. Mal'ko A.V. *Effektivnost pravovogo regulirovaniya* [Effectiveness of Legal Regulation]. *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 1990, no. 6, pp. 61-67.

13. *Osotrudnichestve s Kitaem v oblasti IKT* [On Cooperation with China in the Field of ICT]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/46688/>

14. Plyasunov V.V. *Osobennosti evolyucii svobody slova v Rossii* [Features of the Evolution of Freedom of Speech in Russia]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2017, no. 2(81), pp. 30-34.

15. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 g. № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “Garant”*.

16. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4: S – Yashchurnyj. Ed. by B.M. Volin, D.N. Ushakov. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 1502 p.

17. Trikoz E.N. «Tenevoe pravo»: mif ili realnost [“Shadow Law”: Myth or Reality]. *Zakonodatelstvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2005, no. 1. *Access from Reference Legal System “Garant”*.

18. Federalnyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ (red. ot 23.05.2025) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (ed. of 23.05.2025) “On Education in the Russian Federation”], 2012, Dec. 30, art. 5. URL: <http://pravo.gov.ru>

19. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust: A Sociological Theory]. Moscow, Logos Publ., 2012. 440 p.

Information About the Author

Elizaveta P. Golod, Junior Scientific Assistant, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Letchika Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, burak.elizaveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3867-3215>

Информация об авторе

Елизавета Петровна Голод, адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургский университет МВД России, ул. Летчика Пилютова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, burak.elizaveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3867-3215>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.7>

UDC 340.12

LBC 67

Submitted: 14.10.2025

Accepted: 08.12.2025

FROM BLOOD FEUD TO CONSTITUTIONAL GUARANTEES: STAGES OF INNOVATION IN RUSSIAN LAW

Evgeny Yu. Kuryshev

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the Russian National Guard Troops,
Saratov, Russian Federation

Introduction: the relevance of the research is determined by the need for a comprehensive analysis of legal innovations in the history of Russian law, starting from the Old Russian period. Studying the evolution from Russkaya Pravda to the 1993 Constitution of the Russian Federation allows identifying the continuity and transformation of legal principles, their connection with the socio-political context. **Purpose:** systematization of key innovations in law at different historical stages, assessment of their role in shaping the national legal tradition and identity. The research **methodology** includes: the historical-legal analysis of legal monuments (from Russkaya Pravda to modern codes); the comparative law method to identify continuity between eras; a systematic approach to assessing the interaction of law with institutions of power. The scientific novelty of the research lies in the periodization of the interaction of legal traditions and innovations in domestic law. Practical significance: the **results** can be used for: improving legal education; accounting for historical experience in lawmaking; forecasting trends in legal development. **Conclusions:** the Russian legal system developed under the influence of both internal and global factors, remaining a dynamic institution capable of adaptation. This determines the relevance of further study of the contradictions between the formal enshrinement of norms and their implementation, as well as the influence of globalization on national law.

Key words: innovations in law, historical-legal continuity, codification, social justice, constitutionalism, digitalization of law.

Citation. Kuryshev E. Yu. From Blood Feud to Constitutional Guarantees: Stages of Innovation in Russian Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 52-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.7>

УДК 340.12

ББК 67

Дата поступления статьи: 14.10.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ОТ КРОВНОЙ МЕСТИ К КОНСТИТУЦИОННЫМ ГАРАНТИЯМ: ЭТАПЫ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Евгений Юрьевич Курышев

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа правовых инноваций в истории российского права, начиная с древнерусского периода. Изучение эволюции от Русской Правды до Конституции РФ 1993 г. позволяет выявить преемственность и трансформацию правовых принципов, их связь с социально-политическим контекстом. **Цель:** систематизация ключевых инноваций в праве на разных исторических этапах, оценка их роли в формировании национальной правовой традиции и идентичности. **Методология** исследования включает: историко-правовой анализ памятников права (от Русской Правды до современных кодексов); сравнительно-правовой метод для выявления преемственности между эпохами; системный подход к оценке взаимодействия права с институтами власти. **Научная новизна** исследования заключается в периодизации взаимодействия правовых традиций и инноваций в отечественном праве. **Практическая значимость:** результаты могут быть использованы для: совершенствования правового образования; учета исторического опы-

та в законотворчестве; прогнозирования тенденций развития права. **Выводы:** правовая система России развивалась под влиянием как внутренних, так и глобальных факторов, оставаясь динамичным институтом, способным к адаптации. Это определяет актуальность дальнейшего изучения противоречий между формальным закреплением норм и их реализацией, а также влияния глобализации на национальное право.

Ключевые слова: инновации в праве, историко-правовая преемственность, кодификация, социальная справедливость, конституционализм, цифровизация права.

Цитирование. Курышев Е. Ю. От кровной мести к конституционным гарантиям: этапы инноваций в российском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 52–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.7>

Введение

Право является одним из важнейших институтов общества, обеспечивающим регулирование общественных отношений и защиту прав и свобод граждан.

Инновации в праве – это правовые и неправовые новшества, которые способны существенно повысить эффективность действующей правовой системы или принести ей ощутимую пользу. Они могут включать новые законы, правовые механизмы, методы регулирования или технологические решения в юридической сфере.

Необходимо перечислить критерии отнесения к инновациям в праве. Во-первых, новизна. Правовое решение должно быть новым или значительно усовершенствовать существующее.

Во-вторых, практическая значимость. Инновация предусматривает реализуемость на практике и решение конкретных правовых проблем.

В-третьих, экономическая или социальная выгода. Внедрение новшества должно приводить к положительным результатам – например, к улучшению правопорядка, защите граждан, оптимизации юридических процедур.

В-четвертых, влияние на правовую систему или общество. Инновации могут менять правовые подходы, создавать новые правовые институты или механизмы.

В-пятых, устойчивость результатов. Эффект от внедрения инновации должен быть долговременным.

В-шестых, соответствие правовым и этическим нормам. Инновация не может нарушать действующее законодательство и общепринятые моральные принципы.

Инновации в российском праве формировались под влиянием социальных, политичес-

ких и культурных изменений. Рассмотрим ключевые этапы и преобразования.

История российского права представляет собой непрерывный процесс смены правовых традиций и инноваций, начиная с древнерусских правовых памятников и заканчивая современными цифровыми трансформациями.

Древняя Русь (IX–XV вв.)

Русская Правда (XI–XIII вв.): первый письменный свод законов, созданный при Ярославе Мудром. Заменял обычное право (традиции и устные нормы) системой штрафов («вир») за преступления, регулировал имущественные споры и наследственное право. Инновация: переход от племенных обычаев к унифицированному праву.

Русская Правда стала ключевым этапом в эволюции отечественного права. По мнению академика Б.А. Романова, данный памятник отражает диалектику взаимодействия местных обычаев и внешних влияний [20]. Основу составили нормы славянского обычного права. Так, традиции восточнославянских племен (например, кровная месть, штрафы за убийство – «вира»). Принцип коллективной ответственности общины за преступление («дикая вира»).

Необходимо отметить, что христианизация Руси привела к заимствованию византийских принципов. Например, раздел имущества по наследству, описанный в Пространной редакции Русской Правды, восходит к нормам Номоканона, что подчеркивает в своих работах историк права И.А. Исаев [9]. Особенно это отразилось в регулировании семейных и наследственных отношений (например, раздел имущества между детьми после смерти отца).

Синтез местных и византийских норм позволил создать унифицированную систему,

заменявшую племенные обычаи. На наш взгляд, именно эта адаптивность стала главной инновацией эпохи.

Скандинавское право: опосредованное влияние через варягов (дружинников Рюриковичей). Нормы о штрафах за преступления против личности («головничество») схожи с законами датского права (Ютландская правда).

Псковская и Новгородская судные грамоты (XV в.): закрепили особенности вечевого управления и торгового права в северо-западных княжествах.

Северо-западные земли Руси, в отличие от других регионов, активно контактировали с Ганзейским союзом. Как справедливо указывает исследователь А.Л. Хорошкевич, в Псковской судной грамоте прослеживаются элементы европейского торгового права, например институт письменных договоров («досков») [22]. Бесспорно, это было обусловлено экономическими потребностями Новгорода как центра международной торговли. Вместе с тем, по мнению профессора В.А. Томсинова, уникальность грамот заключается в сочетании заимствований с вечевыми традициями. Например, выборность судей, упомянутая в статьях 4 и 7 Новгородской грамоты, не имела аналогов в византийском или германском праве [23].

На наш взгляд, изучение древнерусских правовых памятников подтверждает тезис о гибридном характере раннего российского права. Инновации возникали не как прямое копирование, а как творческая переработка внешних образцов. Как отмечает Р.З. Лившиц, подобный синтез стал основой для формирования уникальной правовой культуры, где традиции и модернизация сосуществовали в динамическом равновесии [13].

Московское государство (XVI–XVII вв.): централизация и систематизация права

Судебники Ивана III и Ивана IV стали важным этапом в формировании единого правового пространства Московского государства. По мнению историка С.Ф. Платонова, эти документы отражали стремление власти подчинить местные обычаи общегосударственным нормам [18]. Необходимо отметить, что введение наказаний за взяточничество

(ст. 33 Судебника 1550 г.) и ограничение перехода крестьян (установление «Юрьева дня») свидетельствовали о централизации судебной и социальной политики.

Инновация Судебников заключалась в создании механизмов контроля над ранее разрозненными княжескими правовыми системами. На наш взгляд, это соответствовало общей тенденции усиления самодержавной власти, о чем писал В.О. Ключевский, характеризуя Москву, которая впитывала уделы не только территориально, но и юридически [11].

Судебники 1497 и 1550 гг.: упорядочили судебную систему, ввели наказания за взяточничество, ограничили переход крестьян (начало закрепощения). Инновация: централизация права в едином государстве.

Соборное уложение 1649 г.: кодификация как инструмент абсолютизма.

Соборное уложение стало вершиной правовой мысли Московского государства. По оценке М.Ф. Владимирского-Буданова, это был первый в России опыт системного разделения права на отрасли [4]. Например, глава XI («Суд о крестьянах») окончательно закрепостила крестьян, а главы XXII–XXV регламентировали уголовные наказания по принципу «Запретительной иерархии» (от смертной казни до штрафов). Необходимо отметить, что Уложение 1649 г. не только кодифицировало нормы, но и расширило роль государства в частной жизни. Как подчеркивает Б.Н. Митронов, закон теперь регулировал даже семейные конфликты, что ранее было прерогативой обычая [16]. Таким образом, инновация заключалась в превращении права в инструмент тотального контроля, что, на наш взгляд, предвосхитило петровские реформы.

Правовая система Московского государства демонстрирует уникальный баланс между архаикой и модернизацией. Заимствования из византийских источников (например, принцип «казнь за богохульство» в Уложении) сочетались с местными нормами, такими как общинное землепользование. По мнению А.Б. Каменского, именно эта гибкость позволила Москве легитимизировать крепостничество, не разрушая традиционного уклада [10]. Право XVI–XVII вв. стало не только отражением централизации, но и основой для будущих имперских реформ.

Имперский период (XVIII – начало XX вв.): модернизация и европеизация права

Введенные в правовую систему «Артикул воинский» (1715) и «Табель о рангах» (1722) заложили основы административного и военного права. Инновация: секуляризация права, отделение от церковных норм.

Преобразования Петра I явились переходом от традиционного права к светской юридической системе. По мнению историка Е.В. Анисимова, «Артикул воинский» (1715 г.) стал первым шагом к отделению права от религиозных догм [2]. Например, статьи о наказаниях за дезертирство или неповиновение (арт. 12–15) формулировались без ссылок на церковные нормы, что, на наш взгляд, отражало стремление к рационализации законодательства. Необходимо отметить, что «Табель о рангах» (1722 г.) ввела принцип меритократии, заменив сословные привилегии служебной иерархией. Как подчеркивает О.И. Чистяков, это создало правовую основу для формирования бюрократии как опоры абсолютизма [24].

Инновации эпохи Петра I заключались в замене сакрального права на прагматичное, ориентированное на нужды государства.

Свод законов Российской империи (1832 г.): систематизировал все действующие законы под руководством М.М. Сперанского. Инновация: создание единой правовой базы для многонациональной империи.

По оценке исследователя В.А. Томсинова, это была попытка примирить национальные традиции с европейской кодификацией [21]. Например, сохранив нормы о крепостном праве (т. IX Свода), Сперанский одновременно заимствовал структуру из французского Гражданского кодекса 1804 г. На наш взгляд, главной инновацией Свода стала унификация правового пространства империи. Как отмечает историк Б.Н. Миронов, многонациональный характер России требовал четкой систематизации, чтобы избежать конфликтов обычного и имперского права [15].

Необходимо отметить, что Свод сохранил архаичные элементы (например, телесные наказания), что, по мнению А.Д. Градовского, тормозило движение к правовому равенству [7].

Судебная реформа 1864 г.: ввела гласный состязательный суд, адвокатуру, суд присяжных, независимость судей. Инновация: переход к принципам правового государства.

Судебная реформа, бесспорно, стала наиболее либеральным преобразованием имперского периода. Введение суда присяжных, адвокатуры и принципа состязательности (Устав уголовного судопроизводства, ст. 6–7) отражало, по словам К.К. Арсеньева, стремление приблизиться к европейским стандартам справедливости [3]. На наш взгляд, ключевой инновацией стала независимость судей, закрепленная в ст. 243 Учреждения судебных установлений. Необходимо отметить, что реформа столкнулась с сопротивлением консервативных кругов. Как указывает историк Л.Г. Захарова, сохранение волостных судов для крестьян подрывало принцип всеобщности [8]. В результате даже прогрессивные изменения оставались половинчатыми, сочетая модернизацию с традиционными ограничениями.

Этот этап инноваций в российском праве является чем-то средним между европеизацией и самодержавием. На наш взгляд, право имперского периода отражало противоречивый путь России между западными заимствованиями и охраной традиционного уклада. Такие новации, как Свод законов или суд присяжных, сближали страну с Европой, но, по меткому замечанию В.О. Ключевского, реформы лишь прикрывали архаичный фундамент, как фасад скрывает ветхие стены [11]. Тем не менее именно в эту эпоху были заложены основы для будущих преобразований, включая конституционные проекты начала XX века.

Советский период (1917–1991 гг.)

Декреты 1917–1918 гг.: полная отмена дореволюционного права, революционный прорыв. Введены революционные нормы: национализация имущества, равенство полов, социальные гарантии.

Декреты советской власти стали стали беспрецедентным экспериментом в правовой истории человечества. Ни одна революция не создавала столь радикально новую правовую систему за столь короткий срок. По мнению М.А. Рейснера, право стало не просто инст-

рументом регулирования, а оружием классовой борьбы [19].

К ключевым инновациям в праве в этот период можно отнести. Во-первых, принцип: право как инструмент построения социализма. Во-вторых, национализация имущества (Декрет о земле, 1917 г.) впервые в мировой практике создала модель полного государственного контроля над экономикой. Это стало прообразом плановой экономики, где частная собственность заменялась общественной. В-третьих, равноправие полов (Декрет о браке и разводе, 1917 г.) предопределило революционные изменения в семейном праве. Как отмечал А.Г. Гойхбарг, советское право создало модель гендерного равенства, опередившую многие западные страны [6]. В-четвертых, социальные гарантии (Декрет о восьмичасовом рабочем дне, 1917 г.) ввели принципиально новый подход к трудовому праву. Необходимо отметить, что установленные правовые нормы в последующем стали основой для международных трудовых стандартов.

Необходимо отметить методологические инновации в праве. Так, пролетарское правосопимание отвергло традиционные концепции естественного права. По мнению В.И. Ленина, право должно выражать интересы трудящихся классов, а не абстрактной справедливости [12]. Революционная законность создала парадоксальную систему, где правовые нормы могли быть изменены в угоду революционной целесообразности. На наш взгляд, это породило двойственность права: формальная легитимность сочеталась с революционным произволом.

Последствиями инноваций в праве явилось: тотальный контроль над экономикой и обществом, который стал основой для формирования командно-административной системы. Как отмечает О.И. Чистяков революционные декреты заложили фундамент советской государственности [24]. Социальная направленность права стала определяющей чертой советского периода. Многие социальные гарантии (бесплатное образование, медицина) опередили свое время.

Инновации в революционный период, несмотря на их идеологический характер, оказали значительное влияние на развитие права XX века. Они продемонстрировали возмож-

ность создания альтернативной правовой системы, основанной на принципах социальной справедливости и государственного контроля.

Конституции СССР (1924, 1936, 1977 гг.): закрепили приоритет государственной собственности, однопартийную систему, социальные права (бесплатное образование, медицина). Инновация: концепция «социальной справедливости» в праве.

Три конституции советского периода отразили ключевые этапы развития социалистического права. Каждая из них закрепляла новые правовые реалии и расширяла социальные гарантии граждан. Необходимо выделить несколько инновационных правовых концепций. Во-первых, приоритет государственной собственности (стал революционным изменением в гражданском праве). По мнению С.С. Алексеева, конституционное закрепление монополии государства на средства производства создало новую экономическую модель [1]. Во-вторых, однопартийная система впервые в мировой практике была легализована на конституционном уровне. Это заложило основу для формирования уникальной правовой системы с доминирующей ролью коммунистической партии советского союза (КПСС). Исторически эффективность однопартийной системы на современном этапе доказана в другой правовой системе – Китайской Народной Республики. В-третьих, социальные права получили конституционное закрепление, что, по оценке В.С. Нерсисянца, создало принципиально новую модель взаимоотношений государства и личности [17].

Концепция социальной справедливости как главная комплексная инновация в советском праве включала базовые элементы: гарантированное право на труд; бесплатное образование всех уровней; бесплатную медицинскую помощь; право на отдых; материальную поддержку в старости. Новаторский подход к пониманию права проявился в следующих аспектах: превращение социальных прав в конституционную обязанность государства; создание системы государственных гарантий реализации прав; формирование механизма контроля за соблюдением социальных стандартов. Необходимо признать, что советская модель социальной справедливости, несмотря на идеологические огра-

ничения, создала ряд правовых механизмов, актуальных и сегодня.

Инновации в советском праве продемонстрировали возможность создания альтернативной правовой модели, где приоритет отдавался социальным правам и коллективной ответственности. Бесспорно, многие из этих инноваций в праве опередили свое время и нашли отражение в современных правовых системах.

Кодификация советского права стала важным этапом в развитии правовой системы РСФСР и других республик, входящих в состав СССР. Создание отраслевых кодексов отразило стремление к систематизации революционных правовых преобразований.

Гражданский кодекс РСФСР (1922 г.)

Инновационные положения включали: признание многообразия форм собственности при доминировании государственной; регламентацию договорных отношений в условиях НЭПа; новую систему наследования. По мнению А.Г. Гойхбарга, ГК РСФСР 1922 г. создал фундамент для развития гражданского оборота в условиях социализма [5].

Трудовой кодекс РСФСР (1922 г.)

Инновациями в трудовом праве можно считать: право на труд и его оплату; ограничение рабочего времени; гарантии при увольнении; защита прав женщин и несовершеннолетних. Трудовое законодательство стало образцом социальной защиты трудящихся, опередившим многие западные системы.

Семейный кодекс РСФСР (1926 г.)

Прогрессивные (инновационные) изменения в семейном праве: юридическое равенство супругов; свобода развода; охрана материнства и детства; внебрачные дети уравнены в правах с законорожденными. Как отмечал М.А. Рейснер, семейное законодательство совершило революцию в традиционных представлениях о браке [19].

К общим чертам инноваций в праве в советский период можно отнести: комплексное регулирование общественных отношений; закре-

пление социальных гарантий; защита прав трудящихся; равенство прав граждан. Значение кодификации выразилось: в создании единой правовой базы; формировании новых правовых институтов; развитии юридической техники; закреплении социалистических принципов.

На наш взгляд, кодификация советского права создала: новую модель правового регулирования; систему социальных гарантий; механизмы защиты прав граждан; базу для дальнейшего развития законодательства. Инновации в кодификации советского права, несмотря на идеологические ограничения, заложили основы для развития: современного законодательства; системы социальной защиты; механизмов защиты трудовых прав; равных прав супругов.

Современная Россия (с 1991 г.)

Конституция РФ 1993 г.: закрепила разделение властей, права человека, многопартийность, рыночную экономику. Инновации: переход к либерально-демократической правовой модели.

Судебная реформа 1990–2000-х гг.: созданы Конституционный суд, арбитражные суды, институт мировых судей. Инновация: электронное правосудие (подача исков онлайн).

Цифровизация права: система «Электронное правосудие»; реестры цифровых прав (например, закон о цифровых финансовых активах 2020 г.); использование искусственного интеллекта для анализа судебной практики; регулятивные песочницы (экспериментальные правовые режимы) [14].

Выводы

Таким образом, отечественное право постоянно подвергнуто инновационному обновлению в различных формах: эндогенной инновации; рецепции права, реформированию. Для российского права характерен синтез правовых традиций и правовых заимствований (от византийских норм до европейских правовых моделей); социальная ориентированность (от Соборного уложения до современных законов о поддержке семьи); технологизация (цифровые сервисы и автоматизация юридических процессов). Эволюция российского права от-

ражает поиск баланса между авторитаризмом и свободой, традициями и модернизацией. Российское право является не статичной системой, а динамичным институтом, способным адаптироваться к меняющимся условиям, сохраняя при этом свою идентичность и основные принципы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.
2. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Ленинград : Лениздат, 1989. – 496 с.
3. Арсеньев, К. К. Заметки о русской адвокатуре / К. К. Арсеньев. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1875. – 318 с.
4. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев ; СПб. : Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 1909. – 692 с.
5. Гойхбарг, А. Г. Гражданский кодекс РСФСР. Практический комментарий / А. Г. Гойхбарг. – М. : Изд-во НКЮ РСФСР, 1923. – 296 с.
6. Гойхбарг, А. Г. Частное право: популярные очерки / А. Г. Гойхбарг. – М. : Гос. изд-во, 1924. – 120 с.
7. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права. Т. 1: О государственном устройстве / А. Д. Градовский. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1875. – 467 с.
8. Захарова, Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861 / Л. Г. Захарова; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 254 с.
9. Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2012. – 336 с.
10. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа / А. Б. Каменский. – М. : РГГУ, 2001. – 575 с.
11. Ключевский, В. О. Курс русской истории. В 9 ч. Ч. 1: Лекции I–XX / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 431 с.
12. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 35: Октябрь 1917 – март 1918 / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1974. – 598 с.
13. Лившиц, Р. З. Теория права : учебник / Р. З. Лившиц. – М. : БЕК, 2001. – 224 с.
14. Макаров, В. О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт / В. О. Макаров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. –

Т. 20, № 3. – С. 35–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

15. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014–2015. – Т. 1. – 2014. – 896 с. ; Т. 2. – 2015. – 912 с. ; Т. 3. – 2015. – 992 с.
16. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с. ; Т. 2. – 583 с.
17. Нерсисянц, В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов / В. С. Нерсисянц. – М. : НОРМА, 2002. – 736 с.
18. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории: для студентов высш. учеб. заведений / С. Ф. Платонов. – Петроград : [б. и.], 1917. – 749 с.
19. Рейснер, М. А. Право и революция: Идеология классового права. 1917–1918 / М. А. Рейснер. – М. : Изд. Нар. ком. юст., 1918. – 79 с.
20. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. – 240 с.
21. Томсинов, В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского / В. А. Томсинов. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 334 с.
22. Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках / А. Л. Хорошкевич. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 366 с.
23. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В. А. Томсинов. – М. : Зерцало, 2017. – 432 с.
24. Чистяков, О. И. История отечественного государства и права : учебник / О. И. Чистяков. – М. : Юрайт, 2012. – 479 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.
2. Anisimov E.V. *Vremya petrovskih reform* [The Time of Peter's Reforms]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 496 p.
3. Arsen'ev K.K. *Zametki o russkoj advokature* [Notes on the Russian Bar]. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1875. 318 p.
4. Vladimirskij-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Kiev, Saint Petersburg, Izd. kn. mag. N.Ya. Ogloblina Publ., 1909. 692 p.
5. Gojhbarg A.G. *Grazhdanskij kodeks RSFSR. Prakticheskij kommentarij* [Civil Code of the RSFSR. Practical Commentary]. Moscow, Izd-vo NKYu RSFSR Publ., 1923. 296 p.

6. Gojhbarg A.G. *Chastnoe pravo: populyarnye ocherki* [Private Law: Popular Essays]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1924. 120 p.
7. Gradovskij A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. T. 1: O gosudarstvennom ustrojstve* [Fundamentals of Russian State Law. Vol. 1: On the State Structure]. Saint Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha Publ., 1875. 467 p.
8. Zaharova L.G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii, 1856–1861* [Autocracy and the Abolition of Serfdom in Russia, 1856–1861]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1984. 254 p.
9. Isaev I.A. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik* [History of State and Law of Russia: Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 336 p.
10. Kamenskij A.B. *Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka: Opyt celostnogo analiza* [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century: An Experience of Holistic Analysis]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 575 p.
11. Klyuchevskij V.O. *Kurs russkoj istorii. V 9 ch. Ch. 1: Lekcii I–XX* [Course of Russian History. In 9 Parts. Part 1: Lectures I–XX]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 431 p.
12. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. T. 35: Oktyabr' 1917 – mart 1918* [Complete Works: In 55 Vols. Vol. 35: October 1917 – March 1918]. Moscow, Izd-vo polit. lit. Publ., 1974. 598 p.
13. Livshic R.Z. *Teoriya prava: uchebnik* [Theory of Law: Textbook]. Moscow, BEK Publ., 2001. 224 p.
14. Makarov V.O. Klassifikaciya reguljativnyh pesochnic (eksperimentalnyh pravovyh rezhimov): rossijskij i zarubezhnyj opyt [The Classification of Regulatory Sandboxes (Experimental Legal Regimes): Russian and Foreign Experience]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>
15. Mironov B.N. *Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity: In 3 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2014–2015, vol. 1, 2014. 896 p.; vol. 2, 2015. 912 p.; vol. 3, 2015. 992 p.
16. Mironov B.N. *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social History of Russia of the Imperial Period (18th – early 20th Centuries): In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003, vol. 1. 548 p.; vol. 2. 583 p.
17. Nersesyanc V.S. *Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij: uchebnik dlya vuzov* [History of Political and Legal Doctrines: Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow, NORMA Publ., 2002. 736 p.
18. Platonov S.F. *Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii: dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenij* [A Complete Course of Lectures on Russian History: For Students of Higher Educational Institutions]. Petrograd, [s.n.], 1917. 749 p.
19. Rejsner M.A. *Pravo i revolyuciya: Ideologiya klassovogo prava. 1917–1918* [Law and Revolution: The Ideology of Class Law. 1917–1918]. Moscow, Izd. Nar. kom. yust. Publ., 1918. 79 p.
20. Romanov B.A. *Lyudi i nrvy Drevnej Rusi: Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [People and Morals of Ancient Rus: Historical and Everyday Essays of the 11th–13th Centuries]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1966. 240 p.
21. Tomsinov V.A. *Svetilo rossijskoj byurokratii: Istoricheskij portret M.M. Speranskogo* [The Luminary of Russian Bureaucracy: A Historical Portrait of M.M. Speransky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 334 p.
22. Horoshkevich A.L. *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoj i Zapadnoj Evropoj v XIV–XV vekah* [Trade of Veliky Novgorod with the Baltic Region and Western Europe in the 14th–15th Centuries]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1963. 366 p.
23. *Hrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava (X vek – 1917 god)* [Anthology on the History of National State and Law (10th Century – 1917)]. Moscow, Zercalo Publ., 2017. 432 p.
24. Chistyakov O.I. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik* [History of National State and Law: Textbook]. Moscow, Yurajt Publ., 2012. 479 p.

Information About the Author

Evgeny Yu. Kuryshev, Candidate Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the Russian National Guard Troops, Moskovskaya St, 158, 410023 Saratov, Russian Federation, kurisheff.ewg@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0743-8912>

Информация об авторе

Евгений Юрьевич Курышев, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, ул. Московская, 158, 410023 г. Саратов, Российская Федерация, kurisheff.ewg@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0743-8912>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8>

UDC 34.01

LBC X022.1

Submitted: 01.12.2025

Accepted: 08.12.2025

EXPERIMENTAL LEGAL REGIME: CURRENT STATUS AND CHALLENGES ¹

Maria A. Kovalenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the experimental legal regime has become a significant legal instrument for achieving a balance between established social relations and the current level of technology development, including the digital ones. This goal has become one of the main reasons for its use in legal practice. The history, practical application, and theoretical development of this legal institution are limited. As of November 2025, there is no complete information on the progress and results of the implementation of the experimental legal regimes introduced within the territory of the Russian Federation. In this regard, it is important to research the characteristics of the experimental legal regime for the development of its doctrine. The **purpose** of this study is to analyze the main features of the experimental legal regime. This will allow determining the limits for its establishment. The methodology is based on the use of the general scientific **methods** of cognition and special legal ones. As a **result**, the specifics of the experimental legal regimes introduced within the territory of the Russian Federation, as well as the opinions of scientists regarding their legal nature, are studied. The examples of existing experimental legal regimes are considered. For public scholarly discussion, the author presents clarifying criteria to distinguish the experimental legal regime from similar legal constructs. **Conclusions:** an experimental legal regime should be set up for the pilot testing of innovations by business entities for use in their practice. The process of such verification is complex and multi-stage, requiring organizational, technical and financial costs.

Key words: experimental legal regime, pilot project, legal experiment, telemedicine, digital innovations, technological innovations, regulatory sandbox.

Citation. Kovalenko M.A. Experimental Legal Regime: Current Status and Challenges. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 61-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8>

УДК 34.01
ББК X022.1

Дата поступления статьи: 01.12.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2015

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ¹

Мария Андреевна Коваленко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: Экспериментальный правовой режим стал значимым правовым инструментом для достижения баланса между устоявшимися общественными отношениями и актуальным уровнем развития технологий, в том числе цифровых. Указанная цель стала одной из главных причин его использования в правовой практике. История и практика применения и теоретической разработки данного правового института немногочисленна. По состоянию на ноябрь 2025 г. отсутствуют полноценные сведения о ходе и итогах реализации введенных на территории Российской Федерации экспериментальных правовых режимов. В связи с этим, важным является исследование характеристики экспериментального правового режима для развития доктрины о нем. **Цель** настоящего исследования заключается в анализе главных черт экспериментального правового режима. Это позволит определить пределы для его установления. **Методология** основывается на использовании общенаучных методов познания и специально-юридических. **В результате** была изучена специфика экспериментальных правовых режимов, вводимых на территории Российской Федерации, а также мнения ученых относительно их правовой природы. Были рассмотрены примеры действующих экспериментальных правовых режимов. Авто-

ром представлены для публичного научного обсуждения уточняющие критерии для отграничения экспериментального правового режима от схожих правовых конструкций. **Выводы:** экспериментальный правовой режим должен устанавливаться для опытной проверки субъектами предпринимательской деятельности инноваций, которые могут использоваться в их практике. Процесс такой проверки является сложным и многоэтапным, требующим организационных, технических и финансовых затрат.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, пилотный проект, правовой эксперимент, телемедицина, цифровые инновации, технологические инновации, регулятивная песочница.

Цитирование. Коваленко М. А. Экспериментальный правовой режим: текущее состояние и проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 61–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.8>

Введение

Развитие человеческой мысли существенно ускорилось в XXI веке, что приводит к необходимости адаптации новых общественных явлений к уже сложившимся стандартам. Цифровые технологии рассматриваются как двигатель прогресса, в тщательной разработке которых нуждается каждое современное государство. Однако использование цифровых технологий имеет не только положительные стороны, но и сопряжено со значительными рисками безопасности. Для более обоснованной и эффективной реализации цифровых инноваций в обществе российский законодатель предусмотрел возможность создания экспериментальных правовых режимов. Экспериментальный правовой режим является новой правовой конструкцией в современной российской правовой системе. Необходимость прибегнуть к ее использованию возникла в связи с наличием запроса предпринимателей и общества в целом по предоставлению им инструмента для тестирования цифровых инноваций в обороте. Данная потребность наблюдалась не только в Российской Федерации, поэтому многие государства создали аналогичные правовые средства для апробации цифровых инноваций (regulatory sandbox, регулятивные лаборатории и т. д.).

Сущностные аспекты понятия «экспериментальный правовой режим»

Перед российским законодателем стояла задача по созданию правового средства, подобного regulatory sandbox (далее – регулятивная песочница), используемого в зарубежных юрисдикциях. Регулятивная песочница появилась в практике зарубежных государств

как инструмент создания благоприятной регулятивной среды при тестировании цифровых инноваций. Первоначально регулятивные песочницы проводились только в финансовой сфере и осуществлялись в контролируемой среде, без привлечения реальных клиентов финансовых услуг. Затем сфера применения регулятивных песочниц расширилась.

Банк России в 2018 г. решил перенять зарубежный опыт и начал запускать собственные регулятивные песочницы. Законодательный акт о введении регулятивных песочниц отсутствовал. В связи со спецификой полномочий Банка России регулятивные песочницы проводились только в финансовой среде. Также регулятивные песочницы не предполагали непосредственного взаимодействия с реальным сектором оказания финансовых услуг, то есть проводились в изолированной среде.

Указанные обстоятельства стали поводом для обсуждения на законодательном уровне инициативы о введении специального закона в данной сфере, который бы регламентировал порядок организации и реализации регулятивных песочниц. При принятии в 2020 г. запланированного закона российский законодатель отказался от термина «регулятивная песочница», прибегнув к термину «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций». В настоящее время в название закона внесения изменения и рассматриваемый институт называется «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций».

Кроме того, в российской правовой системе можно обнаружить длительную практику использования правовых экспериментов и пилотных проектов при апробировании того или иного правового решения.

Вышеописанные факторы привели к терминологической путанице не только в законодательной и правоприменительной практике, но и в теоретических кругах. Отсутствие устоявшегося понимания терминов «экспериментальный правовой режим» и «регулятивная песочница» усугубило данную терминологическую проблему. На страницах научных работ можно встретить различные термины, напрямую связанные с экспериментальным правовым режимом: регулятивная песочница, регуляторная песочница, правовой эксперимент, пилот, пилотный проект, правовой эксперимент, правотворческий эксперимент, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций. Единство мнений относительно соотношения данных понятий не достигнуто.

В научной среде можно встретить различные толкования термина «экспериментальный правовой режим». На наш взгляд, многие ученые затрудняют проблему разграничения явлений при упоминании в рамках одного контекста разных понятий, без уточнения их соотношения. Например, в монографии «Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, техника» авторского коллектива под руководством О.А. Тарасенко при раскрытии экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций используются термины «правовой эксперимент», «эксперимент», «пилот», «регулятивная песочница» [7, с. 39–53]. Авторы указывают на проблему неупорядоченности законодательных актов, регламентирующих действие экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. При этом к законам в данной сфере они относят не только те, где упоминается экспериментальный правовой режим, но и Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой». Стоит заметить, что данный закон был принят до федеральных законов, вводящих на территории Российской Федерации понятие «экспериментальный правовой режим». Следовательно, его нельзя отнести к законам, устанавливающим правила проведения экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.

Государственные органы также могут одновременно использовать различные термины в рамках описания экспериментального

правового режима. Например, Министерство экономического развития Российской Федерации в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов ставит цель по дальнейшему тестированию возможности введения в гражданский оборот цифровых инноваций при помощи *экспериментальных правовых режимов*. Констатируется, что на данный момент были введены уже 18 *экспериментов* [4].

Нами ранее были осуществлены первые шаги на пути выяснения сущности и взаимосвязи понятий «правовой эксперимент», «экспериментальный правовой режим», «пилотный проект» [3]. Был предложен подход, в соответствии с которым данные правовые конструкции различаются по объекту тестирования и его участникам. Экспериментальный правовой режим используется для цифровой трансформации традиционных общественных отношений. Его активные участники – субъекты предпринимательской деятельности, для которых оперативное тестирование возможности внедрения цифровых инноваций в осуществляемую предпринимательскую деятельность является важным драйвером развития рынка. Правовой эксперимент, в узком смысле слова, является правовым средством для апробации нового правового явления, ранее не существовавшего в правовой системе государства. Пилотный проект может использоваться для опытной проверки воздействия цифровых инноваций на гражданский оборот. Но преимущественно государство устанавливает пилотный проект для совершенствования, в том числе путем достижения заданных показателей, общественных сфер социальной направленности. Государству отводится ключевая и активная роль при его организации и проведении.

Как можно заметить, для проведения тестирования возможности использования электронных документов в трудовых правоотношениях законодатель прибег к введению правового эксперимента. Можно предположить, что это было совершено до принятия Федерального закона об экспериментальных правовых режимах. Но и после этого момента учреждаются эксперименты, связанные с цифровизацией традиционных общественных

отношений (Постановление Правительства от 11.11.2025 № 1176 «О проведении эксперимента по обеспечению электронного взаимодействия участников процесса перевозок пассажиров автомобильным транспортом по межрегиональным маршрутам регулярных перевозок», Постановление Правительства Российской Федерации от 27.05.2023 № 823 «О проведении эксперимента по применению электронных навигационных пломб при перевозках во взаимной торговле Республики Казахстан, Киргизской Республики и Российской Федерации товаров железнодорожным и (или) автомобильным видами транспорта»). Следовательно, необходимо выявить другие уточняющие признаки экспериментального правового режима для его отграничения от правового эксперимента.

Экспериментальный правовой режим предполагает повышенную заинтересованность в его проведении субъектов предпринимательской деятельности. Они представляют свои инициативные предложения в государственные органы, самостоятельно определяют технологические и организационные аспекты тестирования инноваций. Самостоятельная апробация внедрения таких инноваций в гражданский оборот наталкивается на правовые запреты, возможность привлечения к юридической ответственности. Государство создает благоприятные условия для реализации экспериментального правового режима, но самостоятельно не участвует в технологической составляющей. Формирование комфортных регулятивных условий для опытной проверки не должно приводить к серьезным и обширным изменениям в законодательстве. В связи с этим, в качестве принципов установления экспериментального правового режима в пункте 7 статьи 4 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» закреплён принцип минимизации отступлений от общего регулирования. Вводимые экспериментальные правовые нормы и предполагаемые на основе результатов проведения экспериментального правового режима будущие правотворческие решения не направлены на качественные изменения законодательства. Они ведут к улучшению коли-

чественных показателей, не вводя кардинальных преобразований.

Примечательно, что российский законодатель отказался от введения экспериментального правового режима в области правового регулирования цифрового рубля. Особенности внедрения цифрового рубля, возможная реакция населения и последствия не совместимы с концепцией экспериментального правового режима. Правовое регулирование цифрового рубля находится в исключительной компетенции федерального законодателя, поскольку это затрагивает денежную основу конституционного строя.

Одна из точек зрения на содержания экспериментального правового режима заключается в том, чтобы признавать его специальной контролируемой и управляемой площадкой (средой, пространством) для опытной апробации технологических, организационных, правовых, экономических возможностей внедрения в гражданский оборот цифровых и технологических инноваций. К ученым, рассматривающим экспериментальный правовой режим в данном контексте, следует отнести I. Jenik, K. Lauer [8], И.А. Черешневу [5]. Из создания государством особой площадки вытекает, что процесс тестирования – сложный процесс. Он включает в себя комплекс действий субъекта предпринимательской деятельности по созданию, имплементации в деятельности, оценку, возможную доработку инновации и процесса ее использования. Государство устанавливает пределы тестирования.

Ученые рассматривают экспериментальный правовой режим как многогранное явление. Он определяется также как «способ апробации самой процедуры правового экспериментирования» [2, с. 16].

Эксперимент по внедрению электронных документов в трудовые правоотношения не предполагает создание цифровой инновации, требующей длительной и сложной разработки и апробирования. Кроме того, он используется не в предпринимательской деятельности работодателя непосредственно, а в отношениях другого порядка. Следовательно, экспериментальный правовой режим для такой проверки не применим.

Указанные обстоятельства подтверждаются Программой экспериментального пра-

вового режима в области телемедицины. Программа определяет наиболее важные условия проведения удаленной консультации (например, сведения, которые должны быть сообщены пациентам, действия при первом обращении, необходимость получения добровольного согласия на медицинское вмешательство, основные требования к медицинской информационной системе). Медицинская организация, действуя в заданных условиях, самостоятельно предпринимает действия по созданию цифровых технологий и внедрению их в деятельность врача.

Также в правовой науке можно отметить тенденцию по расширительному толкованию экспериментального правового режима как любого специального правового регулирования вводимого при проведении правового эксперимента. Д.В. Шахов, характеризуя правовой эксперимент по введению налога для самозанятых, относит его к экспериментальным правовым режимам [6, с. 181]. Однако ученый в заключении приходит к выводу, что экспериментальный правовой режим предназначен для цифровой трансформации общественных отношений. Введение специального налогообложения для самозанятых напрямую не ведет к цифровизации налоговых правоотношений. Полагаем, что экспериментальный правовой режим представляет собой специальный правовой режим, устанавливаемый на временной основе в отношении ограниченного круга лиц и (или) территорий для апробирования возможности безопасного и экономического выгодного применения инноваций в гражданском обороте при активном участии субъектов предпринимательской деятельности. На предпринимательский характер экспериментальных правовых режимов указывает также Е.А. Громова [1, с. 58].

Примеры введенных экспериментальных правовых режимов на территории России

На ноябрь 2025 г. на территории Российской Федерации реализуется три экспериментальных правовых режима в области телемедицинских технологий. Учреждение экспериментальных правовых режимов в области медицинской деятельности находится в ком-

петенции Правительства РФ. Его постановлением от 18.07.2023 № 1164 был введен экспериментальный правовой режим, направленный на частичное разрешение врачу корректировать диагноз или назначать дистанционное наблюдение за состоянием здоровья. Тестируемая цифровая инновация, сопряжена с разработкой технической возможности проведения удаленной консультации и дистанционного наблюдения за пациентом. В ходе экспериментального правового режима требуется провести комплексные действия для налаживания использования цифровых технологий для указанных форм взаимодействия врача и пациента.

Также Постановлением Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 был создан экспериментальный правовой режим по использованию персональных медицинских помощников.

Совсем недавно был установлен новый экспериментальный правовой режим для апробирования возможности подписания информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказа от такого вмешательства с использованием электронной графической подписи (Постановление Правительства РФ от 31.10.2025 № 1706). Отличием данного экспериментального режима выступает субъектный состав. Его ключевым участником является Департамент здравоохранения города Москвы. Ему делегированы полномочия по утверждению порядка участия, по отбору медицинских организаций для проведения тестирования.

В рамках развития беспилотного транспорта были введены в действия многочисленные экспериментальные правовые режимы, в том числе на территории отдельных субъектов. Например, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций «Аэрологистика» (Постановление Правительства РФ от 02.11.2023 № 1840), в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (Постановление Правительства РФ от 13.11.2025 № 1790), в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем (Постановление Правительства РФ от 16.09.2023 № 1510).

Банк России наделен правом на создание экспериментальных правовых режимов в

финансовой сфере. Однако в настоящее время финансовый регулятор таким правом не воспользовался.

Заключение

Рассмотрение изложенного материала позволяет выделить характерные черты экспериментального правового режима. К таким чертам относятся:

1. Не предполагает качественного изменения общего регулирования, введения ранее не имевших практики применения в правовой системе правовых институтов.
2. Вводится в рамках предпринимательской сферы при активном инициативном участии субъектов предпринимательства.
3. Опытная апробация инновации невозможна одномоментно, требуется подготовка плана (проекта) и его длительная реализация.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова, Е. А. Правовая модель стимулирующих режимов предпринимательской деятельности в сфере создания цифровых инноваций / Е. А. Громова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2023. – № 2. – С. 56–61. – DOI: 10.14529/law230208
2. Давыдова, М. Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития / М. Л. Давыдова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 11–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>
3. Коваленко, М. А. К вопросу о соотношении экспериментальных правовых режимов, правового эксперимента и пилотных проектов / М. А. Коваленко // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1 (99). – С. 164–171.
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плано-

вый период 2027 и 2028 годов (разработан Минэкономразвития России) // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognost_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2026_god_i_na_planovyy_period_2027_i_2028_godov.html

5. Черешнева, И. А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности / И. А. Черешнева // Право и политика. – 2023. – № 12. – С. 27–34. – DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69354
6. Шахов, Д. В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации / Д. В. Шахов // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – № 5. – С. 178–186. – DOI: 10.26794/1999-849X2025-18-5-178-186
7. Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, техника : монография / отв. ред. О. А. Тарасенко. – М. : Проспект, 2024. – 136 с.
8. Jenik, I. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion. Working Paper / I. Jenik, K. Lauer. – Washington, D.C. : CGAP, 2017. – 20 p.

REFERENCES

1. Gromova E.A. Pravovaya model stimuliruyushhikh rezhimov predprinimatelskoj deyatel'nosti v sfere sozdaniya cifrovyykh innovatsiy [Legal Model of Incentive Regimes for Entrepreneurial Activities in the Field of Digital Innovation]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo*, 2023, no. 2, pp. 56-61. DOI: 10.14529/law230208
2. Davydova M.L. Eksperimentalnoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya ustojchivogo razvitiya [Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 11-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>
3. Kovalenko M.A. K voprosu o sootnoshenii eksperimentalnykh pravovykh rezhimov, pravovogo eksperimenta i pilotnykh proektov [On the Relationship Between Experimental Legal Regimes, Legal Experiments, and Pilot Projects] *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, 2025, vol. 26, no. (99), pp. 164-171. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).164-171
4. Prognost socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2026 god i na planovyy period 2027 i 2028 godov (razrabotan Mine'konomrazvitiya Rossii) [Forecast of the Socioeconomic Development of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028 (Developed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation)].

Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2026_god_i_na_planovyy_period_2027_i_2028_godov.html

5. Cheresheva I.A. Eksperimentalnyj pravovoj rezhim v sfere cifrovych innovacij: k voprosu ob obespechenii pravovoj opredelennosti [Experimental Legal Regime for Digital Innovations: Ensuring Legal Certainty]. *Pravo i politika*, 2023, no. 12, pp. 27-34. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.12.69354

6. Shaxov D.V. Vvedenie eksperimentalnykh pravovykh rezhimov v usloviyakh cifrovoj transformacii [Introduction of Experimental Legal Regimes in the Context of Digital Transformation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2025, no. 5, pp. 178-186. DOI: 10.26794/1999-849X2025-18-5-178-186

7. Tarasenko O.A., eds. *Eksperimentalnoe normotvorchestvo: doktrina, praktika, texnika* [Experimental Norm-Setting: Doctrine, Practice, and Technique]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 136 p.

8. Jenik I., Lauer K. *Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion. Working Paper*. Washington, D.C.: CGAP, 2017. 20p.

Information About the Author

Maria A. Kovalenko, Postgraduate Student, Junior Researcher, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pra-241_553745@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8412-7900>

Информация об авторе

Мария Андреевна Коваленко, аспирант, младший научный сотрудник кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pra-241_553745@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8412-7900>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.9>

UDC 347.4

LBC 67.404.2

Submitted: 18.11.2025

Accepted: 08.12.2025

MODUS AS AN ACCIDENTAL ELEMENT OF GRATUITOUS TRANSACTIONS: FROM ROMAN TO MODERN CIVIL LAW

Olga A. Sergacheva

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the doctrine of transaction originates in Roman law; however, the fragmentary elaboration of theoretical material has led to the fact that of the three accidental elements of a transaction (*accidentalia negotii*): condition (*conditio*), term (*dies*), modus (*modus*), only the first two have received sufficient coverage in modern domestic civilistics. Modus as a theoretical concept has still not been researched sufficiently fully in Russian science; meanwhile, such a lacuna causes problems in law enforcement practice: in fact, modus is embedded in transactions, but the lack of its consistent legislative regulation does not allow, in particular, to draw an unambiguous conclusion about the nature of the revocation of a gift, which often leads to the judicial termination of already executed contracts. It is necessary to investigate in which gratuitous transactions modus is discernible, how it can be identified, and whether the modus of a gift is reflected in the current Civil Code of Russia. **Purpose:** substantiating the presence of modus in certain gratuitous transactions, identifying its essential features and differences from other accidental terms of a transaction. **Objectives:** to analyze the doctrine and norms of the current Russian legislation in order to identify modus, not named as such but reflected in law. **Methods:** 1) the general scientific ones: analysis, synthesis, induction, deduction, ascent from the abstract to the concrete, abstraction, analogy, comparison; 2) the specific scientific ones: systemic, formal-legal, comparative law, interpretative. **Results:** 1) it is argued that modus as an accidental element of a transaction is characteristic of gratuitous transactions (in particular, gift and testament); 2) it is established that modus is a prerequisite for the emergence of obligatory legal relations, and two types of modi (positive and negative) can be distinguished. **Conclusions:** 1) the concept of accidental terms of a transaction developed in Romanistics includes three main elements: condition (*conditio*), term (*dies*), modus (*modus*). At the same time, in modern domestic civilistics, within the framework of the doctrine of transaction, the first two of these accidental terms have been elaborated in sufficient detail, while the study of modus has still not been conducted systematically and deeply; 2) by establishing a modus in a transaction, the donor or testator imposes on the donee or legatee an obligation to use the property in whole or in part for specified purposes or to perform other actions, which will result in a decrease in the value of the property transferred under the gratuitous transaction; 3) the norms of current civil legislation have created the possibility of including modus in gratuitous transactions of two types: transactions *inter vivos* (between the living) – and then it is a gift, and transactions *mortis causa* (in case of death) – it is about inheritance (namely, legacy and testamentary charge). A conclusion is made about the possibility of modus existing in two modes: positive (active) (when the obligor's duty involves active actions) and negative (passive) (when the obligor's duty involves the need to refrain from certain behavior). Active modus predominantly occurs in inheritance relations (legacy, testamentary charge); passive modus in Russian civil law is constructed by the norms of Article 528 of the Civil Code of the Russian Federation on the revocation of a gift.

Key words: gift, legacy, modus, gratuitous transaction, donation, testamentary charge, elements of a transaction.

Citation. Sergacheva O.A. Modus as an Accidental Element of Gratuitous Transactions: From Roman to Modern Civil Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 68-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.9>

УДК 347.4
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 18.11.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

МОДУС КАК АКЦИДЕНТАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ БЕЗВОЗМЕЗДНЫХ СДЕЛОК: ОТ РИМСКОГО К СОВРЕМЕННОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Ольга Александровна Сергачева

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: учение о сделке берет начало в римском праве, однако фрагментарная проработка теоретического материала привела к тому, что из трех акцидентальных элементов сделки (*accidentalalia negotii*): условие (*conditio*), срок (*dies*), модус (*modus*), достаточное освещение в современной отечественной цивилистике получили только первые два. Модус как теоретическая концепция до сих пор не исследован в российской науке достаточно полно, вместе с тем такая лакуна вызывает проблемы в правоприменительной практике: фактически модус встроен в сделки, но отсутствие его последовательного законодательного регулирования не позволяет, в частности, сделать однозначный вывод о природе отмены дарения, что зачастую приводит к расторжению в судебном порядке уже исполненных договоров. Необходимо исследовать, в каких безвозмездных сделках усматривается модус, каким образом можно его выявлять, находит ли отражение модус дарения в действующем Гражданском кодексе России? **Цель исследования:** обоснование наличия модуса в отдельных безвозмездных сделках, выявление его существенных черт и отличия от иных акцидентальных условий сделки. Задачи исследования: проанализировать доктрину и нормы действующего российского законодательства с целью выявления модуса, не поименованного в качестве такового, но отраженного в праве. **Методы исследования:** 1) общенаучные: анализ, синтез, индукция, дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному, абстрагирование, аналогия, сравнение; 2) частно-научные: системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, интерпретационный. **Результаты:** 1) аргументировано, что модус как акцидентальный элемент сделки свойственен сделкам безвозмездным (в частности, дарению и завещанию); 2) установлено, что модус является предпосылкой возникновения обязательственных правоотношений, при этом можно выделить два вида модусов (положительный и отрицательный). **Выводы:** 1) разработанная в романистике концепция акцидентальных условий сделки включает в себя три основных элемента: условие (*conditio*), срок (*dies*), модус (*modus*). При этом в современной отечественной цивилистике в рамках учения о сделке достаточно подробно разработаны первые два из названных акцидентальных условий, в то время как исследование модуса системно и глубоко до сих пор не проводилось; 2) посредством установления в сделке модуса даритель или завещатель налагает на того, кому что-либо дарит или отказывает, обязанность употребить это имущество в целом или в части для определенных целей либо совершить иные действия, что приведет в результате к уменьшению ценности переданного по безвозмездной сделке имущества; 3) нормы действующего гражданского законодательства сформировали возможность включения модуса в безвозмездные сделки двух типов: сделки *inter vivos* (между живыми) – и тогда речь идет о дарении, и сделки *mortis causa* (на случай смерти) – речь идет о наследовании (а именно, о легате (завещательном отказе) и завещательном возложении). Сделан вывод о возможности существования модуса в двух режимах: положительном, или активном, (когда обязанность исполнителя модуса предполагает активные действия) и отрицательном, или пассивном (когда обязанность исполнителя модуса предполагает необходимость воздерживаться от определенного поведения). Активный модус преимущественно имеет место в наследственных правоотношениях (завещательный отказ, завещательное возложение); пассивный модус в российском гражданском праве сконструирован нормами статьи 528 ГК РФ об отмене дарения.

Ключевые слова: дарение, легат, модус, безвозмездная сделка, пожертвование, завещательное возложение, элементы сделки.

Цитирование. Сергачева О. А. Модус как акцидентальный элемент безвозмездных сделок: от римского к современному гражданскому праву // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 68–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.9>

Введение

Традиционно в римском праве к акцидентальным элементам сделки (так называемым *accidentalialia negotii*) относят как наиболее значимые следующие:

- условие (*conditio*);
- срок (*dies*);
- модус (*modus*) [1].

Первые два из названных акцидентальных условий вполне знакомы и современному гражданскому праву, причем праву не только российскому, но и зарубежным правовым системам. Однако третье условие – модус – на сегодняшний день не только не упоминается как таковой в действующих российских нормативных правовых актах, но и не является предметом серьезного и комплексного исследования цивилистов. Подчеркнем – именно в трудах цивилистов-современников модусу как акцидентальному элементу сделки не уделяется достаточного внимания, тогда как в дореволюционных научных работах мы можем встретить соответствующие исследования [6; 7].

Модус как акцидентальный элемент касается, в первую очередь, безвозмездных сделок, и зачастую именуется в таком контексте по-разному: обязанность, побочное определение, наказ, целевое назначение, предположение. В настоящей работе мы будем придерживаться классической романистической терминологии, поскольку вопрос о корректности перевода с латинского на русский язык категории «модус» может составить предмет самостоятельного научного исследования.

Посредством установления в сделке модуса даритель или завещатель (поскольку традиционно модус может иметь место как в сделках *inter vivos*, так и *mortis causa*) налагает на того, кому что-либо дарит или отказывает, обязанность употребить это имущество в целом или в части для определенных целей либо совершить иные действия, что приведет в результате к уменьшению ценности переданного по безвозмездной сделке имущества.

Таким образом, если в состав сделки встраивается модус, то имущественная ценность права, передаваемого по такой сделке, уменьшается настолько, сколько стоит исполнение модуса, при этом может сложиться впе-

чатление, что такая обусловленная передача имущества (безвозмездная по своей природе) как бы лишает сделку присущей ей безвозмездности. Этот вопрос и составляет предмет настоящего исследования: можно ли усмотреть модус как акцидентальный элемент сделки в действующем гражданском законодательстве; влияет ли установление модуса в сделке на ее безвозмездный характер.

Как упоминалось выше, модус может быть встроен в безвозмездные сделки двух типов: сделки *inter vivos* (между живыми) – тогда речь идет о дарении, и сделки *mortis causa* (на случай смерти) – в этом случае мы говорим о наследовании (а именно, о легате, завещательном отказе).

Модус в завещании:

легат и завещательное возложение

Рассуждая о влиянии модуса на безвозмездность проще, как представляется, начать с рассмотрения завещательного отказа. Известно, что с помощью завещательного отказа лицо распоряжается своим имуществом на случай смерти, устанавливая в завещании для одного или нескольких наследников обязанность имущественного характера в пользу так называемого отказополучателя: передать ему вещи или имущественные права, выполнить в его интересах работу или оказать услугу, периодически уплачивать такому отказополучателю определенную сумму, главное, чтобы перечисленные имущественные обременения выполнялись за счет полученной наследственной массы. В случае исполнения наследником завещательного отказа, как представляется, сомнений в безвозмездной природе получения наследственного имущества не возникает: возмездный характер предполагает осуществление предоставления с последующим встречным предоставлением в ответ, тогда как вполне очевидно, что исполнение завещательного отказа как модуса никак не влияет на имущественную сферу завещателя, поскольку к моменту такого исполнения завещатель как субъект правоотношений уже не существует. Полагаем, в равной степени можно считать модусом завещания как сделки наряду с завещательным отказом и завещательное возложение: наследник в пре-

делах стоимости полученного имущества выполняет возложение, однако не в интересах отдельного лица (лиц), а с общепользующей целью (то есть, как подчеркивает Т.И. Зайцева, это должна быть цель: полезная для государства и общества в целом; предоставляющая пользу для определенного круга с неопределенным числом лиц; предоставляющая пользу для неопределенного круга с неопределенным числом лиц [2]). Таким образом, в сделках *mortis causa* в российском гражданском праве модус как акцидентальный элемент находит выражение в виде завещательного отказа или завещательного возложения, что не влияет, несмотря на возлагаемую на наследника обязанность уменьшить стоимость полученного имущества, на безвозмездную природу завещания как сделки. При этом также можно заключить, что модус в наследственных правоотношениях характеризуется активной обязанностью исполнителя модуса: он обязан совершить действия по реализации содержания легата или возложения.

Модус в дарении.

Постановка проблемы

Некоторые вопросы относительно влияния модуса на безвозмездность могут возникать при его встраивании в сделки *inter vivos*, в частности в договор дарения и пожертвования. Сомнения связаны с таким неотъемлемым признаком дарения как воля (желание) дарителя облагодетельствовать одаряемого – *animus donandi*: увеличить имущественную сферу одаряемого за счет уменьшения собственной имущественной сферы безо всякого встречного предоставления. В этой связи модальное дарение (обусловленное дарение) может восприниматься как оксюморон. Вместе с тем анализ не только источников римского права, но и действующего гражданского законодательства некоторых зарубежных стран (например, Италии) позволяет сделать вывод о том, что такое модальное дарение имеет место и рассматривается как безвозмездная сделка. Так, например, Доменико Прошутто (*Domenico Prosciutto*) отмечает, что установление модуса, хотя и представляющего собой бремя для должника, не искажает безвозмездного характера сделки, кото-

рый всегда остается таковым, даже если выгодоприобретателем является тот, кто сам установил модус (например, даритель, передающий актив, вынуждает одаряемого осуществлять деятельность в свою пользу, обеспечивая таким образом совпадение фигур дарителя и бенефициара) [5]. Таким образом очевидно сходство конструкций возложения на лицо, безвозмездно получающее имущество, имущественных обременений, уменьшающих стоимость полученного, как в наследственных, так и в договорных правоотношениях, что позволяет увидеть общие корни явления в римском праве и проследить за тем, как модус влияет на указанные выше правоотношения.

Подчеркнем, что в итальянской доктрине подавляющее большинство исследователей рассматривают модус именно в качестве акцидентального элемента сделки, но встречаются и точки зрения, что модус по своей природе – самостоятельная акцессорная сделка, связанная со сделкой основной [5]. Вместе с тем представляется, что такой альтернативный подход не вполне обоснован: модус является акцидентальным условием сделки, то есть ее элементом, а не внешней правовой конструкцией, пусть и связанной со сделкой основной. При этом подчеркнем, что модус не совпадает по своей природе с иными акцидентальными условиями, такими как условие и срок (читателя не должны вводить в заблуждение омонимичные термины «условие»: условие (сущностно) как акцидентальный элемент сделки и условие как синоним элемента следует различать).

Если условие откладывает существование права, срок откладывает осуществление права, то модус возникает одновременно с правом (при этом модус может отпасть ввиду невозможности осуществления, отказа выгодоприобретателя от его осуществления либо вследствие незаконности такого элемента сделки), однако отпадение модуса на существование самой сделки не влияет.

Итальянские исследователи [4] полагают, что модус по своей сути нельзя рассматривать как простой совет дарителя, поскольку обязательно имеет место и определенный интерес последнего (как имущественный, так и нравственный); при этом наличие модуса придает такому интересу правовое значение.

Из вышесказанного вытекает ключевой вопрос: находит ли отражение модус дарения в действующем Гражданском кодексе России?

Модус в договоре дарения в Гражданском кодексе Российской Федерации

Итак, согласно нормам главы 32 ГК РФ, дарение имеет место только тогда, когда отсутствует встречная передача вещи или права либо встречное обязательство. В науке гражданского права безвозмездность напрямую связывают с отсутствием встречности при осуществлении предоставления в связи с договором дарения (несмотря на то, что предоставление все же есть): так, А.Л. Маковский отмечал, что не превращает дарение в возмездный договор возмещение дарителю расходов, понесенных им в связи с дарением, если они по условиям договора не входят в ценность предмета дарения [3, с. 306]. Вместе с тем концепция встречного характера предоставления в контексте дарения, как представляется, не нашла достаточной разработки в науке гражданского права. Если вернуться к пониманию модуса как обременения, поручения, возложения некой обязанности дарителем на одаряемого, то можно прийти к выводу, что модель дарения в современном российском гражданском законодательстве содержит в себе модус: это можно увидеть, например, в положениях статьи 578 ГК РФ, посвященных отмене дарения. Анализ норм указанной статьи приводит к выводу, что законодатель наделил дарителя возможностью влиять на поведение одаряемого, возлагая на него определенные обязанности: не покушаться на жизнь и здоровье дарителя и его близких; обращаться с подаренной вещью (если даритель ей особенно дорожит) аккуратно, не создавая угрозы ее безвозвратной утраты; в противном случае право собственности одаряемого на полученное имущество принудительно прекращается и дар поступает обратно в собственность дарителя¹.

Таким образом, принимая дар одаряемый понимает, что если желает сохранить право собственности на получаемую вещь, он обязан воздерживаться от определенного поведения (по аналогии с отрицательными обяза-

тельствами, сущность которых заключается в том, что должник обязан воздерживаться от определенного поведения в интересах кредитора, можно говорить здесь об отрицательном модусе – акцидентальном условии договора дарения, содержанием которого является обязанность одаряемого воздержаться от определенного поведения в интересах дарителя, и является, в свою очередь основанием возникновения соответствующего отрицательного обязательства). Вместе с тем вопрос о правовой природе модуса нуждается в дополнительной теоретической проработке, что будет предпринято автором в следующих исследованиях.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Установлено, что разработанная в романистике концепция акцидентальных условий сделки включает в себя три основных элемента: условие (*conditio*), срок (*dies*), модус (*modus*). При этом в современной отечественной цивилистике в рамках учения о сделке достаточно подробно разработаны первые два из названных акцидентальных условий, в то время как исследование модуса системно и глубоко до сих пор не проводилось.

2. Выявлено, что посредством установления в сделке модуса даритель или завещатель налагает на того, кому что-либо дарит или отказывает, обязанность употребить это имущество в целом или в части для определенных целей либо совершить иные действия, что приведет в результате к уменьшению ценности переданного по безвозмездной сделке имущества.

3. Обоснован вывод о том, что нормы действующего гражданского законодательства сформировали возможность включения модуса в безвозмездные сделки двух типов: сделки *inter vivos* (между живыми) – и тогда речь идет о дарении, и сделки *mortis causa* (на случай смерти) – речь идет о наследовании (а именно о легате (завещательном отказе) и завещательном возложении). При этом сделан вывод о возможности существования модуса в двух режимах: положительном, или активном, (когда обязанность исполнителя модуса предпола-

гает активные действия) и отрицательном, или пассивном (когда обязанность исполнителя модуса предполагает необходимость воздерживаться от определенного поведения). Активный модус преимущественно имеет место в наследственных правоотношениях (завещательный отказ, завещательное возложение); пассивный модус в российском гражданском праве сконструирован нормами статьи 528 ГК РФ об отмене дарения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Сходным образом сконструирован модус и в договоре пожертвования, однако с особенностью в том, что модус составляет все содержание пожертвования – объем дара используется в соответствии с заранее согласованной общепольной целью; с учетом указанной специфики модус пожертвования будет рассмотрен в дальнейшем отдельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаревич, Д. И. Система римского права. Т. 1 / Д. И. Азаревич. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1887. – С. 183.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий : в 3 т. Т. 3: комментарий к частям третьей и четвертой / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014. – С. 54.
3. Маковский, А. Л. Дарение. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / А. Л. Маковский. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Nivarra, L. Istituzioni di diritto privato / L. Nivarra, V. Ricciuto, C. Scognamiglio. – Torino : G. Giappichelli Editore, 2017. – 520 p.
5. Prosciutto, D. Modus contrattuale / D. Prosciutto. – URL: <https://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2016/03/15/modus-contrattuale>
6. Симолин, А. А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве / А. А. Симолин. –

Казань : Типо-литография Император. ун-та, 1916. – 186 с.

7. Умов, В. А. Дарение, его понятие, характеристические черты и место в системе права. Сравнительное исследование по римскому праву и новейшим законодательствам / В. А. Умов. – М. : Тип. В.В. Исленьева, 1876. – 219 с.

REFERENCES

1. Azarevich D.I. *Sistema rimskogo prava. T. 1* [System of Roman Law. T. 1]. Saint Petersburg, Printing house A.S. Suvorin, 1887, p. 183.
2. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Postateyniy kommentariy : v 3 t. T. 3: Kommentariy k Chastyam Tretiey i Chetvertoy* [Civil Code of the Russian Federation: article-by-article commentary, in 3 Vols. Vol. 3: Commentary on parts three and four] / ed. P.V. Krashennnikov. M.: Statut, 2014, p. 54.
3. Makovskiy A.L. Darenie. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' vtoraya: Tekst. Kommentarii. Alfavitno-predmetniy ukazatel'* [Donation. Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Text. Comments. Alphabetical and Subject Index]. Khokhlov. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
4. Nivarra L., Ricciuto V., Scognamiglio C. *Istituzioni di diritto privato*. Torino, G. Giappichelli Editore, 2017, 520 p.
5. Prosciutto D. *Modus contrattuale*. URL: <https://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2016/03/15/modus-contrattuale>
6. Simolin A.A. *Vliyaniye momenta bezvozmezdnosti v grazhdanskom prave* [The influence of the moment of gratuitousness in civil law]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial University, 1916, 186 p.
7. Umov V.A. *Darenie, yego ponyatiye, kharakteristicheskiye cherty i mesto v sisteme prava. Sravnitel'noye issledovaniye po rimskomu pravu i noveyshim zakonodatel'stvam* [Donation: Its Concept, Characteristics, and Place in the Legal System. A Comparative Study of Roman Law and Modern Legislation]. Moscow, V.V. Islenyev Printing House, 1876, 219 p.

Information About the Author

Olga A. Sergacheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Dean of Law Faculty, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, sergacheva.olia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7419-3277>

Информация об авторе

Ольга Александровна Сергачева, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, sergacheva.olia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7419-3277>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>

UDC 347.44

LBC 67.404.2

Submitted: 02.12.2025

Accepted: 08.12.2025

THE ENFORCEABILITY OF A NO-ORAL-MODIFICATION CLAUSE

Marina Yu. Kozlova

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the enforceability and effectiveness of a no-oral modification clause (NOM clause). Such a clause, which is a standard boilerplate provision in many contracts, requires that all modifications and additions to the contract be made in writing and signed by the parties. The NOM clause is intended to provide certainty to the relationship between the parties and prevent problems related to possible abuse, as well as difficulties in proving oral agreements. The relevance is due to the logical task that arises when this provision is violated, when the parties verbally reach an agreement on the modification and begin to implement it. The **purpose** of the study is to determine the legal consequences of an informal modification to a contract containing a NOM clause. The research is based on a comparative legal analysis of the legal norms, doctrinal positions and judicial practice of individual countries, including Russia. **Results:** the legal effectiveness of the NOM clause is subject to debate, as it creates a tension between the parties' freedom to bind themselves by obligations and their freedom to alter contractual relations. There are various approaches to solving this problem. Thus, one approach affirms the freedom to override the clause: the parties are free to do so, because an oral modification of the contract constitutes a waiver of the NOM term, thereby giving precedence to the new agreement. Another approach is to give precedence to the NOM term: the clause binds the parties, and ignoring it is an unacceptable disregard for the freedom of contract. Therefore, any agreements reached in violation of the form have no legal effect. International instruments such as the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) recognize the validity of the NOM clause, but introduce a good faith safeguard: a party may be precluded from invoking the clause to the extent that the other party has relied on the party's conduct. In Russian practice, courts, as a rule, require the evidence of a written agreement, and modifying a contract by specific actions in the presence of the nom clause is often considered impossible. The mandatory restrictions apply to state and municipal contracts: the actual performance of additional work does not require payment in the absence of a written agreement. **Conclusions:** the nom clause is a significant instrument of contract law that allows parties to limit their future freedom in favor of predictability. The problem of informal modification remains a paradox: the freedom of contract extends to the right to voluntarily restrict this freedom. Legislation and law enforcement practice provide flexible approaches, requiring an assessment of the fairness of upholding or overriding the clause in each specific case.

Key words: no-oral modification clause, freedom of contract, autonomy of will, principle of justice.

Citation. Kozlova M. Yu. The Enforceability of a No-Oral-Modification Clause. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 75-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>

УДК 347.44

ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 02.12.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ОГОВОРКИ О ЗАПРЕТЕ УСТНОГО СОГЛАШЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ДОГОВОРА

Марина Юрьевна Козлова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статье исследуется юридическая сила и эффективность оговорки о запрете устного изменения договора (non oral modification clause, оговорка пом). Такая оговорка, которая является стандартным условием множества договоров, требует, чтобы все изменения и дополнения к договору были оформлены в письменном виде и подписаны сторонами. Оговорка пом призвана придать определенность отношениям сторон и предотвратить проблемы, связанные с возможными злоупотреблениями, а также с трудностями доказывания устных соглашений. **Актуальность** обусловлена логической задачей, возникающей при нарушении этого условия, когда стороны устно достигают договоренности об изменении и начинают ее исполнять. **Целью** исследования является определение правовых последствий неформального изменения договора, содержащего оговорку пом. Исследование основано на сравнительно-правовом анализе правовых норм, доктринальных позиций и судебной практики отдельных стран, в том числе России. **Результаты:** юридическая эффективность оговорки пом вызывает разногласия, поскольку она создает коллизию между свободой сторон связывать себя обязательствами и свободой изменять договорные отношения. Существуют различные подходы в решении данной проблемы. Так, один подход заключается в свободе преодоления оговорки: стороны свободны преодолеть оговорку, поскольку устное изменение договора означает их отказ от условия пом, обеспечивая приоритет новому соглашению. Другой подход заключается в придании приоритета условию о запрете устных соглашений: оговорка связывает стороны, и ее игнорирование является неприемлемым игнорированием автономии воли. Поэтому любые соглашения, достигнутые с нарушением формы, не имеют юридической силы. Международные акты, такие как Венская конвенция о международной купле-продаже товаров, признают действительность оговорки пом, но вводят механизм защиты добросовестности: поведение стороны может исключить для нее возможность ссылаться на оговорку в той мере, в какой другая сторона полагалась на такое поведение. В российской практике суды, как правило, требуют доказательств наличия письменного соглашения, причем изменение договора конклюдентными действиями при наличии оговорки пом часто признается невозможным. Для государственных и муниципальных контрактов действуют императивные ограничения: фактическое выполнение дополнительных работ не обязывает к оплате при отсутствии письменного соглашения. **Выводы:** оговорка пом является значимым инструментом договорного права, позволяющим сторонам ограничивать свою будущую свободу в пользу предсказуемости. Проблема неформальных изменений остается парадоксом: свобода договора распространяется на право добровольно ограничивать эту свободу. Законодательство и правоприменительная практика предлагают гибкие решения, связанные с необходимостью оценивать справедливость соблюдения или преодоления оговорки в данном конкретном случае.

Ключевые слова: оговорка о запрете устных изменений, non oral modification clause, свобода договора, автономия воли, принцип справедливости.

Цитирование. Козлова М. Ю. Юридическая сила оговорки о запрете устного соглашения об изменении договора // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 75–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.10>

Введение

«Все изменения и дополнения к договору должны быть оформлены в письменном виде и подписаны сторонами». Такое условие, распространенное в договорной практике, именуется оговоркой о запрете устного изменения: non oral modification clause (далее – оговорка пом). Однако не вполне ясна ее юридическая эффективность, тем более что нарушение данного условия порождает логическую задачу, для решения которой правопорядки предлагают различные решения.

Данная оговорка призвана придать определенность отношениям сторон, которые стараются избежать конфликтов и проблем, связанных с возможными злоупотребления-

ми участников. Очевидно также, что доказывание устных соглашений сопряжено с гораздо большими трудностями, чем доказывание, основанное на письменных документах. Таким образом, письменная форма как договора в целом, так и соглашения о его изменении обеспечивает интересы сторон и третьих лиц [9].

Оговорка о запрете устных изменений кажется стандартным условием, не предполагающим возникновения каких-либо проблем. Однако все меняется в то время, когда стороны устно достигают договоренности об изменении договора и начинают его исполнять. Тогда возникает вопрос – связаны ли контрагенты оговоркой пом или они свободны в своем соглашении настолько, что могут ее пре-

одолеть? Как оценивать состоявшееся фактическое изменение, если оно не было совершено письменно в противоречии с требованием договора?

Соответственно, возникают следующие вопросы: противоречит ли оговорка о недопустимости устного изменения договора принципу свободы договора или, напротив, соответствует ему; каковы правовые последствия устного изменения договора, содержащего оговорку *пот*.

Оговорка *пот* и принцип свободы договора

Оговорка *пот* создает коллизию между свободой сторон связывать себя обязательствами и свободой сторон изменять договорные отношения. Нарушение условия о запрете устных изменений формирует договорный парадокс, в котором свобода договора распространяется на право добровольно ограничивать эту свободу [1].

Существуют аргументы, обосновывающие как позицию о свободе сторон преодолевать оговорку, так и позицию о связанности сторон своим соглашением о необходимости письменного изменения. Примечательно, что причиной считать и одну, и другую позицию верной выступает автономия воли и свобода договора.

Согласно первому подходу, свобода договора предполагает и свободу отмены собственных соглашений. Стороны свободны в достижении любых соглашений при соблюдении ограничений, налагаемых публичным правом. Если стороны устно изменили договор, это значит, что они отказались от оговорки о запрете устных изменений. Если же они соблюдают оговорку – значит, такова их воля. С этой точки зрения можно сделать вывод о том, что стороны не связаны оговоркой *пот* – контрагенты свободны как соблюдать это условие, так и преодолеть его.

Если считать, что стороны свободны преодолеть свое соглашение о запрете устных изменений, то факт существования неформального соглашения при наличии условия *пот*, приводит к тому, что приоритет отдается новому неформальному соглашению. При этом не меняется распределение бремени доказывания,

и на лицо, заявляющее об изменениях, дополнительные обязанности не возлагаются.

Таким образом, оговорка *пот* не делает недействительным неформальное изменение, поскольку любое такое изменение обязательно повлечет за собой отзыв сторонами оговорки *пот*. Для обеспечения автономии воли сторон необходимо обеспечить соблюдение этого изменения [4].

Другой подход состоит в том, что оговорка связывает стороны и имеет приоритет над последующими неформальными соглашениями сторон. Соответственно, оговорка может быть исполнена принудительно. Суть указанной позиции в том, что игнорирование условия договора о недопустимости устных соглашений об изменении и прекращении договора означает и игнорирование автономии воли, что является неприемлемым [2]. Реализация контрагентами возможностей, которые заложены в принципе свободы договора предполагает связанность условиями договора, недопустимость их произвольного нарушения и преодоления. Автономия воли сторон ограничивается содержанием достигнутого соглашения.

Оговорка связывает стороны настолько, что любые изменения договора, даже если они исполнены, не имеют юридической силы, так как они ничтожны в силу нарушения формы. Оговорка защищает стороны от необоснованных заявлений о том, что первоначальный договор был изменен.

Как было отмечено в одном из судебных актов, «Вся суть договорного права заключается в том, чтобы позволить сторонам связывать себя обязательствами в отношении будущего поведения, то есть закон расширяет договорную автономию именно за счет ограничения свободы в дальнейшем» [2].

Оговорка *пот* в праве отдельных стран и международных актах

Нарушения оговорок о запрете устных изменений являются типичными и поэтому вопрос о последствиях разрешается в национальных законодательствах и международных актах.

Проблема, связанная с оценкой последствий достигнутого соглашения о запрете ус-

тных соглашений, довольно часто служит предметом судебных разбирательств в странах общего права, и поэтому наиболее активно обсуждается в работах юристов, принадлежащих англо-саксонской системе права. Суды стран общего права рассматривают конфликты, связанные с нарушением условия о запрете устного изменения договора и обсуждают критерии оценки последующих устных соглашений.

Существенную роль в формировании подхода к проблеме сыграли акты Апелляционного суда Англии и Уэльса (EWCA) и Верховного суда Соединенного Королевства (UKSC) по делу *MWB v Rock Advertising* и его апелляция *Rock Advertising v MWB* [2; 3]. В первом из них был сделан вывод о том, что наличие оговорки *pot* не влияет на последующее неофициальное изменение. Однако Верховный суд Соединенного Королевства изменил это решение: было установлено, что положения *pot* исключают возможность принудительного исполнения неформальных изменений. Таким образом, в английском праве сформировался жесткий подход, в силу которого сделка с нарушением заранее определенной формы не влечет правовых последствий [11].

Рассуждая о судьбе оговорки *pot*, суды исходят из того, что существо автономии сторон требует признания возможности преодолеть данное условие. Автономия сторон действует до момента заключения договора, но после этого только в той мере, в какой это позволяет договор. Почти все контракты связывают стороны определенным образом действий и в той или иной степени ограничивают их автономию. Реальное преступление против автономии воли сторон заключается в предположении, что они не могут связывать себя в отношении формы любого изменения, даже если это то, о чем они договорились. Существует множество случаев, в которых законом предписывается та или иная форма соглашения. Нет никаких принципиальных причин, по которым стороны не могли бы принять тот же принцип по соглашению [3].

В гражданских кодексах стран континентальной Европы также определяются последствия несоблюдения формы соглашений об изменении договора. Так, в Германском гражданском уложении содержится правило о том,

что «Несоблюдение формы, определенной условиями самой сделки, если не доказано иное, влечет за собой недействительность сделки» (§ 125) [8].

В практике различают простые и двойные оговорки о запрете устных изменений. «Простые» означают, что изменения договора должны быть оформлены письменно. «Двойные» оговорки предполагают, что изменения договора должны быть письменными, а, кроме того, оговорка *pot* может быть изменена только в письменной форме [7].

Позиция германского законодателя представляется вполне определенной – неформальные соглашения должны признаваться недействительными. Тем не менее, Имперский суд еще в 1910 г. постановил, что «если стороны связали себя соглашением о письменной форме, не предписанной законом, это обязательство может оставаться в силе только в том случае и в той мере, в какой они не выражают иного намерения» [6].

Даже в тех случаях, когда стороны не учитывали оговорку *pot* при согласовании изменения первоначального договора (и, следовательно, сознательно не соглашались на отмену или неприменение этой оговорки), немецкие суды, как правило, считали, что неформальные соглашения об изменении являются действительными [7].

В международных актах также разрешается проблема нарушения оговорки о запрете устных изменений.

Например, ст. 11 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи предусматривает свободу формы договора, которая распространяется и на соглашение об изменении или прекращении договора купли-продажи (ст. 29 Конвенции). При этом есть исключение для договоров, содержащих оговорку *pot*: «Письменный договор, в котором содержится положение, требующее, чтобы любое изменение договора или его прекращение соглашением сторон осуществлялись в письменной форме, не может быть иным образом изменен или прекращен соглашением сторон. Однако поведение стороны может исключить для нее возможность ссылаться на указанное положение в той мере, в какой другая сторона полагалась на такое поведение» (п. 2 ст. 29 Конвенции) [10].

Это правило означает, что поведение сторон договора должно быть добросовестным. В том случае, если одна из сторон дала другой основание считать, что соглашение состоялось в устной форме, то эта сторона не может ссылаться на то, что неформальное соглашение не имеет юридической силы.

Полный запрет устных изменений при действующей оговорке *pot* был бы несправедливым и не соответствующим потребностям практики. Поэтому Конвенция решает этот конфликт с помощью запрета противоречивого поведения, в основе которого лежит римский *nemo suum venire contra factum proprium* принцип (никто не может поступать вопреки совершенному им же самим) [5, с. 390].

Отказ в праве ссылаться на необходимость письменной формы возможен только в том случае, если другая сторона произвела какие-либо расходы, совершила действия, основываясь на позиции контрагента [11].

Аналогичные правила содержатся и в Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (ст. 1.2 и ст. 2.18) [12].

Предполагается, что стороны договора имеют власть устанавливать для себя правила поведения, касающиеся формы последующих соглашений об изменении или прекращении. Не исключается, однако, что субъекты договорных отношений могут преодолеть достигнутое соглашение, нарушить условие и договориться устно. Но в таком случае оговорка будет действовать, если именно такова воля сторон. Запрещается недобросовестное противоречивое поведение одной из сторон, которая, заключив устное соглашение об изменении или прекращении договора в противоречии с имеющимся условием *pot*, в дальнейшем ссылается на него.

Оговорка *pot* в праве России

Согласно ГК РФ, соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное (п. 1 ст. 452 ГК РФ). Фактически это означает, что соглашения об изменении договоров, в которых участвуют юридические лица, индивидуальные

предприниматели, а также соглашения физических лиц на сумму более 10 000 руб. по общему правилу требуют письменной формы.

Участники договоров часто включают в свои соглашения, если они существуют в виде единого документа, условия о недопустимости устных изменений. Эти условия могут формулироваться различным образом. Например: «любые изменения и дополнения к договору действительны при условии, что они совершены в письменной форме и подписаны надлежаще уполномоченными на то представителями сторон», «внесение изменений и дополнений, не противоречащих законодательству РФ, в условия контракта осуществляется путем заключения сторонами в письменной форме дополнительных соглашений к контракту, которые являются его неотъемлемой частью», «все изменения и дополнения к договору должны быть совершены в письменной форме» и т. п.

Имеется неопределенность по вопросу о последствиях нарушения оговорки о запрете устных изменений. Могут ли применяться правила о последствиях несоблюдения простой письменной формы сделки, или же достигнутое неформальное соглашение должно признаваться незаключенным, недействительным?

М.Г. Розенберг упоминал о данной проблеме [13]. Так, в МКАС при ТПП рассматривалось дело № 339/1997, в котором содержалась оговорка о недопустимости устного изменения договора. К спору применялось российское законодательство, которое предусматривало правило о недействительности внешнеэкономической сделки при несоблюдении письменной формы. МКАС при ТПП при разрешении этого и подобных споров исходил из императивности норм о письменной форме внешнеэкономических сделок и полагал, что соглашения об изменении условий контракта в устной форме недействительны.

Если следовать данной логике, то необходимо прийти к выводу о том, что нарушение формы соглашений об изменении договора по общему правилу не делает их недействительными. Если в самом соглашении не установлены последствия нарушения формы в виде недействительности, в силу ст. 162 ГК действует запрет ссылаться на свидетельские показания.

Однако, российские суды применяют разные подходы, в целом придерживаясь позиции о необходимости соблюдать первоначальные договоренности, если не представлены доказательства подписания дополнительного соглашения об изменении.

Споры часто возникают из договора подряда и из государственных контрактов в связи с выполнением дополнительных работ, которые требуют оплаты. На истца возлагается обязанность доказать наличие дополнительного соглашения в письменной форме.

Так, суд счел дополнительное соглашение к договору подряда незаключенным, поскольку стороны не согласовали его существенные условия. Отсутствие возражений со стороны заказчика, которому по электронной почте было направлено дополнительное соглашение, не подтверждает факта его заключения (решение Арбитражного суда г. Москвы от 19.12.2022 №А40-218380/2022).

Высказывается позиция о том, что при наличии оговорки *pot in* в договоре изменение договора путем совершения конклюдентных действий невозможно. Так, по одному из дел суд исходил из необходимости для истца доказать согласование в надлежащей форме иного, чем определено договором, размера оплаты услуг (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 12.11.2021 по делу № А29-2578/2021).

Применяется и принцип эстоппель. Так, суд отказал истцу (поставщику тепловой энергии) во взыскании неустойки (пени), поскольку истец злоупотребил правом, затянув процесс подписания дополнительного соглашения об изменении объема поставки (хотя знал о превышении фактических объемов), что препятствовало ответчику своевременно оплатить услуги из-за технических сложностей в системе (деле № А40-216746/2024).

Если изменение касается государственного (муниципального) контракта, то действуют императивные ограничения, направленные на защиту публичных интересов. Фактическое выполнение дополнительных работ само по себе не влечет обязанность по оплате, если отсутствует дополнительное соглашение сторон (пункт 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), утвержденного Президиумом ВС РФ 22.07.2020).

Выводы

При нарушении условия договора о недопустимости его изменения иначе, чем при соблюдении письменной формы возникает противоречие между свободой сторон достигать любых соглашений и уже состоявшимся договором. Данная проблема является распространенной и не имеет однозначного эффективного решения. Существуют подходы, отдающие приоритет первоначальному или последующему соглашению сторон. Решение также может зависеть от оценки поведения сторон. Представляется, что отсутствие универсального правила связано с тем, что законодатель предпочитает не вторгаться в свободу договора сторон и предлагает более гибкие решения, связанные с необходимостью оценивать справедливость соблюдения или преодоления оговорки в данном конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fruitman, P. It is hard to write off an oral contract / P. Fruitman // *The Advocates' Quarterly*. 2021. – Vol. 52, no. 1.
2. *Rock Advertising v MWB (UKSC)*. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0152>
3. Shaw, W. Contracting out of contractual freedom: no-oral modification clauses and effecting party intention. A dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of Bachelor of Laws (with Honours) at the University of Otago / W. Shaw. – October 2018. – 71 p.
4. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) A Commentary / ed. by S. Kroll, L. Mistelis, P. P. Viscasillas. – 2018. – 1322 p.
5. VII_ZR_JJi/63 Verkündetan 26. November 1964. Pohl, Justizober Sekretär ale Urkundsboamter der Geschäftsstelle. – URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VII_ZR_111-63
6. Wagner-von Papp F. European Contract Law: Are No Oral Modification Clauses Not Worth the Paper They are Written on? // *Current legal problems*. – 2010. – Vol. 63. – P. 511–596. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1650501>
7. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX, 1–715.
8. Козлова, М. Ю. Текст договора в электронной форме / М. Ю. Козлова // *Legal Concept = Пра-*

новая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 48–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1994. – № 1.

10. Маслов, А. А. Добровольные требования к форме будущих сделок, их допустимость и исполнение: в поисках адекватной модели / А. А. Маслов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 9. – С. 55–93.

11. Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. – М.: Статут, 2019. – 278 с.

12. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон. – 1995. – № 12.

13. Розенберг, М. Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров / М. Г. Розенберг. – М.: Статут, 2003. – 336 с.

REFERENCES

1. Fruitman P. It is hard to write off an oral contract. *The Advocates' Quarterly*, 2021, vol. 52, no. 1.
2. *Rock Advertising v MWB (UKSC)*. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2016-0152>
3. Shaw W. *Contracting out of contractual freedom: no-oral modification clauses and effecting party intention. A dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of Bachelor of Laws (with Honours) at the University of Otago*. October 2018, 71 p.
4. Kroll S., Mistelis L., Viscasillas P.P., eds. *UN Convention on Contracts for the International Sale*

of Goods (CISG) A Commentary. Second Edition. 2018. 1322 p.

5. VII_ZR_JJi/63 Verkündet an 26. November 1964. Pohl, Justizober Sekretär ale Urkundsboamter der Geschäftsstelle. URL: https://www.prinz.law/urteile/bgh/VII_ZR_111-63

6. Wagner-von Papp F. European Contract Law: Are No Oral Modification Clauses Not Worth the Paper They are Written on? *Current legal problems*, 2010, vol. 63, pp. 511–596. URL: <https://ssrn.com/abstract=1650501>

7. *Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyy zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu*. Moscow, Infotropik Media, 2015, pp. VIII–XIX, 1–715.

8. Kozlova M.Yu. Tekst dogovora v elektronnoj forme. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 4, 33. 48–53. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

9. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov (Zaklyuchena v g. Vene 11.04.1980). *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 1994, no. 1.

10. Maslov A.A. Dobrovol'nye trebovaniya k forme budushchih sdelok, ih dopustimost' i ispolnenie: v poiskah adekvatnoj modeli. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii*, 2021, no. 9, pp. 55–93.

11. Nam K.V. *Princip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki*. Moscow, Statut, 2019. 278 p.

12. Principy mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov (Principy UNIDRUA). *Zakon*, 1995, no. 12.

13. Rozenberg M.G. *Mezhdunarodnaya kuplya-prodazha tovarov. Kommentarij k pravovomu regulirovaniyu i praktike razresheniya sporov*. Moscow, Statut, 2003. 336 p.

Information About the Author

Marina Y. Kozlova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, kozlova-my@ranepa.ru; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, kozlova-my@ranepa.ru; доцент кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.11>

UDC 347.78
LBC 67.404.3

Submitted: 03.12.2025
Accepted: 08.12.2025

THE SCOPE AND CONTENT OF EXCLUSIVE COPYRIGHT BEFORE AND AFTER THE ADOPTION OF PART 4 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry V. Kozhemyakin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Vitaly M. Gilev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the change in the model of describing the content of exclusive copyright after the adoption of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. The **purpose** of the study is to identify the consequences of the transition from the system of independent exclusive rights enshrined in the Law of the Russian Federation “On Copyright and Related Rights” to the concept of a single exclusive right. The authors emphasize the atypical nature for copyright law of the construction of a single exclusive right chosen by the legislator, noting that abroad the model of endowing the author or right holder with a set of independent exclusive rights according to a closed list is preserved, which is balanced by a correspondingly closed list of limitations. **Conclusions and results:** the authors conclude that the introduction of a single exclusive right has expanded the sphere of the right holder’s control, including within it the methods of using the work that were previously free from protection and had no economic feasibility in such control. This has changed the balance of interests of right holders and users, and potentially requires an expansion of the system of limitations of the exclusive right, since at present an open exclusive right is opposed by a closed system of limitations. Furthermore, the problem of qualifying previously concluded copyright agreements on the transfer of exclusive rights and correlating them with the existing legal regulation has been identified. Based on the analysis of judicial practice, an approach is proposed according to which a copyright agreement under which the entire complex of exclusive rights existing at the time of transfer is transferred is considered as similar in legal consequences to an alienation agreement. In the case of restrictions in the copyright agreement on the transfer of exclusive rights, by time, by territory, or by the content of the transferred rights, such an agreement should be considered as similar in legal consequences to an exclusive license agreement.

Key words: copyright, exclusive right, methods of use, copyright agreement, alienation agreement, license agreement.

Citation. Kozhemyakin D.V., Gilev V.M. The Scope and Content of Exclusive Copyright Before and After the Adoption of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 82-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.11>

ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА ДО И ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ЧАСТИ 4 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Дмитрий Владимирович Кожемякин

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация;

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Виталий Максимович Гилев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Введение: статья посвящена изменению модели описания содержания исключительного авторского права после принятия части четвертой ГК РФ. **Цель исследования** выявить последствия перехода от системы самостоятельных исключительных прав, закрепленных в Законе РФ «Об авторских и смежных правах», к концепции единого исключительного права. Авторы подчеркивают нетипичность для авторского права конструкции единого исключительного права, избранной законодателем, обращая внимание, что за рубежом сохраняется модель наделения автора или правообладателя комплексом самостоятельных исключительных прав по закрытому перечню, которая уравнивается соответственно закрытым перечнем ограничений.

Выводы и результаты: Авторы приходят к выводу, что введение единого исключительного права расширило сферу контроля правообладателя, включив в нее способы использования произведения, ранее свободные от охраны и не имеющие экономической целесообразности в таком контроле. Это изменило баланс интересов правообладателей и пользователей, и потенциально требует расширения системы ограничений исключительного права, поскольку в настоящий момент открытому исключительному праву противопоставлена закрытая система ограничений. Кроме того, была выявлена проблема квалификации ранее заключенных авторских договоров о передаче исключительных прав и соотнесение их с существующим правовым регулированием. На основе анализа судебной практики предложен подход, согласно которому авторский договор, по которому передается весь комплекс существовавших на момент передачи исключительных прав, рассматривается как аналогичный по правовым последствиям договору отчуждения. В случае же наличия в авторском договоре о передаче исключительных прав ограничений, по времени, по территории или по содержанию передаваемых прав, такой договор должен рассматриваться как аналогичный по правовым последствиям договору исключительной лицензии.

Ключевые слова: авторское право, исключительное право, способы использования, авторский договор, договор отчуждения, лицензионный договор.

Цитирование. Кожемякин Д. В., Гилев В. М. Объем и содержание исключительного авторского права до и после принятия части 4 Гражданского Кодекса РФ // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 82–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.11>

Введение

Изменение в обществе, развитие технологий и совершенствование подходов к правовой охране результатов творческого труда неизменно сопровождаются и изменением законодательства в области авторского права [4]. При этом такие изменения могут быть как эволюционными, предусмат-

ривающими мягкую адаптацию закона к существующим реалиям и закрепляющие подходы, выработанные судебной практикой, так и «революционными» – предусматривающими кардинальный пересмотр основы правового регулирования. Принятие части 4 Гражданского кодекса РФ, пришедшей на смену отдельным законам в области охраны интеллектуальной собственности, скорее

можно отнести ко второму типу. Внедрение концепции интеллектуальных прав и необходимость унификации на уровне общих положений содержания исключительного права на разные по природе и по характеру использования объекты привело в том числе и к изменению подхода к описанию содержания исключительного авторского права. Законодатель отказался от ранее действовавшей по Закону РФ «Об авторских и смежных правах» (далее ЗоАП) модели отдельных исключительных прав, каждое из которых корреспондировалось конкретному способу использования произведения, и утвердил концепцию единого исключительного права, охватывающего все такие способы. Наряду со сменой конструкции описания содержания исключительного права были изменены также способы распоряжения им. Вместо авторского договора по передаче исключительных или неисключительных прав вводились положения о договоре отчуждения и лицензионном договоре.

Такие разительные изменения породили целый ряд практических и теоретических проблем.

В частности, введение единого исключительного права расширило сферу действия исключительного авторского права, что на наш взгляд негативно сказалось на балансе интересов пользователей и правообладателей объектов авторских прав.

Кроме того, появление единого исключительного права вместо комплекса нескольких самостоятельных создало проблему, связанную с необходимостью определить правовой режим прав, полученных по договорам до вступления в силу ч. 4 ГК РФ, и привести правовой статус их обладателей в соответствие с нормами действующего законодательства.

Стоит отметить, что разрешение данного вопроса представляет собой определенные трудности, поскольку законом прямо не предусмотрено каких-либо положений, позволяющих соотнести права на произведения, существовавшие ранее, с той конструкцией исключительного права, которая вводилась ч. 4 ГК РФ.

Далее проанализируем указанные проблемы подробнее.

Содержание исключительного права на произведение до и после вступления в силу части 4 ГК РФ

В соответствии с положениями ч. 4 ГК РФ исключительное право представляет собой единое абсолютное имущественное право, выражающее полный контроль правообладателя за использованием его результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Так, согласно п. 1 ст. 1229 ГК РФ правообладатель вправе использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации любым непротиворечащим закону способом, разрешать или запрещать такое использование. Данная конструкция исключительного права обладает рядом особенностей, наиболее примечательными из которых в контексте настоящего исследования являются, во-первых, концентрация в исключительном праве всех возможных способов использования объекта интеллектуальных прав, без разделения таковых на самостоятельные исключительные права, а, во-вторых, фактически открытый перечень таких способов.

А.Л. Маковский отмечает, что гражданский кодекс закрепляет «принцип свободы использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации лицом, обладающим исключительным правом» [5], подразумевая под этим открытость перечня способов использования. Так, «Кодекс определяет и положительное содержание этого права, причем делает это не только в упомянутой общей формуле (“вправе использовать... по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом”), но и в перечнях этих “способов использования”... как правило, примерных, открытых и чаще всего подробных» [5].

Такая конструкция исключительного права стала следствием с одной стороны того, что действующая часть четвертая гражданского кодекса базируется на концепции В.А. Дозорцева, определявшего содержание исключительного права через два правомочия: использование и распоряжение [2, с. 4], а с другой необходимости распространить единую конструкцию исключительного права на различные результаты интеллектуальной деятельности и сред-

ства индивидуализации, подразумевающие специфические и не комплиментарные по отношению к другим объектам способы использования. Как следствие исключительное право приблизилось по своему содержанию, а точнее способу описания содержания, к праву собственности, в том смысле, что оно содержит в себе открытый перечень способов использования объекта.

Между тем, такое определение содержания исключительного права несколько расходится с тем, как оно формировалось исторически, и как оно характеризуется в большинстве иностранных юрисдикций. Достаточно известно, что исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации возникли изначально как система довольно узких привилегий на определенное монопольное использование данных объектов [7, с. 119–121]. Система таких привилегий постепенно эволюционировала в ряд самостоятельных исключительных прав, обладающих вполне определенными границами и содержанием, отражающим какой-то конкретный способ использования.

Именно в таком виде данная система сохраняется в зарубежных странах. Например, если мы обратимся к законодательству в области авторских прав, то обнаружим, что в Соединенных Штатах Америки существует шесть исключительных прав, каждое из которых может быть передано по договору полностью или в части ¹, французский Кодекс интеллектуальной собственности называет два права ², а немецкий законодатель выделяет восемь исключительных прав ³.

Схожего подхода до принятия части четвертой гражданского кодекса придерживался и российский законодатель. ЗоАП в ст. 16 содержал перечень из 9, а после 2006 года из 10, исключительных прав ⁴, таких как: а) право на воспроизведение; в) право на распространение; г) право на импорт; д) право на публичный показ; е) право на публичное исполнение; ё) право на передачу в эфир; ж) право на сообщение для всеобщего сведения по кабелю; з) право на перевод; и) право на переработку; к) право на доведение до всеобщего сведения.

Хотя указанные права в данной статье также именуются действиями, системное толкование положений статьи 16 и 30 ЗоАП по-

зволяют говорить, что законодатель относился к ним именно как к самостоятельным исключительным правам.

Особенностью системы нескольких самостоятельных исключительных авторских прав является то, что:

- содержание исключительного права четко определено законодателем и соответствует какому-то одному способу использования или группе однородных способов;

- каждое исключительное право является самостоятельным и может переходить другому субъекту (это означает, что в отношении одного и того же объекта может появиться несколько «правообладателей», обладающих разными исключительными правами).

В отличие от ч. 4 ГК РФ, устанавливающей открытый перечень способов использования произведения, ранее действующее законодательство, напротив, исходило из принципа закрытого перечня, означавшего, что, если какое-то использование не попадало под систему исключительных прав, такое использование являлось свободным.

Таким образом, новая конструкция описания содержания исключительного права несмотря на то, что сократила перечень исключительных прав с десяти до одного, не сузила, а расширила контроль правообладателя над использованием произведения.

Хорошей иллюстрацией расширения содержания исключительного права является изменение с принятием ч. 4 ГК РФ правомерности непубличного исполнения произведения. Как отмечает Э.П. Гаврилов ЗоАП не содержал такого исключительного права, которое охватывало бы данный способ использования, вследствие чего он не попадал под контроль правообладателя и мог осуществляться совершенно свободно. С вступлением в силу ч. 4 ГК РФ, установившей открытый перечень, непубличное исполнение стало подпадать под действие исключительного права, а на его осуществление необходимо получать разрешение правообладателя [1].

Данный пример также хорошо иллюстрирует проблематику избыточной правовой охраны произведения, порожденной открытым перечнем способов использования, когда исключительным правом охватываются такие способы, осуществление которых контролиро-

вать не имеет смысла. Так, вероятность того, что правообладатель сможет эффективно осуществить свое право на контроль за непубличным исполнением произведения незначительна, как и то, что пользователи будут спрашивать разрешение правообладателя на такое исполнение. При этом нельзя сказать, что проблема такой избыточной правовой охраны носит исключительно теоретический характер. Так, в деле А40-132111/2018 Российское авторское общество (РАО) предъявило иск к таксопарку за публичное исполнение музыкального произведения в салоне такси. Отказывая в иске, суд апелляционной инстанции указал, что «салон автомобиля такси не может быть признан местом, открытым для свободного посещения, поскольку вход в салон такси не является бесплатным» в свете чего исполнение музыкального произведения публичным не является. Данный факт позволил в том числе отказать в иске РАО, так как оно как аккредитованная организация по коллективному управлению вправе обращаться в суд с иском при нарушении исключительного права путем публичного исполнения музыкальных произведений, но не может контролировать непубличное исполнение. В то же время, вопрос о том, были бы удовлетворены претензии непосредственно правообладателя исключительного права за непубличное исполнение, остается открытым. Хотя, если ориентироваться на открытое содержание исключительного права, ответ на него скорее положительный.

Следует отметить, что фактическое расширение сферы контролируемого правообладателем использования произведения, на наш взгляд, негативным образом сказалось на балансе интересов правообладателей и пользователей объектов авторских прав. Указанный баланс достигается посредством установления пределов и ограничений исключительного права. При этом расширение системы ограничений исключительного права находится в прямой зависимости от объема исключительного права и увеличения способов использования подконтрольных правообладателю. Памела Самуэльсон (англ. Pamela Samuelson) отмечает, что, вплоть до начала двадцатого века закон предоставлял авторам весьма узкий перечень исключительных прав, в резуль-

тате чего не требовалось вводить обширную систему их ограничений, появление которой стало ответом на расширение сферы действия исключительных авторских прав и распространение контроля правообладателя на сферы использования, которые ранее находились вне такого контроля [9].

Иными словами, в ситуации, когда законодатель жестко очерчивает пределы исключительного права, за их рамками остается достаточно способов использования, которые могут осуществляться без получения согласия правообладателя. С расширением же содержания исключительного права сужается и пространство для свободного использования произведений, что вынуждает государство устанавливать специальные изъятия.

Как отмечалось выше в большинстве иностранных юрисдикций сохраняется подход к описанию контроля правообладателя за использованием произведения на основе установления закрытого перечня исключительных прав, содержание которых четко определено. Закрытый перечень исключительных прав, пусть даже в настоящий момент наблюдается тенденция к расширительному толкованию их содержания [9], обеспечивает значительно более сбалансированную систему учета интересов пользователей и правообладателей, с большей вероятностью исключая ситуацию явно избыточной правовой охраны, как в приведенном выше случае с непубличным исполнением.

Соотношении комплекса самостоятельных исключительных прав и единого исключительного права. Проблематика определения правообладателя

Как уже отмечалось, ЗоАП в статье 16 содержал перечень из 10 самостоятельных исключительных прав. Каждое из указанных прав независимо от другого могло быть передано иному лицу по авторскому договору в соответствии со ст. 30 указанного закона.

Следует отметить, что вопрос о переходе исключительного права при заключении авторского договора являлся спорным еще в период действия ЗоАП. В доктрине существовало две теории: «уступки» и «разрешения».

Согласно теории уступки, заключение авторского договора в отношении исключительного права влекло его переход от автора (или его правопреемника) к контрагенту. Теория разрешения, напротив, исходила из того, что при заключении такого договора исключительные права оставались за автором (его правопреемником), а контрагент приобретал лишь право использовать произведение на исключительных условиях [8, с. 261–262].

Между тем, в настоящее время можно говорить о том, что теория уступки получила признание как на уровне теории, так и на уровне практики. Введение в ч. 4 ГК РФ института отчуждения исключительного права, на наш взгляд, является окончательным завершением данной дискуссии. Однако, еще до принятия ч. 4 ГК РФ А.П. Сергеев указывал, что «законодательство неоднократно прямо подчеркивает возможность перехода (передачи) права на использование произведения от автора к другим лицам» [8, с. 262]. К схожим выводам пришли и другие исследователи, такие как В.А. Вайпан, А.П. Любимов, В.В. Погуляев [6, с. 95].

На возможность отчуждения исключительных прав до 2008 года указывает также и судебная практика, так в п. 8 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением ЗоАП⁵, указано, что «Если в авторском договоре о передаче исключительных прав на произведение не предусмотрено обязанности пользователя фактически использовать полученное произведение, то бывший правообладатель не вправе этого требовать».

Таким образом, исходя из действовавшего до 2008 года законодательства и правоприменительной практики, у каждого из 10 самостоятельных исключительных прав мог быть свой обладатель.

Вступление в силу ч. 4 ГК РФ изменило и сделало неопределенным правовой статус таких обладателей. Так, положения статьи 1229 ГК РФ исключают множественность исключительных авторских прав на один объект, кроме прямо предусмотренных законом случаев, а в соответствии с п. 1 ст. 1233 ГК РФ новое единое исключительное право может перейти от автора или полностью, или не перейти вовсе. Возникает вопрос каким правом обладают и обладают ли вообще лица,

получившие отдельные исключительные права до 2008 года?

Н. Иванов предлагает довольно интересный подход к разрешению данного вопроса, основанный на фактической ревизии правовых последствий ранее заключенных авторских договоров с точки зрения действующего законодательства. Так, если авторский договор предусматривает частичную передачу комплекса исключительных прав, осуществление переданных прав ограничено сроком или каким-либо иным образом, такой договор следует считать аналогичным по правовым последствиям лицензионному договору [3, с. 23]. Следуя данной логике, лицо, получившее исключительные права по такому договору, должно с точки зрения действующего законодательства обладать правами, аналогичными правам исключительного лицензиата. Исключительное же право на произведение в целом в понимании ч. 4 ГК РФ возникнет у его автора в соответствии с положениями п. 3 ст. 1228 ГК РФ.

Иным образом обстоит дело, если авторский договор предусматривает переход всех закрепленных на тот момент в законе исключительных прав на весь срок их действия и на территории всего мира. Такой договор Н. Иванов предлагает рассматривать как аналогичный по правовым последствиям договору отчуждения. При этом новое единое исключительное право по смыслу ч. 4 ГК РФ возникать уже будет у лица, получившего ранее от автора или его правопреемника максимально предусмотренный законом набор исключительных прав.

Следует отметить, что данный подход безусловно обладает рядом достоинств. Так, он достаточно нагляден, поскольку привязан к анализу конкретных договоров, и прост к применению. Кроме того, он также нашел отражение в существующей судебной практике, а именно серии споров между ООО «Продюсерский центр «Пропаганда» и ИП Ворониной Викторией Викторовной⁶. В рамках данной серии дел суды с целью установить правообладателя ряда песен авторства В.В. Ворониной анализировали заключенные ею в 2003, 2004 и 2005 годах авторские договоры о передаче исключительных прав. При этом как арбитражные суды, так и Московский городской суд при-

шли к выводу, что «перечень исключительных прав, передача которых опосредовалась данными договорами, включает в себя все закрепленные на тот момент в законодательстве исключительные права, договоры заключены на весь срок действия исключительных прав, предусматривают использование произведения на территории всего мира, лишают автора права самостоятельно использовать данные произведения, исключают возможность повторной передачи автором данных прав третьим лицам, а также не содержат в себе каких-либо ограничений для общества с ограниченной ответственности “Пропганда-мьюзик”, в связи с чем... должны рассматриваться как аналогичные по правовым последствиям договору отчуждения»⁷. Аналогичный вывод содержится в решениях Московского городского суда по делам № 33-3324/2019, 33-3322/2019, 33-3282/2019⁸, в рамках которых также отмечается, что авторский договор заключенный до 2008 года аналогичен по правовым последствиям договору отчуждения только если предусматривает переход максимально возможного объема исключительных прав, предусмотренных ст. 16 ЗоАП.

Несмотря на все достоинства изложенного выше подхода, он все же остается до некоторой степени спорным с точки зрения теории права, поскольку основан на ревизии правовых последствий уже заключенных и исполненных договоров. При этом ревизия осуществляется без прямого указания на такую возможность в законе, что противоречит п. 1 ст. 4 ГК РФ.

Между тем, данное противоречие может быть устранено без особого изменения вышеуказанного подхода, если принять во внимание, что пересматриваться должны не столько сами правовые последствия авторских договоров, сколько правовой статус лиц, получивших по ним права. Иными словами, пересмотрена может быть природа прав, которыми они обладали до вступления в силу ч. 4 ГК РФ.

Для решения вопроса о соотношении между собой комплекса исключительных прав, существовавшего до 2008 года, и единого исключительного права, появившегося в законодательстве после, можно исходить из представления о равном на момент реформы объеме имущественных прав автора в отно-

шении произведений вне зависимости от выбранной законодателем концепции исключительного права. При этом с учетом указания п. 1 ст. 4 ГК РФ на то, что «Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие», объем имущественных прав, полученных по авторскому договору, следует определять исходя из положений закона, действующего на момент их получения, что также подтверждается приведенной выше судебной практикой.

Так, в вышеназванных судебных спорах В. В. Воронина утверждала, что не передавала продюсеру право на доведение до всеобщего сведения, поскольку указанное право появилось в 2006 году (см. подр. 4), то есть после заключения авторских договоров, и прямо в них не упоминается. Отклоняя данный довод Московский городской суд указал, что «в соответствии со ст. 16 Закона об авторском праве и смежных правах, разъяснениями Пленума Верховного суда РФ, изложенными в п. 25 Постановления от 19 июня 2006 г. № 15, право на доведение до всеобщего сведения до выделения его в отдельное, самостоятельное право на законодательном уровне с 01.01.2006 года, покрывалось иными полномочиями, указанными в п. 2 ст. 16 данного закона... Поскольку договоры... предусматривали переход всех перечисленных в п. 2 ст. 16 Закона об авторском праве и смежных правах полномочий... то есть переход исключительных прав в полном объеме, право на использование произведения в сети «Интернет» (право на доведение до всеобщего сведения) также было передано»⁹.

В этой связи, представляется, что единое исключительное право на произведение, введенное с вступлением в силу ч. 4 ГК РФ, следует рассматривать как совокупность всех имеющихся ранее исключительных прав, закрепленных в ст. 16 ЗоАП. Следовательно субъект, обладающий всей совокупностью таких прав (которым является либо автор, либо иное лицо, которому автор соответствующую совокупность прав передал) после 2008 года становится обладателем единого исключительного права. Права же иных обладателей исключительных и неисключительных прав после 2008 года становятся аналогичными по

правовой природе правам исключительных или неисключительных лицензиатов.

В заключении по данному вопросу следует оговориться, что после вступления в силу ч. 4 ГК РФ в практике также использовался такой способ преодоления неопределенности в отношении вопроса правообладания, как заключение с авторами дополнительных договоров отчуждения на произведения, права на которые уже были переданы по авторским договорам. Такие договоры, однако, на наш взгляд, вносят лишь большую сумятицу в вопрос определения правообладателя, поскольку находятся вне уже существовавшей к моменту их заключения цепочки передачи прав. Представляется, что правомерность заключения таких договоров должна оцениваться с точки зрения принципа *nemo plus iuris transferre potest quam ipse habet*¹⁰. Следовательно, такой договор не может приниматься во внимание для определения правообладателя, если на момент его заключения автор ранее уже передал полностью все предусмотренные законом исключительные права по авторскому договору.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что изменение в ч. 4 ГК РФ способа описания содержания и объема имущественных прав на произведение, установление вместо комплекса самостоятельных исключительных прав единого исключительного права, неизбежным образом привело к появлению ряда трудностей в правоприменении, которые, тем не менее могут быть преодолены толкованием и правоприменительной практикой.

Основным же следствием этого изменения явилось расширение контроля правообладателя над использованием произведения сверх необходимого и экономически обоснованного подхода. В результате система соотношений свободного и контролируемого использования произведений оказалась разбалансирована, поскольку открытому исключительному праву была противопоставлена закрытая система ограничений. Указанная проблема уже на уровне лишь судебной практики преодолена быть и требует внимания со стороны законодателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 17 U.S. Code §106.Exclusive rights in copyrighted works // Legal Information Institute. Cornell Law School URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения 12.04.2021).

² Article L122-1. Chapitre II: Droits patrimoniaux. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 1 août 2019) // WIPOLEX. URL: <https://wipo.int/wipolex/ru/text/526911> (дата обращения 12.04.2021).

³ Section 15. General. Urheberrechtsgesetz, UrhG // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html#p0054 (дата обращения 20.04.2021).

⁴ Закон РФ от 09.07.1993 N 5351-1 (ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах» // Российская газета, № 147, 03.08.1993.

⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.09.1999 № 47 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением Закона Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”» // СПС ГАРАНТ.

⁶ Дело № А40-104631/18, рассмотренное арбитражными судами и дела № 33-3324/2019, 33-3322/2019, 33-3282/2019, рассмотренные Московским городским судом.

⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.12.2019 по делу № А40-104631/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения 02.06.2025).

⁸ Информация по судебным делам // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/board-civil/details/081df253-a35f-4091-ba1c-893adb7a9f84?caseNumber=33-3324/2019> (дата обращения 02.06.2025).

⁹ Определения суда апелляционной инстанции (Московского городского суда) от 27.02.2019 по делам № 33-3324/2019, 33-3322/2019, 33-3282/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/board-civil/details/081df253-a35f-4091-ba1c-893adb7a9f84?caseNumber=33-3324/2019> (дата обращения 02.06.2021).

¹⁰ Никто не может передать больше прав, чем имеет сам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов, Э. П. Об исключительном праве на публичное и «непубличное» исполнение произведения / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2008. – №. 1. – С. 16–20.

2. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. – М.: Статут, 2005. – 416 с.

3. Иванов, Н. Квалификация договоров о передаче исключительных прав, заключенных в период действия Закона об авторском праве и смежных правах / Н. Иванов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 8. – С. 17–26.

4. Кочубей, Т. А. Развитие системы интеллектуальных прав в России: эволюционный аспект и современные тенденции / Т. А. Кочубей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 101–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.15>

5. Маковский, А. Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А. Л. Маковский // Гражданское право современной России. – М.: Статут, 2008. – С. 103–141.

6. Погуляев, В. В. Комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах» (постатейный) / В. В. Погуляев, В. А. Вайпан, А. П. Любимов. – М., 2006.

7. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

8. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А. П. Сергеев. – М., 2001.

9. Samuelson, P. Justifications for Copyright Limitations and Exceptions // Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions / ed. by R. Okediji. – Cambridge: Cambridge University Press. – P. 12–59. – DOI: 10.1017/9781316450901.003

REFERENCES

1. Gavrilov E.P. Ob isklyuchitel'nom prave na publichnoe i «nepublichnoe» ispolnenie proizvedeniya [On the exclusive right to public and “non-public” performance of a work]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2008, no. 1, pp. 16–20.

2. Dozortsev V.A. *Intellektualnye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sbornik statey* [Intellectual rights: Concept. System. Codification tasks: collection of articles]. Moscow, Statut, 2005. 416 p.

3. Ivanov N. Kvalifikatsiya dogovorov o peredache isklyuchitel'nykh prav, zaklyuchennykh v period deystviya Zakona ob avtorskom prave i smezhnnykh pravakh [Qualification of contracts on transfer of exclusive rights concluded during the validity of the Copyright and Related Rights Law]. *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* [Intellectual Property. Copyright and Related Rights], 2016, no. 8, pp. 17–26.

4. Kochubey T.A. Razvitie sistemy intellektualnykh prav v Rossii: evolyutsionnyy aspekt i sovremennye tendentsii [Development of the system of intellectual rights in Russia: evolutionary aspect and modern trends]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.15>

5. Makovskiy A.L. Isklyuchitel'nye prava i kontseptsiya chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa [Exclusive rights and the concept of Part Four of the Civil Code]. *Grazhdanskoe pravo sovremennoy Rossii* [Civil Law of Contemporary Russia]. Moscow, Statut, 2008, pp. 103–141.

6. Pogulyaev V.V., Vaipan V.A., Lyubimov A.P. *Kommentariy k Zakonu RF «Ob avtorskom prave i smezhnnykh pravakh» (postateynyy)* [Commentary on the Law of the Russian Federation “On Copyright and Related Rights” (article-by-article)]. Moscow, 2006.

7. *Pravo intellektualnoy sobstvennosti. T. 1. Obshchie polozheniya: Uchebnik* [Intellectual Property Law. Vol. 1. General Provisions: Textbook]. Ed. by L.A. Novoselova. Moscow, Statut, 2017. 512 p.

8. Sergeev A.P. *Pravo intellektualnoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii* [Intellectual Property Law in the Russian Federation]. Moscow, 2001.

9. R. Okediji, ed. Samuelson P. Justifications for Copyright Limitations and Exceptions. *Copyright Law in an Age of Limitations and Exceptions*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 12–59. DOI: 10.1017/9781316450901.003

Information About the Authors

Dmitry V. Kozhemyakin, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Research and Education Center “Intellectual Property and Intellectual Rights”, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, i@dv-k.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9722-4136>

Vitaly M. Gilev, Junior Researcher, Research and Education Center “Intellectual Property and Intellectual Rights”, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, i@dv-k.ru, vitaly.gilev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2264-7461>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Кожемякин, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права», Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, i@dv-k.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9722-4136>

Виталий Максимович Гилев, младший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права», Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, i@dv-k.ru, vitaly.gilev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2264-7461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.12>

UDC 347.239

LBC 67.404.3

Submitted: 29.09.2025

Accepted: 08.12.2025

LEGAL REGULATION OF RELATIONSHIPS ARISING FROM THE USE OF TECHNOLOGICAL PROTECTION MEASURES FOR INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Nikolay V. Kotelnikov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Pyotr S. Fedoseev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: modern ways of using objects of copyright and related rights allow authors and copyright holders to use special technologies for self-protection of intellectual property rights. The civil legislation includes legal norms designed to regulate relations arising from the use of such means and technologies by copyright holders. At the same time, a theoretical study of the nascent institution is required. The paper examines the content of legal relations arising from the use of technical protection of copyright and related rights, and the legal nature of responsibility for countering such measures of self-protection of civil rights. **Purpose:** based on the analysis of the Russian legislation, to determine the content of legal relations arising from the use of technical protection of copyright and related rights, and the legal nature of responsibility for countering such measures of self-protection of civil rights. The research methodology includes the dialectical and sociological **methods** in jurisprudence, ensuring a comprehensive and thorough examination of the legal relations under study. **Results:** the authors have investigated the legal problems of self-protection of intellectual property rights using technical means and special technologies, as well as the legal nature of responsibility for overcoming limitations on the use of copyright or related rights established by the copyright holder using such technologies. **Conclusions:** the accessory nature of responsibility for overcoming limitations on the use of copyright or related rights established by the copyright holder using technical means and special technologies is proved. The proposals have been developed to improve the legal regulation of relations arising from the use of technical protection of copyright and related rights.

Key words: intellectual property law, intellectual property rights, intellectual property rights protection, technical means of copyright and related rights protection, liability for intellectual property infringement.

Citation. Kotelnikov N.V., Fedoseev P.S. Legal Regulation of Relationships Arising from the Use of Technological Protection Measures for Intellectual Property Rights. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 92-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.12>

УДК 347.239

ББК 67.404.3

Дата поступления статьи: 29.09.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Николай Васильевич Котельников

Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: современные способы использования объектов авторского права и смежных прав позволяют авторам и правообладателям использовать специальные технологии для самозащиты интеллектуальных прав. В гражданское законодательство включены правовые нормы, предназначенные для регулирования отношений, возникающих в связи с использованием правообладателями таких средств и технологий. Вместе с тем требуется теоретическое исследование зарождающегося института. В настоящей работе изучаются содержание правоотношений, возникающих в связи с применением средств технической защиты авторских и смежных прав, и правовая природа ответственности за противодействие таким мерам самозащиты гражданских прав. **Цель:** на основе анализа российского законодательства определить содержание правоотношений, возникающих в связи с применением средств технической защиты авторских и смежных прав, и правовую природу ответственности за противодействие таким мерам самозащиты гражданских прав. **Методология исследования** включает диалектический и социологический методы в юриспруденции, обеспечивающие всестороннее и полное изучение исследуемых правоотношений. **Результаты:** авторами исследованы правовые проблемы самозащиты интеллектуальных прав с помощью технических средств и специальных технологий, а также правовая природа ответственности за преодоление ограничений использования объектов авторского или смежных прав, установленных правообладателем с помощью таких технологий. **Выводы:** доказан акцессорный характер ответственности за преодоление ограничений использования объектов авторского или смежных прав, установленных правообладателем с помощью технических средств и специальных технологий. Выработаны предложения по совершенствованию правового регулирования отношений, возникающих в связи с применением средств технической защиты авторских и смежных прав.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, защита интеллектуальных прав, технические средства защиты авторских и смежных прав, ответственность за нарушение интеллектуальных прав.

Цитирование. Котельников Н. В., Федосеев П. С. Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с использованием технических средств защиты интеллектуальных прав // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 92–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.12>

Введение

Применение технических средств защиты от несанкционированного правообладателем использования результата интеллектуальной деятельности (далее – технические средства защиты) – один из приемов самозащиты интеллектуальных прав. Первоначально он использовался против неправомерного копирования компьютерных программ и баз данных – благодаря средствам технической защиты контрафактная копия компьютерной программы теряла полностью или частично свою работоспособность.

Актуальность такого способа защиты интересов правообладателей была обусловлена простотой изготовления контрафактных копий и высокой латентностью нарушений прав производителей программного обеспечения. В условиях, когда каждый пользователь персонального компьютера может без существенных затрат сам изготовить копии объекта исключительного права, юрисдикционная форма защиты интеллектуальных прав была малоэффективна – правообладатель не мог выявлять такие нарушения и предъявлять

соответствующие иски, но технические средства защиты позволяли значительно сократить количество контрафактных копий.

Сегодня в электронно-цифровую форму могут облекаться не только компьютерные программы и базы данных, но и иные объекты авторского права и смежных прав – литературные произведения, изображения, музыка, аудиовизуальные произведения и исполнения. Такая форма выражения произведений позволяет правообладателям самостоятельно защищать свои правомерные интересы в отношении произведений литературы и искусства, снабжая их техническими средствами защиты от тиражирования или иного несанкционированного использования.

Техническая защита результатов интеллектуальной деятельности от противоправного использования приобретает особую привлекательность для правообладателей при их использовании в цифровой среде, поскольку юрисдикционная форма защиты сталкивается с рядом труднопреодолимых проблем, связанных со сложностью доказывания [1, с. 142]

Средства защиты интеллектуальных прав технологического характера некоторое

время были достаточно продуктивными. Их эффективность, на наш взгляд, была обусловлена двумя основными факторами:

- отсутствие у большинства пользователей специальных знаний, навыков и оборудования, необходимых для преодоления средств технической защиты;
- отсутствие информационных технологий и сервисов, позволяющих обширному кругу пользователю получать информацию о способах устранения технических средств, ограничивающих использования произведений с нарушением авторских прав.

**Содержание правоотношений,
возникающих в связи с применением
средств технической защиты
авторских и смежных прав**

Сегодня условия использования творческих произведений в электронно-цифровой форме изменились. Количество специалистов, подготовленных для работы в сфере информационных технологий, кратно увеличилось. Уровень компетентности среднестатистического пользователя персонального компьютера так же значительно возрос. Современные информационные технологии позволяют оперативно популяризировать любую информацию (в том числе о технологиях обхода и преодоления технических средств защиты). Любой пользователь без особого труда может ознакомиться с методикой преодоления технологии, защищающей интересующий его объект и получить в свое распоряжение инструменты (оборудование и программное обеспечение), необходимые для несанкционированного правообладателем использования произведения или объекта смежных прав. Перечисленные обстоятельства значительно снизили эффективность технических средств защиты.

Очевидно, что интерес правообладателей в использовании рассматриваемого способа самозащиты интеллектуальных прав правомерен и требует правовой охраны. На необходимость компенсировать уязвимость технических средств защиты мерами правовой охраны указывают положения ст. 11 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (Далее – ВОИС) по авторскому праву 1996 г. [2] и ст. 18 Договора ВОИС

по исполнению и фонограммам 1996 года [3]. В ст. 1299 и ст. 1309 Гражданского кодекса Российской Федерации включены нормы, предназначение которых – противодействие правовыми методами противоправным попыткам недобросовестных пользователей нарушить работу технологий и технических устройств, контролирующих доступ к производству и не допускающие действий, не разрешенных автором или иным правообладателем в отношении произведения или объекта смежных прав. В частности, запрещаются:

- прямое преодоление технических средств защиты, то есть совершение действий, результатом которых является устранение ограничений в использовании произведения, установленных техническими средствами защиты авторских прав (далее – преодоление технических средств защиты);

- содействие в преодолении технических средств защиты путем изготовления, распространения (включая сдачу в прокат, предоставление во временное безвозмездное пользование, импорт), рекламы, использование в коммерческих целях или оказание услуг с использованием любых технологий, устройств или их компонентов, если такие действия делают невозможным использование технических средств защиты или лишают их защитных функций (далее – введение в оборот инструментов, предназначенных для преодоления средств технической защиты).

Нарушение данных запретов влечёт применение мер ответственности по аналогии с нарушением исключительных прав в соответствии с п. 3 ст. 1299 ГК РФ и ст. 1309 ГК РФ.

Нормы, регулирующие применение средств технической защиты относительно новы для гражданского законодательства, не часто применяются и редко привлекают внимание правоведов. В то же время институт правовой охраны технических средств защиты очень специфичен для гражданского права, поэтому представляет интерес для правового исследования.

Начать следует с определения юридической сущности правоотношений, возникающих в связи с использованием средств технической защиты. Дискуссию вызывает вопрос об их акцессорном характере по отношению к исключительным правам, которые защища-

ются техническими средствами. Решение данной задачи имеет не только теоретическое, но и практическое значение:

– признание акцессорного характера правоотношения исключает возложение ответственности за нарушения запретов, установленных для охраны технических средств защиты, если эти действия не привели к нарушению исключительного права;

– отрицание акцессорной зависимости позволит возлагать имущественную ответственность на лицо, совершившее преодоление технических средств защиты или введение в оборот инструментов, предназначенных для преодоления средств технической защиты, независимо от того, привели ли данные действия к нарушению исключительного права.

Авторам и правообладателям, предпринимающим меры самозащиты своих интеллектуальных прав, а также их сторонникам в этой дискуссии, более удобным и эффективным видится первый вариант – они предлагают рассматривать право использования технических средств защиты, как особое «квазиисключительное право», принадлежащее обладателю исключительного права на произведение или объект смежных прав». Продвигая свои взгляды, они добиваются признания возможности осуществления такого права отдельно от реализации исключительных прав, его оборотоспособности, независимости от предусмотренных законом ограничений исключительных прав и возможность применение предусмотренных ст. 1299 и ст. 1309 ГК РФ мер ответственности независимо от установления факта нарушений исключительных прав [6, с. 20].

Правовая природа ответственности за противодействие техническим средствам защиты

Однако законодательство и судебная практика развиваются в другом направлении. Например, ст. 1299 ГК РФ была дополнена пунктом четвертым, который закрепляет порядок реализации права пользователя на свободное использование произведений в случаях, когда объект свободного использования защищен техническими средствами. Лицо, имеющее право на свободное использование,

может потребовать от правообладателя либо снять техническую защиту с произведения, либо предоставить ему альтернативный способ доступа. Новой нормой законодатель, хотя и не наделил пользователя правом самостоятельными действиями преодолеть средства технической защиты, но обозначил зависимость таких средств от исключительного права на произведение и его ограничений. Согласно разъяснению Верховного Суда РФ, запрет на ввод в оборот технологий для преодоления средств технической защиты не является абсолютным. Он распространяется исключительно на инструменты, целенаправленно созданные для противоправного обхода защиты исключительных прав, и только в тех случаях, когда их реклама и продажа напрямую позиционируют их как средства для такой деятельности. Таким образом, Верховный Суд РФ указал, что ключевым условием привлечения к ответственности за оборот средств для обхода технической защиты является целевая направленность этих действий на преодоление защиты. Суд признал правомерным оборот технологий и устройств, которые изначально были разработаны и предназначены для достижения легитимных целей, не связанных с обходом технических средств защиты (п. 108 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]). Следовательно, изложенная позиция координирует гражданско-правовую ответственность за противодействие техническим средствам защиты с намерением нарушить авторские права, что, по нашему мнению, подчеркивает акцессорный (вспомогательный) характер права на технические средства защиты по отношению к охраняемым ими авторским и смежным правам.

Определяя содержание норм законодательства об интеллектуальных правах, государство всегда ищет точку баланса между интересами правообладателей и интересами пользователей. Цель поиска – обеспечить гармоничное развитие общества на основе компромисса между стимулированием творческой деятельности (предоставляя авторам исключительные права на их произведения) и обеспечением доступа общества к знаниям и культурным достижениям. На сегодняшний

день эмпирическая база для исследования практики применения ст. 1299 и 1309 ГК РФ крайне скудна и не позволяет определить оптимальную точку такого баланса. Однако позицию законодателя и Верховного Суда Российской Федерации считаем оптимальной и соответствующей основным началам и смыслу гражданского законодательства, а утверждения, отрицающие акцессорный характер права на применение технических средств защиты, ошибочными.

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав. И если нормы права наделяют граждан и организации правом использовать в определенных случаях объект интеллектуальных прав без одобрения со стороны автора (правообладателя), то законодатель должен позаботиться о разработке механизма беспрепятственного осуществления этого права. Считаем, что внесение дополнения в ст. 1299 ГК РФ, которые обязывают правообладателя предоставить доступ к произведению лицам, имеющим на это законное право, соответствует фундаментальным принципам и духу гражданского законодательства.

Более того, считаем, что круг оснований для предъявления правообладателю требования о предоставлении возможности использовать произведение, распространяемое с использованием технических средств защиты, следует расширить. На данный момент законодатель, предусмотрел такое требование только для наиболее публично-значимых случаев свободного использования произведений, предусмотренных п. 1–3 ст. 1274 и ст. 1278 ГК РФ. На наш взгляд, возможность требовать от правообладателя предоставления на условиях свободного использования, предусмотренных ст. 1275 ГК РФ, произведений, защищенных техническими средствами, необходимо закрепить для общедоступных библиотек и архивов.

Кроме того, настаивая на акцессорном характере субъективного права на использование технических средств защиты, необходимо урегулировать общественные отношения по поводу произведений, перешедших в общественное достояние. В соответствии со

ст. 1282, 1381, 1327 и 1331 ГК РФ объекты интеллектуальных прав, срок действия исключительного права на которые истек, переходят в общественное достояние. Как известно, произведения, перешедшие в общественное достояние, можно свободно использовать без разрешения и без выплаты вознаграждения. Безусловно, находящиеся в гражданском обороте экземпляры произведений, использование которых ограничено применением технических средств защиты, создают препятствия для осуществления права на использование общественного достояния. Буквально толкование норм ст. 1299 ГК РФ позволяет сторонникам квазиисключительного характера прав на использование технических средств защиты, настаивать на возможности предъявлять иски о взыскании компенсации за обход технических средств защиты. На основании изложенного считаем необходимым внести изменения в ст. 1299 ГК РФ, дополнив законодательство нормой, регламентирующей механизм осуществления права использования объектов, перешедших в общественное достояние, но недоступных для пользователей в силу применения правообладателем технических средств защиты.

Во-вторых, не следует игнорировать приоритет компенсационной функции гражданско-правовой ответственности. Несоблюдение запретов, связанных с обходом технических средств защиты, само по себе не нарушает интеллектуальные права и не причиняет вред авторам и правообладателям, а лишь создает угрозу таких негативных последствий. Наделение правообладателя возможностью требовать компенсации в установленном законом размере безотносительно к наличию убытков не соответствует природе гражданско-правовой ответственности. В данном утверждении можно опереться на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который, отмечая штрафной характер взыскания компенсации за нарушение интеллектуальных прав и ее публично-правовые цели, выражающиеся в пресечении нарушений в сфере интеллектуальной собственности, считает указанную меру ответственности институтом частного права! Соответственно, «компенсация может взыскиваться и сверх убытков, но лишь при нали-

чии таковых». Будучи мерой гражданско-правовой ответственности, она, прежде всего, направлена на восстановление имущественного положения правообладателя, но при этом, отражая специфику объектов интеллектуальной собственности и особенности их использования, носит и штрафной характер. [5] Применительно к рассматриваемым отношениям, данное утверждение означает, что взыскивать компенсацию за преодоление технических средств защиты, правообладатель может, лишь при наличии причинно-следственной связи между этими действиями и убытками, то есть нарушением исключительных прав.

Выводы

На основании приведенных выше аргументов можно утверждать, что предусмотренные ст. 1299 и ст. 1309 ГК РФ право на применение технических средств защиты и гражданско-правовая ответственность за противодействие их применению носят аксессуарный характер по отношению к интеллектуальным правам на защищаемые такими средствами произведения науки, литературы, искусства и объекты смежных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский Ю. В. Регламентация и способы применения цифровых (информационных) технологий для защиты прав авторов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 140–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.19>
2. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 года. – URL: <https://www.consultant.ru>
3. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 года. – URL: <https://www.consultant.ru>

4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10. – URL: <https://www.consultant.ru>

5. По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П. – URL: <https://www.consultant.ru>

6. Пушков, А. М. Особенности правового регулирования вопросов использования технических средств защиты авторских и смежных прав // *ИС. Авторское право и смежные права*. – 2023. – № 1. – С. 14–20.

REFERENCES

1. Vishnevetsky Yu. V. The regulation and ways of using digital (information) technologies to protect copyright. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 140-147. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.19>
2. *Dogovor Vsemirnoj organizacii intellektual'noj sobstvennosti po avtorskomu pravu ot 20 dekabrja 1996 goda*. URL: <https://www.consultant.ru>
3. *Dogovor Vsemirnoj organizacii intellektual'noj sobstvennosti po ispolnenijam i fonogrammam ot 20 dekabrja 1996 goda* URL: <https://www.consultant.ru>
4. *O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.04.2019 № 10*. URL: <https://www.consultant.ru>
5. *Po delu o proverke konstitucionnosti podpunkta 2 punkta 4 stat'i 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zaprosom Pjtnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.07.2020 № 40-P*. URL: <https://www.consultant.ru>
6. Pushkov A.M. Osobennosti pravovogo regulirovanija voprosov ispol'zovanija tehniceskikh sredstv zashhity avtorskih i smezhnyh prav // *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 2023. № 1. P. 14-20.

Information About the Author

Nikolay V. Kotelnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

Pyotr S. Fedoseev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Procedure, Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

Информация об авторе

Николай Васильевич Котельников, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

Петр Сергеевич Федосеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и процесса института права Волгоградского государственного университета, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.13>

UDC 34(37)(075.8)

LBC 67.3я73

Submitted: 25.06.2025

Accepted: 08.12.2025

ROMAN LAW: THE “EIGHTH WONDER” OF LEGAL REALITY

Alexander A. Bezhtentsev

North-Western Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: an important element of substantiating the relevance of the scientific study of Roman law as a phenomenon of legal reality is that it opens up the prospects for building new models of philosophical and legal studies of law in a real cultural and historical context. This scientific problem is important because Russian social science and legal thought for a long time have not sufficiently taken into account the achievements of world humanities and romanticism, and also been biased by ideological attitudes. The **purpose** of the scientific work is a philosophical and legal conceptualization of Roman law as a phenomenon of legal reality. The main scientific **methods** that have made it possible to realize the goal formulated in the study are: dialectical, concrete-historical, cultural-linguistic, logical-semantic, modeling, systemic-structural, comparative law, formal-legal. **Results:** the presented material is a comprehensive philosophical and legal study of Roman law, a cultural and anthropological approach of scientific research is proposed, suggesting its consideration not only as a legal phenomenon, but also as a socio-cultural phenomenon. The publication focuses on the fact that Roman law should be considered not only as a phenomenon of spiritual culture, but also as a picture of a specific historical culture and civilization, which leads to the variability of this historical type of law and the diversity of its socio-cultural reality. **Conclusions:** the scientific paper reflects the issue of the legal technology of the ancient Romans, as an organized process of creating law, which embodied the basic philosophical attitudes of the Quirites.

Key words: Roman law, Ancient Rome, Roman Empire, Quirite, civil status, human rights, human freedoms, legal culture, legal awareness.

Citation. Bezhtentsev A.A. Roman Law: The “Eighth Wonder” of Legal Reality. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 99-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.13>

УДК 34(37)(075.8)

ББК 67.3я73

Дата поступления статьи: 25.06.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

РИМСКОЕ ПРАВО: «ВОСЬМОЕ ЧУДО» ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: важным элементом обоснования актуальности научного исследования *римского права*, как феномена правовой действительности является то, что оно открывает перспективы для построения новых моделей философско-правовых исследований права в реальном культурно-историческом контексте. Указанная научная проблема важна потому, что отечественная обществоведческая и правоведческая мысль долгое время недостаточно учитывала достижения мировых гуманитаристики и романистики, а также была ангажирована идеологическими установками. **Цель научной работы** состоит в философско-правовой концептуализации римского права как явления правовой действительности. Главными **научными методами**, которые позволили реализовать сформулированную в исследовании цель, являются: диалектический, конкретно-исторический, культурно-лингвистический, логико-семантический, моделирования, системно-струк-

турный, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** представленный материал является комплексным философско-правовым исследованием *римского права*, предложен культурно-антропологический подход научного изыскания, предполагающий его рассмотрение не только как юридического явления, но и как социокультурного феномена. В публикации акцентировано внимание на том, что римское право необходимо рассматривать не только как феномен духовной культуры, но и как картину конкретно-исторической культуры и цивилизации, что приводит к вариативности этого исторического типа права и многообразию его социокультурной реальности. **Выводы:** в научной статье отражен вопрос правовой технологии древних римлян, как организованного процесса создания права, в котором воплотились основные мировоззренческие установки квиристов.

Ключевые слова: римское право, Древний Рим, Римская империя, квирит, гражданский статус, права человека, свободы человека, правовая культура, правосознание.

Цитирование. Беженцев А. А. Римское право: «Восьмое чудо» правовой реальности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 99–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.13>

Введение

Римское право (лат. – *Ius Romanum*) имеет особый культурный статус, поскольку является знаковым мостиком между античностью и современностью, ему присущ мощный эвристический потенциал, используемый как для повышения общего культурного уровня населения, так и для подготовки юристов.

Проблемы римского права с позиций исторической науки наиболее активно исследуются, начиная с XIX в. (Т. Моммзен, А. Коптев, Е. Штаерман), с культурологических позиций – с XX ст. (Ж. Ле Гофф, А. Гуревич, Й. Хейзинга, Ф. Бродель, Ж. Дюби, Г. Кнабе, С. Утченко, С. Неретина, М. Бахтин, Л. Карсавин, Д. Лихачев, Ю. Лотман, Л. Стоун). Отдельные мировоззренческие аспекты римского права были проработаны Г. Лейбницем, Г. Гегелем, К. Марксом.

Правовая мысль римского права интересует современников: историков права [10, 448 с.; 1, 48 с.; 4, 293 с.; 34, 392 с.; 11, 256 с.], теоретиков права [24, 478 с.; 20, 432 с.; 3, 291 с.; 13, 464 с.; 14, 496 с.]. Раскрытие избранной темы было бы невозможно без использования теоретических достижений специалистов в области философии права [26, с. 17–43; 27, с. 20–36; 7, с. 50–63; 33, 288 с.]. Различные общетеоретические аспекты проблем римского права, прямо или косвенно, разрабатывали в своих научных трудах представители правовой науки нынешнего периода [12, с. 232–253; 25, с. 7–25; 21, с. 72–75; 2, с. 122–141; 23, с. 14–19].

В контексте раскрытия особенностей римского права с культурно-антропологичес-

ких позиций уместно было обращение к римским памятникам как юридического, так и неюридического характера. Нами текстологически исследованы и проанализированы: а) Законы XII таблиц (лат.: «*Leges duodecim tabularum*») [8, 28 с.]; б) Институции Гая [9, 384 с.; 6, с. 80–90; 35, с. 238–243]; в) Дигесты Юстиниана [5, 456 с.; 22, с. 39–48; 16, с. 192–195; 17, с. 67–77; 15, с. 38–41]; г) Кодекс Феодосия [30, с. 511–522; 28, с. 185–193]; д) труды Цицерона (лат. – *Marcus Tullius Cicero*) [19, 456 с.]; Сенеки (лат. – *Lucius Annaeus Sēneca minor*) [29, 608 с.]; Тита Ливия (лат. – *Titus Livius*) [31, 576 с.]; Макробия (лат. – *Ambrosius Theodosius Macrobius*) [18, 810 с.].

Несмотря на то, что традиция научного изучения римского права насчитывает не одно столетие, неисследованными остаются еще немало аспектов этого культурного феномена, поскольку каждая эпоха, каждый социокультурный контекст характеризуется присущими только ему познавательными парадигмами и методологическими установками, в соответствии с которыми он исследуется. В частности, требует более детального изучения римское право с позиций культурно-правовой антропологии. Указанный срез проблемы пока остается без внимания исследователей, что и обуславливает актуальность статьи.

В основу поисковой работы положен комплекс: а) философских; б) общенаучных; в) специально-правовых *научных методов*. Основными методами, которые позволили реализовать поставленную в исследовании цель, являются: *системный метод* – стал базовым

для целостного исследования римского права, как конкретно-бытийного явления правовой действительности; *метод моделирования* использовался при реконструкции жизненного мира древних римлян; анализ динамики развития римского права в разные исторические периоды существования римского государства осуществлялся в пределах *диалектического метода*, конкретизированного в осмыслении диалектического единства: а) субъективного и объективного; б) сущего и должного; в) логического и исторического. *Системно-структурный и сравнительно-правовой методы* позволили исследовать римское право с точки зрения взаимосвязи его архитектурных элементов. *Конкретно-исторический метод* способствовал исследованию римского права в его ретроспективе. С помощью *логико-семантического метода* углублен понятийный аппарат философии права, определены сущность и особые черты римского права с культурно-антропологических позиций. Использован также *метод толкования права* – для объяснения и раскрытия основных положений римского права. Применение *культурно-лингвистического метода* в трактовке римских юридических текстов позволило изменить устоявшееся представление о том, что римское право связано только с письменной формой его существования.

Теоретико-методологическая база исследования римского права

Прорабатывая обзор литературы по теме исследования, укажем на то, что римское право стало предметом теоретического интереса европейских и евразийских мыслителей еще в средневековье (школы глоссаторов и постглоссаторов). Начало научного изучения римского права связано с эпохой Возрождения, в частности, изучение античного наследия проводилось с: а) юридических; б) исторических; в) филологических позиций. Наиболее известными исследователями римского права указанной эпохи были Ж. Куяций и Д. Готофред, представившие научному сообществу «Свод Юстиниана» в таком виде, в каком он известен и современной правовой науке.

Тщательное теоретико-научное изучение римского права связано с именем Дж. Вико, впервые использовавшего сравнительно-исторический метод в исследовании истории и римской культуры. Новый научный подход к изучению римской культуры и права олицетворяет собой Дж. Вико, его идеи, которые стали теоретическим базисом исследования для такого мыслителя, как Луи де Бюфур. XVIII ст. это ознаменовано собой чисто научное освоение римского права в пределах, так называемой, исторической школы права, основателями которой были Г. Гроций и Ф. Савиньи.

Последняя треть XVIII – начало XIX в. в исследовании римской истории, культуры и права связана с именами германских антиковедов: И. Гете, Ф. Шиллера, Э. Гофмана, Ф. Вольфа и Б. Нибура. Для середины XIX в. характерной была попытка создания синтезирующего направления исследования римского культурно-исторического наследия, которое выполнило бы конструктивную задачу, поставленную еще Б. Нибуром, с использованием методологических научных приемов, с этой задачей успешно справился немецкий исследователь Т. Моммзен.

Настоящий взрыв научного интереса к проблемам римского права наблюдается во второй половине XX в. Современная мировая романистика находится в состоянии постоянного научного недовольства, результатом чего является появление многочисленных научных трудов, наиболее яркими, среди которых, можно считать труды романистов М. Бартошека, М. Х. Гарсия Гарридо, Ч. Санфилиппо, И. Пухана и М. Поленак-Акимовской.

Таким образом, проведенный источниковедческий обзор свидетельствует о том, что, несомненно научная литература богата и общими, и конкретными научными изысканиями в области римского права. Современная романистика находится в постоянном научном поиске, который является реакцией на постоянные изменения в общественной жизни в форме решения новых задач правового характера, что требует овладения классическим правовым наследием и создания новых научно-теоретических направлений.

Определяя теоретические и методологические основы исследования, удостоверим,

что особенностью современного состояния философско-правового знания является возможность рассмотрения в рамках философско-правового дискурса самых разных тем и проблем. Это способствует расширению исследовательского поля и углублению знаний о праве. Современный подход к исследованию права и правовых явлений требует отхода от «механоморфизма», на который на протяжении длительного времени было ориентировано отечественное правоведение, то есть нахождение собственно «человеческого» компонента в праве.

В правовой действительности есть все то, что имеется в человеке – социокультурная сущность, обусловленная глубинами человеческой жизнедеятельности. Именно поэтому, право предстает во многих предметных формах своего существования, в большинстве своем, непохожих друг на друга, которые являются проявлениями единого социокультурного формообразования. В то же время, в природе самого человека имеются восходящие про феномены или архетипы всех нормативно-ценностных конструкций, которые и определяют его правовое поведение. Римское право с позиций культурно-правовой антропологии трактуется не как совокупность юридических предписаний, а как система явлений правовой регуляции, созданных и одухотворенных римлянами.

Бинарно-оппозиционный характер римской правовой действительности

Узнавая биполярность человеческого бытия, как основополагающий фундамент римской правовой реальности, подчеркнем, что неоднородность и неоднозначность человеческого бытия отражается на всех сферах жизнедеятельности человечества, в том числе и права. Такой способ ориентации в окружающей среде, в определенной степени, был перенесен человеком и в духовно-идеальный мир, и мир межличностных отношений. Основной оппозиционной парой общественного бытия человека было и остается противопоставление «хорошо» – «плохо» в разных вариациях. Человеку, независимо от того, в какую историческую эпоху он живет, свойственен принцип бинарной оппозиции, как фундамен-

тальной структуры человеческого разума, переносимой людьми во внешний мир. Право является одним из способов ориентации человека в окружающем мире, как проявление его способности к обозначению окружающего мира через бинарные понятия-противоположности.

Римская правовая реальность – есть совокупность правовых взаимосвязанных элементов (в широком понимании), образующая истинное поле правового взаимодействия. То есть, римская правовая реальность является комплексом действующих предметных форм права и идеально-духовных правовых феноменов, характерных для римской культуры, что предполагает тесную связь римского права с моралью, нравственностью, религией и «магией».

Особое внимание обратим на архитектуру системы римского права, как проявление правовой действительности. Основными архитектурными элементами системы римского права являлись: а) божественное право (*fas*) и светское право (*ius*); б) публичное право (*ius publicum*) и частное право (*ius privatum*); в) естественное право (*ius naturale*); г) закон и обычай; д) писаное право (*ius scriptum*) и неписаное право (*ius non scriptum*).

В римской культуре прослеживается тесная связь между религиозными праздниками и существующими правовыми явлениями. В частности, особый интерес вызывает праздник Сатурналий, который имел непосредственное отношение к долговому рабству.

Парадигматическая система правовых ценностей и их экспликация на римскую правовую действительность

Осмысливая антитезу «свой» – «чужой», как базовую конструкцию римского правового регулирования, детализируем внимание, что эта проблема является одной из ключевых в философии, социологии, психологии, истории и культурологии, но она не нашла должного осмысления в области философско-правовых идей. Основополагающей бинарной оппозицией любой правовой регуляции есть противопоставление «свои» («мы») и «чужие». Антитеза «свой» – «чужой» – это, прежде всего,

проблема места индивида в окружающем мире. Эта оппозиция является культурологической предпосылкой возможности любого правового регулирования.

Римская правовая действительность может быть представлена в сосуществовании двух параллельных оппозиций «свой» – «чужой»: *в первом случае* речь идет о противопоставлении индивидов своего мира и чужого мира, а *во втором* – разворачивается бытийность «своего» и «чужого» в плоскости реализации норм действующего права.

Анализ римской системы взаимоотношений с чужим миром свидетельствует об относительно открытом характере римской культуры, которая довольно часто использовала приемы заимствования и имплементации достояний неримских культур, как в сфере материального наследия, так и в области взаимоотношения (римляне часто обращались к чужакам в вопросах государственного управления и написания законов).

Выясняя «свободу» – «несвободу», как поляризацию социально-правовых позиций в Древнем Риме, провозгласим, что для Рима и его граждан понятия «свободы» и «несвободы» являются необходимыми элементами социального ландшафта. Понятие свободы на римских просторах локализуется и работает в *двух плоскостях*: 1) первоначально в пределах действующего права и имеет рельефно-скульптурную фактуру; 2) позже – в сфере теоретических интерпретаций в форме размышлений и мыслительных моделей.

Понятия «свободный» и «раб» для древних римлян являются взаимоисключающими, поскольку они обозначают граничные точки социальной иерархии с возможным их определением как: «все» и «ничего». Но при этом, римская правовая действительность скрывала потенциальную возможность изменения статуса. Анализ юридических и неюридических римских текстов свидетельствует о том, что римскому правосознанию и общественному сознанию в целом, вплоть до бытового уровня, неприемлемыми были представления о человеке, который бы не принадлежал к одной из групп – свободных или рабов, а потому дихотомическое разделение жителей Рима имело всеобъемлющее значение для социальной среды.

Рассматривая тезис «свободный» – «раб» через призму художественного отражения (на примере комедий *Плавта* (лат. – *Titus Maccius Plautus*))» [20, 1472 с.; 32], закрепим, что творчество Плавта в современной отечественной философско-правовой традиции еще не было предметом глубинного научного интереса, хотя зарубежная и советская гуманитаристика фрагментарно интересовалась как чисто литературоведческими вопросами, так и вопросами отражения социальной действительности в комедиях известного комедиографа. Творчество Плавта является одним из познавательных источников в вопросах рабства в Риме *III ст. до н.э.*, а также в вопросах отражения основных конститутивных форм правовой действительности Рима, поскольку исторический контекст жизни Плавта – это время, когда в Рим хлынули рабы, роль которых в разных областях жизни общества стала достаточно значительной. Тексты комедий Плавта позволяют реконструировать всю картину опосредованного рабства: а) колонат (лат. – *colonus, coloni*); б) пекулий (лат. – *peculium*); в) выкуп раба на свободу. В комедиях Плавта в символической форме представлены основные конститутивные формы правовой действительности Рима, в частности, ситуации диффузности между свободными и рабами.

Синтагматическая система римского права

Воспринимая «равное неравенство» и его юридическое закрепление в римском праве, сформируем постулат, что синтагматичность римской правовой реальности прослеживается в горизонтальном разделении всех обитателей римского государства, что подразумевает неоднородность любой из категорий. Каждое из иерархических сообществ имело свое собственное внутреннее разделение членов на «полноправных» и «неполноправных». Формальные участники правового взаимодействия в Риме по общему правилу одинаково признаны, защищены единой нормой права независимо от их фактических качеств при условии их принадлежности к римской общине: римское гражданство, как особый юридический статус личности, было формальным признанием за ними права пользования всей

совокупностью юридических благ. Отчасти же, римское формальное равенство отражало такую правовую ситуацию, в которой члены социальной группы являются формально равными, наделены одинаковой правоспособностью, но в действительности они не имеют возможности обрести реальное право на конкретное благо: а) раб, отпущенный на свободу собственником – римским гражданином, не мог воспользоваться всеми правами гражданина (существует целый ряд законных ограничений дееспособности для такой категории людей, например запрет заключать законный римский брак); б) женщина – формально правоспособна, но не имеет права на ряд социально и юридически значимых действий; в) это полностью касается также физически и психически нездоровых людей. Римское право относительно формального равенства и фактического неравенства достаточно широко использует явления естественного, социального и культурного неравенства, придавая им формально выраженный характер.

Штудирюя колонат (позднелатинское *colonus*, от лат. – *colonus*; земледелец), место колона между свободными и рабами, определим, что традиционное для римлян социальное разделение разрабатывалось по принципу «свободный» – «раб», но социальная практика поздней античности привела к возникновению явления, отличного от того и от другого сословно-юридического разделения. Реальные стратификационные схемы римского общества как фактические социальные практики значительно отличались от юридически закрепленных норм и положений. Известное противопоставление свободных и рабов, как правовая аксиома, оказывается ничтожным по отношению к такой гражданской категории, как колоны. В конце *IV ст. н.э.* в римском обществе достаточно отчетливо выделялись сословия, важнейшими среди которых были: а) сенаторы; б) куриалы; в) плебеи; г) колоны; д) рабы. Представители первых четырех сословий, сохраняя единый гражданский статус – свободных римских граждан, имели не только разное общественное положение, но отличались друг от друга закрепленным за каждым сословием объемом прав. Несмотря на то, что реалии жизни требовали своего юридического оформления, действующее пра-

во *IV ст. н.э.* еще продолжало ориентироваться на юридические образцы *II – III ст. н.э.*, когда градационные процессы в римском обществе только намечались. Серьезные социальные трансформации, потребности конфигураций в сфере производства требовали привести в соответствие юридические нормы и публичные дела. Результатом таких запросов и стали знаменитые императорские кодификации, в текстах которых мы впервые и наталкиваемся на термин «колон».

Римский законодатель на протяжении нескольких веков пытался определиться с терминологией, адекватно отражавшей юридический статус колона. Параллельно с этими изысканиями велись попытки «вписать» колона в традиционную дихотомическую схему римского общества.

Одной из причин возникновения колоната, как специфического правового института, являлась аграризация римской действительности, которая как социальное явление способствовало формированию в общественном сознании идеи о профессиональном и социальном разграничении. Поскольку во времена развитой, а особенно поздней, империи наблюдались нежелание заниматься определенными ремеслами, текучесть сельскохозяйственной рабочей силы, то императоры вынуждены были сделать некоторые профессии наследственными. Именно в разряд таких обязательно-наследственных видов трудовой деятельности попало и «возделывание чужого земельного надела на правах аренды». Одновременно колонат был прямым следствием упадка городской культуры, которой на протяжении длительного времени и являлась римская культура.

Выводы

1. Современное состояние развития гуманитарного знания, философско-правового, в частности, предполагает расширение проблемного поля исследования: благодаря той мировоззренчески-методологической ситуации, в которой мы находимся, есть возможность исследовать классические объекты с неклассических методологических позиций. *Римское право*, как один из таких классических образцов, сегодня уже не может тракто-

ваться и изучаться только как положительное правовое явление: оно во всей своей полноте может быть представлено совокупностью сознательно-рациональных установок, всего мировоззренчески-установочного комплекса древних римлян, их аксиоматической системы и явлений повседневной правовой жизни. Римское право, реконструированное из аутентичных: а) юридических; б) исторических; в) литературных источников, можно рассматривать как находящееся в постоянном развитии. При этом эволюцию римского права нельзя назвать однонаправленной и однолинейной, поскольку оно включало в себя разнообразные элементы, разные уровни обобщения, многие мнения представителей юридических кругов. Римское право объединялось в единое целое одинаковым мировосприятием и специфическим правовым мышлением, а потому, не было жестко унифицированной системой юридических предписаний и не являлось хаотическим набором «казусов».

Римская правовая действительность понимается, в широком смысле, как бытийно-социальная данность мира. С этой точки зрения римское право трактуется, как конкретная бытийная форма права, представляющая собой регулятивную систему социума в четко определенных хронологических пределах и в соответствии с господствующей системой идеалов и ценностей. Осознать это можно на уровне философско-правового осмысления специфики римского права как особого культурно-мировоззренческого комплекса, укорененного в обыденность римлян, с присущими ему константами правовой действительности, которые специфически отражены в римском праве.

2. Римское право, как феномен правовой реальности, не существовало вне человека, укорененного в культуре: римское право было одной из форм опредмечивания человеческой духовности, а потому римские правовые явления: а) являются неотъемлемыми составляющими социально-культурного бытия человека; б) производны от мировоззренческо-идеологического универсума римской культуры; в) конституированы через человеческое представление в реальной жизненной практике римского сообщества.

Одним из способов исследования содержания явлений римской правовой реальности

может быть такое направление философско-правовых исследований, как культурно-правовая антропология. Сегодня наблюдается очевидный дефицит философско-правовой обработки проблем культурно-антропологического контекста существования права. Исследование каждого конкретного культурно-антропологического контекста существования права позволит нам выяснить как состоявшиеся в действительности особенности и специфику системы правовой регуляции, так и выявить в них глубокие, онтологические пласты, обеспечивающие и позволяющие осуществление такой регулятивной системы, как право.

3. Римская правовая реальность и сегодня скрывает в себе значительное количество «белых пятен»: наряду с «общими» местами римской правовой жизни, затертыми до дыр в научном мире, имеются неисследованные формы и явления («черные дыры») римского права. Нетипичность этих явлений, с точки зрения позитивистской трактовки феномена римского права, прежде всего, как целостного мировоззренческо-идеологического комплекса, надолго обрекла их на ожидание своей очереди теоретического осмысления. Одним из «нетипичных», с позиций классических подходов к исследованию феномена римской правовой реальности, является ее представление сквозь призму бинарных оппозиций в таких формах проявления как: а) римское право и религия; б) система римского права; в) технология римского права; г) комплекс римских правовых знаков и символов.

Римское право, как явление правовой действительности, является носителем всех специфических признаков и черт той античной культуры, порождением которой оно являлось. Поскольку вся человеческая жизнь связана с потребностью ориентации и структурирования окружающей среды, то одним из способов «упорядочения» человеческого мира является способность человека к его бинарно-оппозиционному членению.

4. Реконструкция «картины римского права» возможна из-за обнаружения в нем бинарных оппозиций, выполнявших функцию каркаса существования всего римского права. Эти «каркасные конструкции» по своей природе были духовными явлениями, а их содержательное и мировоззренческое наполне-

ние, в значительной степени, зависело от менталитета квинтского сообщества, для которого они существовали и порождались им. В системе правовой регуляции, в том числе и в римском праве, обнаружена бивалентность человеческой жизни. Бинарно-оппозиционные начала в римском праве представлены совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных правовых явлений, образующих своеобразные фреймы правовой регуляции. Наиболее полно бинарно-оппозиционный характер римского права проявляется через:

- а) органическое сочетание рациональных и нерациональных конститутивных начал;
- б) существование парадигматической и синтагматической шкал римской системы ценностей и их воплощение в правовой реальности;
- в) знаковые системы, как вербальные, так и невербальные.

5. Парадигматическая и синтагматическая ценностные системы римского права представлены понятиями и явлениями быденной правовой жизни: сосуществованием «своих» и «чужих», свободных и рабов. Правовой статус любого человека в Риме предполагал его определение либо как свободного, либо раба. Проведенный анализ текстов римских юридических и неюридических памятников показывает, что диаметрально противоположные статусы свободного и раба, согласно известной дихотомической формуле Гая (лат. – Gaius; II в. н.э), не имели адекватного представления в повседневной правовой жизни. Подтверждение статуса отдельной личности нуждалось в ситуативном и персональном доказательстве.

6. Бытие каждого человеческого сообщества (независимо от степени связей между индивидами) трудно представить без обоснования своей непохожести на других, подкрепленного разнообразными способами и формами четкой демаркации «своего» и «чужого». Именно «другой» в понимании «чужого» в большинстве своем и является точкой отсчета для осознания и нахождения черт и качеств, характерность которых необходима индивиду для того, чтобы отнести себя к «своим». Пространства «чужого» создают своеобразный «фрейм» римской повседневной жизни. «Свое» в римском праве формируется на основе процедуры отличия понятного, нор-

мального, известного на фоне остального мира. Процедура отличия своего в пределах римского права возможна через использование такого приема, как исключение: все, что не соответствует признакам своего, должно быть исключено из сферы упорядоченного и привычного мира.

В то же время, «чужой» для римлянина – это не всегда зло. Так, римляне с особым вниманием относились к достижениям чужих, неримских, культур. Придавая чужим культурным достижениям чисто римскую форму, квинтиты, таким образом, обустроивали свой обжитый мир, обогащая его новыми достоинствами, привнесенными в основном из-за пределов римской ойкумены. В правовой сфере это проявляется в целом ряде примеров, в частности; а) влияние греческой технологии на создание положительных законов; б) создание такой исторической формы правовой регуляции, как право народов. Для римлян было характерно искреннее восхищение чужим и стремление сделать из этого достоинства своей собственной культуры. Особенностью римской правовой системы была ее открытость к внешним заимствованиям и умение творческой проработки чужого правового опыта.

Применительно к римской правовой действительности, можем говорить о конкретизации общекультурологической оппозиции «свой» – «чужие» в понятиях «римский гражданин» – «негражданин». «Свой» для римлянина – это, прежде всего, член квинтской общины, принадлежащей римскому народу. То есть «своим» может быть только тот, кто имеет римское гражданство. С самого начала римское гражданство носило личный характер – не территория проживания фиксирует статус римского гражданина, а право: совокупность прав римского гражданства перемещается вместе с ним за пределы общины, за пределы того коллектива, где он проходил ценз. Примечательно, что римский гражданин, находясь в какой-то провинции, имел право разрешить правовой спор либо по нормам права народов, либо требовать перенести рассмотрение дела в Рим.

Римский социальный мир отличается пестротой и неоднородностью с точки зрения его участников (субъектов), что и было проявлением синтагматической системы ценно-

стей. Правовая мысль древних римлян не знала срединного сословия между свободным и рабом. Но верно установленная юридическая поляризация сословий не совпадала с настоящей социально-юридической картиной римского общества. Иерархический правовой мир Древнего Рима поражает своей многомерностью, имеет четкие локальные границы, выход за которые приводит к серьезным юридически-правовым последствиям. Для римской культуры характерно явление людей «срединного положения». Наиболее рельефно эта срединность представлена существованием специфического правового института – колоната.

7. Правовую культуру любого общества, в том числе и римскую, можно описать посредством семиотических приемов, поскольку в своей репрезентативности она может быть представлена с позиций знаковых систем. Для римского права характерно было использование эвристического потенциала знаково-символической сферы. В качестве гражданско-правовых средств индивидуализации физических лиц и должностных лиц римляне использовали весь арсенал вербальных и невербальных явлений. В частности, особого внимания заслуживают такие невербальные средства, как одежда и аксессуары, которые имели мощный информативный потенциал и были юридически значимыми.

Одежда древних римлян, являясь символом-знаком, вследствие заложенного в него наглядного образа, содержала информацию о социальном статусе личности и ее юридической значимости. Она, как правовой символ, была одним из действенных средств эффективной правовой коммуникации и ориентировки относительно юридического статуса лица: ношение той или иной одежды или ее элементов было привилегией либо отдельного лица, либо всего сословия. Римская официальная одежда долгое время имела своеобразное ритуальное значение, основными чертами которого были: а) комплексность; б) склонность к использованию традиционных материалов; в) четко определенная цветовая гамма; г) специфический декор и аксессуары.

Для римской правовой действительности значимым был телесный компонент: телесные практики в сфере действия римского права свидетельствуют о том, что половая

принадлежность, физическое и духовное здоровье личности оказывали существенное влияние на ее правовой статус и возможность юридической реализации.

В *заключении* отметим, что в статье: а) определены истоки научного подхода к изучению римского права, осуществлена теоретическая демаркация между разными концептуальными моделями осмысления феномена римского права; б) выявлены теоретико-научные источники влияния на исследование римского права, как явления правовой действительности; в) обоснована актуальность, целесообразность и эвристическая ценность антропокультурного подхода к исследованию римской правовой действительности; г) охарактеризовано римское право, как производное явление от римской культуры; д) раскрыты особенности римской правовой реальности через существование в ней двух ценностных систем: 1) парадигматической; 2) синтагматической; е) установлено, что римская правовая парадигматическая система ценностей приобретает рельефно-зримые формы, в таких явлениях, как «свой» – «чужой», «свобода» – «несвобода»; ж) показано, что в соответствии с синтагматическим аксиологическим рядом древних римлян вполне оправданной была четкая социально-правовая стратификация, а также реально имел место феномен «людей срединного положения»; з) исследовано, как на уровне правовой регуляции древних римлян реализуются «мягкая» и «жесткая» семиотические системы.

Практическое значение полученных результатов состоит в том, что научные выводы, полученные в процессе изыскания, могут использоваться: а) в законотворческом процессе; б) в правореализации – для повышения уровня правовой культуры и правосознания населения, студенческой молодежи, при подготовке государственных служащих; в) в учебном процессе – при преподавании таких учебных дисциплин как: I) римское право; II) история государства и права; III) теория государства и права; IV) философия права; V) социология права; VI) культурология; г) в научной работе – для дальнейших теоретических разработок проблем римского права, мировоззренчески-методологической парадигмы гражданского общества, прав и свобод человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева, Г. В. История государства и права зарубежных стран. Древний мир. Средние века / Г. В. Арсеньева, А. Н. Харитонова. – Астрахань, 2025. – 48 с.
2. Арямов, А. А. Каноническое право Восточной Римской империи как исторический источник отечественного уголовного права / А. А. Арямов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 122–141.
3. Братановский, С. Н. Теория государства и права / С. Н. Братановский, М. Г. Вулах, Ю. В. Капитанец. – М. : Ай Пи Ар Медиа, 2024. – 291 с.
4. Вологдин, А. А. История государства и права зарубежных стран до XVI века / А. А. Вологдин. – М. : Юрайт, 2023. – 293 с.
5. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. – М. : Наука, 1984. – 456 с.
6. Дождев, Д. В. Перевод «Институций» Гая с текстологическим, историческим и предметным комментарием / Д. В. Дождев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2012. – № 1 (66). – С. 80–90.
7. Жуков, В. И. Глобализм и цивилизация в парадигме философии права / В. И. Жуков // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 50–63.
8. Законы XII Таблиц. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 28 с.
9. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor : текст, перевод с латинского, комментарии / Под общей редакцией профессора Д. В. Дождева. – М. : СТАТУТ, 2020. – 384 с.
10. История государства и права зарубежных стран / И. А. Исаев [и др.]. – М. : Проспект, 2025. – 448 с.
11. История государства и права зарубежных стран : хрестоматия. – СПб. : Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2023. – 256 с.
12. Кардилли, Р. Римское право у пандектистов и римское право у римлян / Р. Кардилли // Вестник гражданского права. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 232–253.
13. Кожевников, В. В. Теория государства и права / В. В. Кожевников, В. Б. Коженевский, В. А. Рыбаков. – М. : Проспект, 2024. – 464 с.
14. Кулапов, В. Л. Теория государства и права / В. Л. Кулапов, Р. А. Осипов. – Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2024. – 496 с.
15. Лисаченко, А. В. Кодификация Юстиниана / А. В. Лисаченко // Корпоративный юрист. – 2017. – № 8. – С. 38–41.
16. Лысенко, О. Л. О значимости перевода Кодекса Юстиниана на русский язык: взгляд историка права / О. Л. Лысенко // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 192–195.
17. Макаров, С. Ю. Правовое регулирование деятельности адвокатов в соответствии с Дигестами Юстиниана / С. Ю. Макаров // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 11(75). – С. 67–77.
18. Макробий Феодосий. Сатурналии / Ф. Макробий ; пер. с лат. и древнегр. В. Т. Звиревича. – М. : Круг, 2013. – 810 с.
19. Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / М. Т. Цицерон. – М. : Худож. лит., 1975. – 456 с.
20. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М. : Проспект, 2025. – 432 с.
21. Недзелюк, Т. Г. Проблемы рецепции римского права российской правовой наукой: методические аспекты преподавания дисциплины / Т. Г. Недзелюк // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7(182). – С. 72–75.
22. Петров, А. А. Lex specialis и lex posterior в Дигестах Юстиниана / А. А. Петров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 39–48.
23. Прохорова, М. Ю. Римское право: зарождение, эволюция, возрождение / М. Ю. Прохорова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2023. – № 1 (58). – С. 14–19.
24. Ромашов, Р. А. Теория государства и права / Р. А. Ромашов. – М. : Юрайт, 2024. – 478 с.
25. Рудоквас, А. Д. Римское право в практике российских судов / А. Д. Рудоквас, О. А. Федорова // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 7–25.
26. Савенков, А. Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть I) / А. Н. Савенков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 17–43.
27. Савенков, А. Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть 2) / А. Н. Савенков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 1. – С. 20–36.
28. Сахаров, С. А. К вопросу о функционировании системы судопроизводства в поздней Римской империи (по данным первой книги «Кодекса Феодосия») / С. А. Сахаров // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 4 (32). – С. 185–193.
29. Сенека Луций Анней. Избранные труды / Л. А. Сенека ; пер. с лат. П. Краснов, С. Янушевский, С. Соловьев. – М. : Эксмо, 2022. – 608 с.
30. Сильвестровой, Е. В. Кодекс Феодосия книга XVI. 2. 25-47; 3. 1-2 / Е. В. Сильвестровой // Вестник древней истории. – 2017. – Т. 77, № 2. – С. 511–522.

31. Тит Ливий. История Рима от основания города / Т. Ливий ; пер. В. М. Смирнова. – М. : Наука, 1989. – 576 с.
32. Тит Макций Плавт. 20 комедий и одна комедия во фрагментах / Т. М. Плавт. – М.: Искусство, 1987. – 1472 с.
33. Философия права. Очерки / Е. А. Фролова [и др.]. – М. : Проспект, 2025. – 288 с.
34. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. – М. : Проспект, 2025. – 392 с.
35. Ширвиндт, А. М. Институты Гая: опыт и перспективы исследования. Хроника научного семинара (Павия (Италия), 11–29 января 2016 г.) / А. М. Ширвиндт // Вестник древней истории. – 2017. – Т. 77, № 1. – С. 238–243.

REFERENCES

1. Arsenyeva G.V., Kharitonova A.N. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran. Drevniy mir. Sredniye veka* [History of the state and law of foreign countries. The ancient world. The Middle Ages]. Astrakhan, 2025. 48 p.
2. Aryamov A.A. *Kanonicheskoye pravo Vostochnoy Rimskoy imperii kak istoricheskiy istochnik otechestvennogo ugovnogo prava* [Canon law of the Eastern Roman Empire as a historical source of domestic criminal law]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2023, no. 3, pp. 122-141.
3. Bratanovsky S.N., Vulakh M.G., Kapitanets Yu.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and law]. Moscow, IP R Media, 2024. 291 p.
4. Vologdin A.A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran do XVI veka* [History of the state and law of foreign countries before the 16th century]. Moscow, Yurait Publ., 2023. 293 p.
5. *Digests of Justinian. Izbrannyye fragmenty v perevode i s primechaniyami I.S. Pereterskogo* [Selected fragments translated and with notes by I.S. Peretersky]. Moscow, Nauka, 1984. 456 p.
6. Dozhdev D.V. *Perevod «Institutsiy» Gaya s tekstologicheskimi, istoricheskimi i predmetnym kommentariyem* [Translation of Gaius's «Institutions» with textual, historical and subject commentary]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation], 2012, no. 1(66), pp. 80-90.
7. Zhukov V.I. *Globalizm i tsivilizatsiya v paradigme filosofii prava* [Globalism and Civilization in the Paradigm of the Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2024, no. 7, pp. 50-63.
8. *Zakony XII Tablits* [Laws of the XII Tables]. Moscow, Direct-Media Publ., 2008. 28 p.
9. *Institutsii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor : Tekst, perevod s latinskogo, kommentarii* [Gaius's Institutions = Gai Institutionum commentarii quattuor: Text, translation from Latin, comments]. Moscow, STATUT Publ., 2020. 384 p.
10. Isaev I.A., Filippova T.P., Batyr K.I. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the State and Law of Foreign Countries]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 448 p.
11. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the State and Law of Foreign Countries]. Reader. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 256 p.
12. Cardilli R. *Rimskoye pravo u pandektistov i rimskoye pravo u rimlyan* [Roman Law among the Pandectists and Roman Law among the Romans]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law]. 2023, Vol. 23, no. 4, pp. 232-253.
13. Kozhevnikov V.V., Kozhenevsky V.B., Rybakov V.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 464 p.
14. Kulapov V.L., Osipov R.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Saratov, Saratov State Law Academy, 2024. 496 p.
15. Lisachenko A.V. *Kodifikatsiya Yustiniana* [Codification of Justinian]. *Korporativnyy yurist* [Corporate Lawyer], 2017, no. 8, pp. 38-41.
16. Lysenko O.L. *O znachimosti perevoda Kodeksa Yustiniana na russkiy yazyk: vzglyad istorika prava* [On the Significance of the Translation of the Justinian Code into Russian: the View of a Legal Historian]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 6, pp. 192-195.
17. Makarov S.Yu. *Pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti advokatov v sootvetstvii s Digestami Yustiniana* [Legal regulation of the activities of lawyers in accordance with the Digest of Justinian]. *Vestnik universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYU)* [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)], 2020, no. 11 (75), pp. 67-77.
18. Macrobius Theodosius. *Saturnalii* [Saturnalia]. Moscow, Krug Publ., 2013. 810 p.
19. Marcus Tullius Cicero. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow, Khudozh. lit., 1975. 456 p.
20. Marchenko M.N., Deryabina E.M. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 432 p.
21. Nedzelyuk T.G. *Problemy retseptsii rimskogo prava rossiyskoy pravovoy naukoy: metodicheskiye aspekty prepodavaniya distsipliny* [Problems of Reception of Roman Law by Russian Legal Science: Methodological Aspects of Teaching the Discipline].

Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]. 2023, no. 7 (182), pp. 72-75.

22. Petrov A.A. Lex specialis i lex posterior v Digestakh Yustiniana [Lex specialis and lex posterior in the Digest of Justinian]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2020, vol. 17, no. 1, pp. 39-48.

23. Prokhorova M.Yu. Rimskoye pravo: zarozhdeniye, evolyutsiya, vozrozhdeniye [Roman Law: Origin, Evolution, Revival]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy]. 2023, no. 1 (58), pp. 14-19.

24. Romashov R.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurait Publ. House, 2024. 478 p.

25. Rudokvas A.D., Fedorova O.A. Rimskoye pravo v praktike rossiyskikh sudov [Roman Law in the Practice of Russian Courts]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2024, vol. 68, no. 1, pp. 7-25.

26. Savenkov A.N. Natsional'noye politiko-pravovoye razvitiye i osnovnyye idei filosofii prava v Rossii (chast' I) [National Political and Legal Development and the Basic Ideas of the Philosophy of Law in Russia (Part I)]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2024, no. 4, pp. 17-43.

27. Savenkov A.N. Natsional'noye politiko-pravovoye razvitiye i osnovnyye idei filosofii prava v Rossii (chast' II) [National Political and Legal Development and the Basic Ideas of the Philosophy of Law in Russia (Part II)]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2025, no. 1, pp. 20-36.

28. Sakharov S.A. K voprosu o funktsionirovaniy sistemy sudoproizvodstva v pozdney Rimskoy imperii (po dannym pervoy knigi «Kodeksa

Feodosiya») [On the functioning of the judicial system in the late Roman Empire (according to the data of the first book of the «Theodosian Code»)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Smolensk State University]. 2015, no. 4 (32), pp. 185-193.

29. Seneca Lucius Annaeus. *Izbrannyye Trudy* [Selected works]. Translation from Latin: P. Krasnov, S. Yanushevsky, S. Solovyov. Moscow, Eksmo, 2022. 608 p.

30. Silvestrova E.V. Kodeks Feodosiya kniga XVI. 2. 25-47; 3. 1-2 [Theodosian Codex, Book XVI. 2. 25-47; 3. 1-2]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2017, vol. 77, no. 2, pp. 511-522.

31. Titus Livy. *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [History of Rome from the founding of the city]. Translation: V.M. Smirina. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.

32. Titus Maccius Plautus. *20 komediy i odna komediya vo fragmentakh* [20 comedies and one comedy in fragments]. Translator: A.V. Artyushkov. Moscow, Iskustvo Publ., 1987. 1472 p.

33. Frolova E.A., Avdzhyan L.E., Batyrev K.A. *Filosofiya prava. Ocherki* [Philosophy of law. Essays]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 288 p.

34. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Reader on the history of the state and law of foreign countries]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 392 p.

35. Shirvindt A.M. Institutsii Gaya: opyt i perspektivy issledovaniya. Khronika nauchnogo seminar [Guy's institutions: experience and research prospects. Chronicle of a scientific seminar] (Pavia (Italy), January 11–29, 2016). *Bulletin of Ancient History*, 2017, vol. 77, no. 1, pp. 238-243.

Information About the Author

Alexander A. Bezhtentsev, Candidate Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Sredny V. O., 57/43, 199178 Saint Petersburg, Russian Federation, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Информация об авторе

Александр Анатольевич Беженцев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Средний В. О., 57/43, 199178 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

www.volsu.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14>

UDC 343.24

LBC 67.408.02

Submitted: 03.12.2025

Accepted: 08.12.2025

ENSURING SENTENCING FAIRNESS IN CASES OF RECIDIVISM WITH MITIGATING CIRCUMSTANCES

Lyubov V. Lobanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maria A. Malimonova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: although the prescription for harsher punishment for recidivism may seem axiomatic, the criminal law itself provides for the possibility of showing leniency towards the guilty party and mitigating his fate in this situation. However, the inaccuracy of the legislative wording of certain norms, in particular the exception clause established in Part 3 of Article 68 of the Criminal Code, as well as the scarcity of relevant interpretative practice, hinder the adequate perception of the state's will, impede the understanding of the grounds and limits for mitigating the punishment of a recidivist, and thereby obstruct the selection of a punishment proportionate to the crime committed. **Purpose:** 1) to clarify the role of "ordinary" mitigating circumstances in forming the grounds for reducing punishment under Part 3 of Article 68 of the Criminal Code and the limits of their influence on the measure of punitive impact chosen for a recidivist; 2) to formulate proposals for overcoming deficiencies in the legal-technical formulation of the studied rules for mitigating punishment and for the implementation of these rules in interpretative practice and law enforcement. **Methodology:** the research methodology is traditional for addressing criminal law issues and takes into account the need to employ a complex of scientific research methods at both theoretical and practical levels. **Results:** the study has revealed the grounds for exceeding the notional lower limit of the sanction established for a recurrent crime in the presence of mitigating circumstances that are not exceptional; it has clarified the range of such circumstances and the limits for such mitigation of punishment. Recommendations have been formulated for the legislator and law enforcement bodies. **Conclusions:** 1) the grounds for exceeding the notional lower limit of the sanction established for a recurrent crime should be recognized as a set of facts which, in combination, indicate the possibility of achieving the goals of punishment, albeit through the application of only the most severe type of punishment listed in such a sanction, but to a lesser extent than one third of its maximum term, while the trigger for raising the question of the existence of such grounds from the perspective of ensuring sentencing fairness should be any mitigating circumstances, including those not listed in the statutory catalogue; 2) there is a need to differentiate between the grounds for mitigating the punishment of a recidivist considering ordinary mitigating circumstances and the grounds for granting him leniency under Article 64 of the Criminal Code; 3) the limit of the considered mitigation of punishment should be recognized as the minimum specified in the sanction of the particular article for the most severe type of punishment, or, in the absence of such specification, the minimum limit for this type of punishment as detailed in the General Part of the Criminal Code; 4) ways to technically and legally improve the text of Part 3 of Article 68 of the Criminal Code and to adjust the practice of implementing the norms enshrined in this article are outlined.

Key words: recidivism, recurrent crime, sentencing rules, mitigating circumstances, sentencing fairness.

Citation. Lobanova L.V., Malimonova M.A. Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 111-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14>

УДК 343.24
ББК 67.408.02

Дата поступления статьи: 03.12.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ ПРИ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАЛИЧИИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Любовь Валентиновна Лобанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Андреевна Малимонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на, казалось бы, аксиоматичность предписания об ужесточении наказания за рецидив преступлений, сам уголовный закон предусматривает возможность для проявления снисхождения к виновному и смягчения его участи в данной ситуации. Вместе с тем некорректность законодательных формулировок отдельных норм, в частности нормы-исключения, закрепленной в ч. 3 ст. 68 УК, а также скудность соответствующей интерпретационной практики препятствуют адекватному восприятию государственной воли, мешают уяснению основания и пределов для смягчения наказания рецидивисту и тем самым выбору меры наказания, адекватной содеянному. **Цель:** 1) уточнить роль «рядовых» смягчающих обстоятельств в формировании основания для понижения наказания в соответствии с ч. 3 ст. 68 УК и пределы влияния их на меру карательного воздействия, избираемую в отношении рецидивиста; 2) сформулировать предложения по преодолению погрешностей технико-юридического оформления изучаемых правил смягчения наказания и реализации данных правил в интерпретационной практике и правоприменительной деятельности. **Методология** исследования традиционна для освещения уголовно-правовых проблем и учитывает потребность в оперировании комплексом методов научного поиска как теоретического, так и практического уровней. **В результате** выявлено основание преодоления виртуальной нижней границы санкции, установленной за рецидивное преступление, при наличии смягчающих обстоятельств, не являющихся исключительными, уточнены круг этих обстоятельств, а также пределы для такого смягчения наказания. Сформулированы рекомендации законодателю и правоприменителю. **Выводы:** 1) о признании основанием для преодоления виртуальной нижней границы санкции, установленной за рецидивное преступление, совокупности фактов, которые в своем сочетании свидетельствуют о возможности достижения целей наказания, хотя и посредством применения только наиболее строго из его видов в такой санкции перечисленных, но в меньшем размере, чем одна третья часть от его максимальной величины, а поводом для постановки вопроса о наличии подобного основания с позиции обеспечения справедливости наказания – любых смягчающих обстоятельств, в том числе и не включенных в их законодательный перечень; 2) о необходимости дифференциации оснований для смягчения наказания рецидивисту с учетом обычных смягчающих обстоятельств и для снисхождения к нему в соответствии со ст. 64 УК; 3) о признании пределом рассматриваемого смягчения наказания указанного в санкции конкретной статьи минимума для наиболее сурового вида наказания, а в случае отсутствия такого указания – минимального предела для этого вида наказания, конкретизируемого Общей частью УК; 4) о путях технико-юридического совершенствования текста ч. 3 ст. 68 УК и корректировке практики реализации норм, закрепленных данной статьей.

Ключевые слова: рецидив преступлений, рецидивное преступление, правила назначения наказания, смягчающие обстоятельства, справедливость наказания.

Цитирование. Лобанова Л. В., Малимонова М. А. Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 111–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14>

Введение

Ужесточение наказания при определении меры последнего лицу, в преступном поведении которого судом выявлен рецидив, действующим отечественным уголовным законом анонсировано как норма для правоприменителя. Закономерно вполне, что предупреждение законодателя, адресованное также гражданам, уже нарушившим запреты уголовно-правового характера, начинается с категоричной фразы: «Рецидив преступлений влечет более строгое наказание...» (п. «а» ч. 5 ст. 18 УК). Знаменательно и то, что в перечне отягчающих обстоятельств названному факту отведено самое верхнее место (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК), а в ст. 68 данного нормативного документа закреплены особые требования, детализирующие учет этого обстоятельства. Совокупность упомянутых законоположений есть явное свидетельство воплощения в настоящем идеи «конкретизации правового значения обстоятельств дела», за которой еще в советской доктрине уголовного права прогнозировалось будущее. Кристаллизация столь важной мысли осуществлялась в частности в трудах Л.Л. Кругликова в контексте освещения проблемы обеспечения справедливости наказания. Последовательно отстаивая необходимость выделения среди прочих фактов «главных обстоятельств» и установления применительно к ним на правотворческом уровне «новых пределов выбора наказания», автор резонно подчеркивал важность предоставления суду выбора между применением и неприменением особых положений закона [1, с. 28].

Признание за рецидивом преступлений статуса обстоятельства, особым образом ужесточающего карательное воздействие на виновного, не помешало современному российскому законодателю предоставить правоприменителю возможность поступить вопреки предписанию назначить наказание рецидивисту не ниже величины, исчисляемой в виде дроби от максимального предела, установленного законом за конкретное преступление для наиболее сурового вида наказания (ч. 2 ст. 68 УК). Оговорки в отношении указанного правила сделаны и непосредственно в статье 68 УК, ее части 3.

Однако дефекты законодательной техники и неполнота интерпретационных документов способны, думается, затруднить понима-

ние правоприменителем сути соответствующих законоположений, обусловить сложности в определении оснований, вариантов и границ проявления снисхождения при упомянутой форме множественности. Заострим внимание в настоящей работе на некоторых из проблем такого рода.

Об основании преодоления виртуальной нижней границы санкции, установленной за рецидив преступлений, при наличии «рядовых» смягчающих обстоятельств

Наличие смягчающих обстоятельств сообразно с ч. 3 ст. 68 УК, прежде всего, может выступать в качестве повода для отказа от зафиксированной на нормативном уровне оценки рецидива как обстоятельства не только обуславливающего обязанность выбора наиболее сурового из предусмотренных санкцией статьи видов наказания, но и значительно ограничивающего возможности движения при определении его [такого вида наказания] размера в сторону нижнего предела. Но формулируя подобное исключение из закрепленного в ч. 2 ст. 68 УК правила, законодатель не очень удачно делает ссылку на ст. 61 данного Кодекса, создавая условия для неоднозначного понимания своей воли. Ведь и в самом деле не ясен ответ на вопрос о допустимости рассматриваемого смягчения наказания, когда суд, опираясь на ч. 2 ст. 61 УК, признал смягчающими обстоятельствами факты, не фигурирующие в законодательном перечне, зафиксированном в части 1 этой статьи. Правоммерно ли и такие факты квалифицировать как «обстоятельства, предусмотренные статьей 61 <...> Кодекса», пользуясь тем, что конкретные структурные элементы последней в ст. 68 УК не уточняются.

Некоторые исследователи увязывают возможность подобного снисхождения к рецидивисту только со смягчающими обстоятельствами, прямо указанными в пунктах ч. 1 ст. 61 УК. Например, Д. Дядькин оценивает как пренебрежение законом практику, при которой суды применяют положение ч. 3 ст. 68 УК при установлении смягчающего обстоятельства, «даже не содержащегося в ч. 1 ст. 61 УК РФ» [2, с. 40]. Но справедлива ли подобная критика?

Вряд ли. Критикуемая названным правоведом правовая позиция уже легализована Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 48 его профильного постановления. «При этом в качестве смягчающих, – комментирует содержание ч. 3 ст. 68 УК высший судебный орган России, – могут быть учтены и обстоятельства, признанные таковыми в соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ»¹. Дозволяя суду назначить наказание рецидивисту менее 1/3 от максимального размера наиболее строгого вида наказания (но не ниже низшей границы санкции), законодатель исходит из того, что некоторые смягчающие обстоятельства способны частично нейтрализовать влияние рецидива на назначение наказания, значительно «обесценить» вес этого отягчающего обстоятельства. При этом данная способность не находится в зависимости от того, включено ли обстоятельство в законодательный перечень. Ведь целесообразность отражения фактов в подобного рода нормативном реестре определяется не только силой их возможного воздействия на ответственность в определенных ситуациях, но и тем, насколько эти обстоятельства применимы к различным видам преступлений, как часто встречаются и насколько стандартным может быть влияние на выбор карательной меры. Своеобразие смягчающих обстоятельств, которые упоминаются в ч. 2 ст. 61 УК, как раз и заключается в их нетипичности и нестандартности. Их функциональность в смягчении наказания становится очевидной лишь в контексте совокупности обстоятельств дела и при определенном раскладе оказывается более зримой, чем роль конкретизированных в законе обстоятельств. Например, если суд применительно к рецидивисту установил факт проявления героизма во время проведения специальной военной операции и «франжировал» его как обстоятельство, способное значительно снизить наказание, вполне уместна постановка вопроса о целесообразности реализации дозволения минимизировать такому лицу размер наказания способом, указанным в ч. 3 ст. 68 УК. На фоне взаимодействия подобного факта с другими обстоятельствами дела рецидив преступлений может показаться не столь существенным фактором, чтобы обусловить не только выбор наиболее строгого вида наказания, но и определение размера весьма далеко-

го от минимальной границы санкции. В свете сказанного считаем необходимым, чтобы двойственность толкования положения ч. 3 ст. 68 УК в этом плане была преодолена путем отказа здесь от употребления эпитета «предусмотренные» применительно к термину «смягчающие обстоятельства». А ссылку на ст. 61 УК целесообразно оформить в скобках.

С позиции необходимости обеспечения справедливости наказания наличие смягчающих обстоятельств само по себе не является достаточным основанием для снисхождения к рецидивисту, описанного в ч. 3 ст. 68 УК. Таковые всего лишь побуждают суд обсудить вопрос, имеется ли основание для подобного смягчения. Так, в одном из апелляционных постановлений понижение назначенного за преступление наказания с восьми до семи месяцев лишения свободы вышестоящий суд мотивировал лишь тем, что «оснований неприменения положений ч. 3 ст. 68 УК РФ в приговоре не приведено при наличии совокупности смягчающих обстоятельств»².

Что же касается искомого основания, то таковым может считаться лишь совокупность фактов, которые в своем сочетании свидетельствуют о возможности достижения цели наказания, вопреки общему правилу, хотя и посредством применения только наиболее строгого вида наказания из установленных законом за данное преступление, но меньшего размера, чем одна третья часть от максимальной величины, и тем самым указывающих на чрезмерную суровость минимального предела наказания, которое полагалось бы назначить при реализации ч. 2 ст. 68 УК.

О том, сложилась ли такая фактическая ситуация, правоприменитель должен судить, принимая во внимание как общие критерии справедливости наказания (ч. 3 ст. 60 УК), так и обстоятельства, отражающие специфику проявления данных критериев в отношении рецидивного преступного деяния (ч. 1 ст. 68 УК). При реализации положения ч. 3 ст. 68 УК, в отличие от случая, описанного в ч. 4 его же ст. 65, суд не вправе игнорировать отягчающие обстоятельства, хотя их наличие и не исключает в принципе рассматриваемый вариант уголовно-правового снисхождения. Чем больше будет таких обстоятельств и чем весомее они окажутся, тем больше должно возникать со-

мнений в необходимости отступления от правил, изложенных в ч. 2 ст. 68 УК. Ведь большинство подобных фактов относится к самому преступлению, а не только к личности виновного. По этой причине они есть двойное свидетельство повышенного уровня общественной опасности содеянного рецидивистом, способное сделать незаметной силу обстоятельств, участвующих в нейтрализации «главного факта», обуславливающего применение специфического правила ужесточения наказания.

В то же время и отсутствие отягчающих обстоятельств (помимо рецидива, разумеется) при наличии смягчающих не является определяющим для принятия положительного решения о проявлении судом данного вида снисхождения к подсудимому. Например, по меньшей мере противоречивыми выглядят судебные решения, в которых вывод о целесообразности назначения наказания без учета минимального предела, заданного ч. 2 ст. 68 УК, предваряется подробным описанием фактов, негативно характеризующих виновного³. И напротив, вполне убедительным представляется отказ в рассматриваемом смягчении наказания, когда в его обоснование положены данные о возрастании общественной опасности нового преступления относительно предыдущего, о специализации лица на совершении тождественных либо однородных преступлений, о значительно большем, чем необходимо для признания рецидива, количестве судимостей, имеющихся у виновного, о плохом поведении лица в период отбывания наказания, включая поведение в исправительном учреждении, а также иные сведения, отрицательно характеризующие его личность. К сожалению, столь обстоятельная аргументация далеко не всегда сопровождает решение об отказе от реализации предписания ч. 3 ст. 68 УК. Напротив, соответствующая мотивировка подчас выглядит излишне лаконичной. «Оснований для применения положений ч. 3 ст. 68 УК РФ Судебная коллегия не усматривает, исходя из фактических обстоятельств совершенного преступления и данных о личности осужденного Беднякова Д.Г.»⁴, – обнаруживаем в одном из апелляционных определений Верховного Суда РФ. В ряде случаев суды, забывая о том, что в ч. 3 ст. 68 УК говорится о различных вариантах смягчения наказания, в обоснование отказа от реализации этого поло-

жения ссылаются на отсутствие исключительных обстоятельств⁵. Между тем отсутствие исключительных обстоятельств есть препятствие для чрезвычайного смягчения наказания (ст. 64 УК), но отнюдь не для отрицания возможности поступить вопреки требованию ч. 2 ст. 68 УК.

Выскажем предположение, что количество последнего рода ошибок можно было бы минимизировать посредством небольшого структурного изменения в ст. 68 УК. Такое изменение должно заключаться в обособлении дозволения назначить рецидивисту более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии оснований для реализации ст. 64 УК в новой отдельной части анализируемой статьи Уголовного кодекса.

О пределах смягчения наказания рецидивисту при наличии «рядовых» смягчающих обстоятельств

Уместен вопрос и о смягчении наказания при реализации рассматриваемого основания для проявления снисхождения к рецидивисту. Казалось бы, законодателем указанная граница проведена вполне определенно по контуру нижнего предела санкции соответствующей статьи Особенной части. Однако названное ограничение не может быть правильно воспринято вне контекста самой ч. 3 ст. 68 УК, а также некоторых иных специальных правил назначения наказания. Следовательно, оно требует уточнения. Искомая минимальная граница на самом деле является не нижним пределом санкции статьи (ее части), а минимальной величиной указанной в санкции для наиболее сурового вида наказания. При рассматриваемом варианте смягчения участи виновного суд в соответствии с законом вправе снизить срок такого наказания, но не избежать определения именно его. В литературе, однако, встречаются утверждения обратного. В частности, подобное мнение высказал А.П. Севастьянов, несколько удивляясь при этом тому, что «применяя ч. 3 ст. 68 УК РФ в связи с наличием смягчающих обстоятельств, суды нередко предпочитают при рецидиве назначать наиболее строгое из имеющихся в санкции видов наказание» [3, с. 21]. Между тем причина такого рода решений заключается вовсе не в каких-либо предпочтениях представителей су-

дейского корпуса, а в их подчинении духу закона, который в данном случае полностью соответствует букве.

Иначе, думается, должен решаться вопрос о соответствии буквы смыслу закона применительно к другому аспекту реализации ч. 3 ст. 68 УК РФ. Ведь если толковать рассматриваемое законоположение буквально, можно заключить, что оно вовсе не рассчитано на случаи реализации санкций статей, в которых нижний предел не указан. Однако такой вывод явно противоречил бы принципу справедливости, ибо означал бы отрицание необходимости индивидуализации уголовного наказания с учетом смягчающих обстоятельств. Если последние в совокупности с другими обстоятельствами дела способны нейтрализовать влияние рецидива преступлений на наказание, его величина может быть менее 1/3 от максимального размера наиболее строгого вида наказания, установленного за конкретное преступление, и в том случае, когда нижняя граница этого вида наказания должна быть определена в соответствии с положениями Общей части УК РФ.

Считаем резонным в этой связи внесение предложения о дополнении пункта 48 упомянутого ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ абзацем такого содержания: «Применение части 3 статьи 68 о смягчении наказания при наличии обстоятельств, указанных в частях 1 и 2 статьи 61 УК РФ, допустимо и тогда, когда санкция соответствующей статьи Особенной части не содержит указания на нижний предел наиболее строгого вида наказания. Величина назначаемого наказания в этом случае не может быть ниже минимального предела, установленного для определенного вида наказания положениями Общей части УК РФ».

В результате нашего исследования определено основание преодоления виртуальной нижней границы санкции, установленной за рецидивное преступление, при наличии смягчающих обстоятельств, не являющихся исключительными, уточнены круг этих обстоятельств, а также пределы для такого смягчения наказания. На этой основе получены следующие выводы.

1. Основанием преодоления виртуальной нижней границы санкции, установленной за рецидивное преступление, служит совокупность фактов, которые в своем сочетании сви-

детельствуют о возможности достижения целей наказания, хотя и посредством применения только наиболее строго из его видов в такой санкции перечисленных, но в меньшем размере, чем одна третья часть от его максимальной величины. Поводом для постановки вопроса о наличии подобного основания с позиции обеспечения справедливости наказания должны выступать любые смягчающие обстоятельства, в том числе и не включенные в их законодательный перечень. Во избежание иного понимания правотворческой воли представляется целесообразным уточнить ссылку на ст. 61 в ч. 3 ст. 68 УК следующим образом: «смягчающие обстоятельства (статья 61 настоящего Кодекса)».

2. Непризнание судом исключительности смягчающих обстоятельств не может обуславливать отказ от ужесточения рецидивисту срока наиболее сурового вида наказания в пределах санкции соответствующей статьи. Таковое служит препятствием для чрезвычайного смягчения наказания в соответствии со ст. 64 УК. Для более четкой дифференциации различных оснований проявления снисхождения к лицу, допустившему рецидив преступлений, оговорить возможность применения к нему последней статьи резоннее в отдельной части ст. 68, а не в ее части 3, как это имеет место сейчас.

3. Указание в законе в качестве предела смягчения наказания за рецидив преступлений нижней границы санкции соответствующей статьи Особенной части УК следует интерпретировать с учетом контекста самой ч. 3 ст. 68 УК, а также некоторых иных специальных правил назначения наказания. А это предполагает признание таким пределом минимальной величины, указанной в санкции для наиболее сурового вида наказания, выбора которого при данном варианте уголовно-правового снисхождения суд избежать не вправе. Вместе с тем, исходя из принципа справедливости, смягчение наказания в соответствии с ч. 3 ст. 68 УК не исключается и тогда, когда нижний предел искомого вида наказания определяется на основании положений Общей части уголовного закона. В этой связи предлагается рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дополнить пункт 48 постановления № 58 абзацем соответствующего содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС Консультант Плюс.

² Апелляционное постановление Вологодского областного суда № 22-2411/2020 от 29 декабря 2020 г. по делу № 1-38/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iuTXuQXF6g1S/?ysclid=lwqk2w2y4724254305> (дата обращения: 21.11.2025).

³ См.: Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода № 1-239/2018 от 10 декабря 2018 г. по делу 1-239/2018. URL: <https://судебныерешения.рф/36810231> (дата обращения: 21.11.2025).

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 67-АПУ19-18 от 27 ноября 2019 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/apeliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27112019-n-67-apu19-18/?ysclid=miog7tcywa201912929> (дата обращения: 21.11.2025).

⁵ См.: Приговор Большеглушицкого районного суда Самарской области № 1-107/2019 от 13 ноября 2019 г. по делу № 1-107/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L1xK2F1mMzxZ/> (дата обращения: 21.11.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов, Л. Л. Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Кругликов Лев Леонидович. – М., 1985. – 29 с.

2. Дядькин, Д. Правила назначения наказания при рецидиве преступлений / Д. Дядькин // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 38–40.

3. Севастьянов, А. П. Назначение наказания при рецидиве преступлений / А. П. Севастьянов // Ведомости уголовно-исполнительной юстиции. – 2023. – № 7. – С. 18–27.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. *Pravovie sredstva obespecheniya spravedlivosti nakazaniya v protsesse yego individualizatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal means of ensuring the fairness of punishment in the process of its individualization]. Moscow, 1985. 29 p.

2. Dyadkin D. *Pravila naznacheniya nakazaniya pri retsidive prestuplenii* [Rules for sentencing in case of recidivism]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2008, no. 1, pp. 38–40.

3. Sevastyanov A.P. *Naznachenie nakazaniya pri retsidive prestuplenii* [Sentencing in case of recidivism]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoi yustitsii* [Bulletin of Penal Enforcement Justice], 2023, no. 7, pp. 18–27.

Information About the Authors

Lyubov V. Lobanova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lobanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-124X>

Maria A. Malimonova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, malimonova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9516-2388>

Информация об авторах

Любовь Валентиновна Лобанова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lobanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-124X>

Мария Андреевна Малимонова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, malimonova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9516-2388>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.15>

UDC 336:330.131.7

LBC 26.261-09

Submitted: 07.10.2025

Accepted: 08.12.2025

DECENTRALIZED FINANCE (DeFi): DEVELOPMENT PROSPECTS AND RISKS OF USE IN ILLEGAL ACTIVITIES

Arthur L. Stepanyan

Khimki City Prosecutor's Office, Khimki, Russian Federation

Introduction: the paper examines the phenomenon of decentralized finance (DeFi) as one of the most promising and at the same time controversial areas of the digital economy. DeFi is defined as an ecosystem of protocols and applications based on blockchain and smart contracts that allows financial transactions to be carried out without the intermediation of traditional institutions. It is noted that the key advantages of the technology are transparency, automation, reduction of transaction costs, and expansion of the accessibility of financial services. Simultaneously, risks associated with the lack of unified regulatory approaches, high vulnerability of smart contracts, the use of DeFi for unlawful purposes, and the uncertainty of legal liability are emphasized. Particular attention is paid to AML/KYC problems, as well as the use of DeFi platforms for money laundering of criminal proceeds.

Key words: DeFi, decentralized finance, money laundering, criminal proceeds.

Citation. Stepanyan A.L. Decentralized finance (DeFi): Development Prospects and Risks of Use in Illegal Activities. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 118-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.15>

УДК 336:330.131.7

ББК 26.261-09

Дата поступления статьи: 07.10.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ФИНАНСЫ (DeFi): ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Артур Левонович Степанян

Химкинская городская прокуратура, г. Химки, Российская Федерация

Аннотация: в статье рассматривается феномен децентрализованных финансов (DeFi) как одно из наиболее перспективных и в то же время противоречивых направлений цифровой экономики. DeFi определяется как экосистема протоколов и приложений на основе блокчейна и смарт-контрактов, позволяющая осуществлять финансовые операции без посредничества традиционных институтов. Отмечается, что ключевыми преимуществами технологии являются прозрачность, автоматизация, снижение транзакционных издержек и расширение доступности финансовых услуг. Одновременно подчеркиваются риски, связанные с отсутствием унифицированных подходов к регулированию, высокой уязвимостью смарт-контрактов, использованием DeFi в противоправных целях и неопределенностью юридической ответственности. Особое внимание уделяется проблемам AML/KYC, а также применению DeFi-платформ для отмыwania преступных доходов.

Ключевые слова: DeFi, децентрализованные финансы, легализация (отмывание), преступные доходы.

Цитирование. Степанян А. Л. Децентрализованные финансы (DeFi): перспективы развития и риски использования в незаконной деятельности // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 118–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.15>

Введение

Современная финансовая система переживает глубокие преобразования, вызванные стремительным развитием цифровых технологий и появлением инновационных решений в сфере распределенных реестров и смарт-контрактов. На этом фоне особое место занимает феномен децентрализованных финансов (Decentralized Finance, DeFi), который можно рассматривать как один из наиболее перспективных и в то же время дискуссионных направлений цифровой экономики. Данная технология представляет собой экосистему протоколов и приложений, функционирующих на базе блокчейна, что позволяет осуществлять финансовые операции без посредничества традиционных институтов – банков, бирж или иных регулируемых организаций.

Актуальность исследования DeFi обусловлена тем, что подобные решения открывают доступ к финансовым услугам для широкого круга пользователей, включая тех, кто по различным причинам оказывается вне традиционной финансовой инфраструктуры. Прямое взаимодействие участников на основе смарт-контрактов обеспечивает прозрачность, автоматизацию и скорость операций, формируя новые модели доверия в экономике. Вместе с тем столь радикальное изменение финансовой архитектуры сопровождается возникновением целого спектра рисков: отсутствием унифицированных подходов к регулированию, возможностью использования DeFi в противоправных целях, высоким уровнем технологической уязвимости и неопределенностью в вопросах юридической ответственности.

В научном плане децентрализованные финансы представляют собой уникальное явление, находящееся на пересечении экономики, права и информационных технологий. Их изучение позволяет выявить не только новые формы организации финансовых отношений, но и ограничивающие факторы, препятствующие полноценной интеграции DeFi в глобальную финансовую систему. Практическая значимость заключается в необходимости поиска баланса между инновационным потенциалом и мерами контроля, направленными на снижение системных рисков и противодействие финансовым преступлениям.

В последние годы особое внимание уделяется тому, что децентрализованные платформы, наряду с очевидными преимуществами, становятся инструментом для легализации преступных доходов и обхода регуляторных ограничений. Учитывая транснациональный характер таких операций, это порождает серьезные вызовы для национальных юрисдикций и международных институтов. В этой связи вопросы правового осмысления, разработки механизмов аудита и создания эффективных алгоритмов мониторинга транзакций выходят на первый план в повестке исследователей и регуляторов.

Таким образом, изучение децентрализованных финансов приобретает комплексный характер: с одной стороны, оно позволяет проанализировать перспективы формирования новой парадигмы финансовой инфраструктуры, основанной на принципах децентрализации, прозрачности и алгоритмического управления; с другой – выявить угрозы и противоречия, связанные с их развитием. В условиях цифровой трансформации экономики исследование DeFi становится важным элементом научного и практического дискурса, ориентированного на поиск оптимальных моделей регулирования и интеграции инноваций в современную финансовую систему.

Литературный обзор

Феномен децентрализованных финансов (DeFi) является сравнительно новым объектом научного анализа, что отражается как в ограниченном числе фундаментальных исследований, так и в высокой междисциплинарности подходов (см., например: [2; 5–13]).

Так, например, А.В. Гаврилин, А.А. Задорин, И.С. Шилов рассматривают как российский финансовый сектор реагирует на DeFi: выделяют ключевые тренды, уровни адаптации, а также основные риски, с которыми сталкиваются отечественные участники [3]. М.А. Абрамова, С.В. Криворучко, О.В. Луников, А.Б. Фиапшев исследуют теоретические основы DeFi, методологические подходы, а также особенности, отличающие децентрализованную финансовую систему, что позволяет понять, с чего и как развивалась тема в диалоге российских исследователей [1]. Р. Р. Гудда-

саров, М.Г. Жигас анализируют специфику российского рынка DeFi: правовые условия, технологические компоненты, интерес со стороны пользователей, а также потенциал интеграции с традиционными финансовыми институтами [4]. Я. Синь предлагает обзор состояния DeFi: развитие технологии в мировом контексте, риски для традиционной финансовой индустрии, возможные сценарии роста [6]. Статья журнала Russian Journal of Management – «Трансформация традиционных финансовых институтов в контексте развития децентрализованных финансовых инструментов (DeFi)» посвящена тому, как традиционные финансовые институты в России трансформируются (или могут трансформироваться) под влиянием DeFi-инструментов.

В свою очередь зарубежные исследователи подчеркивают неопределенность понятия «децентрализация», что осложняет разработку нормативных рамок и определение юридической ответственности за деятельность протоколов.

Значительное внимание уделяется рискам и угрозам, связанным с функционированием DeFi. Так, в частности, фиксируется рост случаев использования DeFi для отмывания преступных доходов и финансирования нелегальной деятельности, что ставит перед регуляторами задачу поиска новых механизмов мониторинга транзакций.

Результаты

Технология децентрализованных финансов (Decentralized Finance, DeFi) представляет собой совокупность протоколов и приложений, функционирующих на основе блокчейн-технологий и смарт-контрактов, обеспечивающих выполнение финансовых операций без участия централизованных посредников. В отличие от традиционных финансовых систем, где ключевую роль играют банки, биржи и другие регулируемые организации, DeFi использует децентрализованную архитектуру, позволяющую пользователям напрямую взаимодействовать друг с другом в процессах кредитования, инвестирования, обмена активами и иных финансовых транзакций. С научной точки зрения DeFi можно рассматривать как новый этап эволюции финансовой инфраструктуры, основанный

на принципах децентрализации, прозрачности и алгоритмического управления, что открывает как новые возможности, например, расширение финансовой доступности, так и новые вызовы, в частности, в вопросах регулирования, безопасности и устойчивости.

Фактически DeFi представляет собой «финансовую систему без банка». Так, например, если два человека хотят обменяться деньгами или один хочет занять у другого, то в обычной жизни они должны идти в банк или пользоваться сервисом-посредником. В DeFi посредник не нужен – все делает специальная программа в блокчейне. Эта программа работает как «умный сейф»: она сама проверяет условия сделки и исполняет их, никому нельзя ее подкупить или выключить. Таким образом, каждый человек с доступом к интернету может пользоваться финансовыми услугами напрямую.

Практическим примером технологии DeFi служат децентрализованные биржи (DEX), где обмен криптовалюты происходит напрямую между пользователями: достаточно внести активы в смарт-контракт, и он автоматически подбирает подходящую сделку. Аналогичным образом действуют протоколы кредитования: один пользователь может предоставить свои средства в качестве ликвидности, а другой взять их в заем, при этом все условия исполняются алгоритмически, без вмешательства банка. Это делает DeFi удобным инструментом для тех, кто ищет доступ к финансовым услугам за пределами традиционной системы.

Таким образом, децентрализованные финансы (DeFi) следует рассматривать как инновационное направление в развитии цифровой экономики, способное трансформировать традиционные подходы к организации финансовых услуг. Их ключевое преимущество заключается в устранении посредников и обеспечении прямого взаимодействия между участниками рынка на основе смарт-контрактов, что повышает скорость, прозрачность и доступность операций. С научной точки зрения DeFi демонстрирует формирование новой парадигмы финансовой архитектуры, где алгоритмы и распределенные реестры становятся функциональными аналогами банковских и платежных институтов.

Технология DeFi не имеет единственного «автора» или изобретателя – она возникла как результат развития блокчейн-экосистемы после появления Ethereum. Основой для DeFi стал Ethereum (2015 г.), созданный Виталиком Бутериным и его командой. Именно в Ethereum впервые были реализованы смарт-контракты, которые позволяют автоматически исполнять условия финансовых сделок без посредников. Первым полноценным проектом, который принято считать началом эры DeFi, стал протокол MakerDAO (2017 г., основатель – Рун Кристенсен). Он позволял пользователям выпускать стейблкоин DAI под залог криптовалюты и брать децентрализованные кредиты.

Позднее появились другие ключевые проекты:

- Uniswap (2018, Хайден Адамс) – первая децентрализованная биржа (DEX) на автоматических маркет-мейкерах;
- Compound (2018, Роберт Лешнер) – протокол кредитования и заимствования;
- Aave (2017/2020, Стане Колечов) – платформа децентрализованных займов.

Однако, несмотря на ряд преимуществ, развитие децентрализованных финансов (DeFi) породило также целый спектр новых инструментов, которые создают дополнительные возможности для преступных группировок, занимающихся наркоторговлей в даркнете.

До распространения криптовалют и децентрализованных сервисов основная стратегия преступных организаций включала использование «обналичивающих центров», офшорных счетов и фиктивных компаний. Эти методы требовали значительных временных и финансовых затрат и были относительно уязвимы для финансового мониторинга.

С появлением криптовалют процесс упростился: платежи за наркотики в даркнете чаще всего принимаются в Bitcoin или Monero. Однако отслеживание транзакций в Bitcoin возможно благодаря публичной природе блокчейна. Именно поэтому преступные группы все чаще обращаются к инструментам DeFi, которые позволяют «размывать» следы транзакций и скрывать происхождение средств.

К инструментам DeFi, используемым для «обеления» криминальных доходов, относятся следующие.

1. Криптовалютные миксеры (Tornado Cash, ChipMixer и др.). Позволяют объединять средства разных пользователей в общий пул, а затем выводить их на новые адреса, что делает невозможным простое сопоставление входящих и исходящих транзакций.

2. Кросс-чейн мосты (Cross-chain bridges). Преступники используют их для перемещения средств между разными блокчейнами (например, с Ethereum на Binance Smart Chain или Polygon). Это усложняет отслеживание, так как средства меняют не только кошельки, но и экосистему, где они обращаются.

3. DeFi-платформы для стейкинга и кредитования (Aave, Compound и др.). Здесь средства можно временно вложить или использовать как залог для получения «чистого» кредита в другой криптовалюте. В итоге первоначальный источник становится менее очевидным.

4. Протоколы конфиденциальности (Monero, Zcash, Secret Network). Хотя формально они не всегда относятся к DeFi, их часто комбинируют с DeFi-сервисами для достижения полной анонимности.

Так, например, в 2021 году Европол зафиксировал рост случаев, когда торговцы наркотиками переводили средства из даркнета через миксеры и затем перемещали их в DeFi-платформы для кредитования. Полученные кредиты позволяли им выводить активы в «чистом» виде через централизованные биржи, минуя прямую привязку к незаконным транзакциям.

Таким образом, несмотря на то что все транзакции в DeFi публичны, их анализ требует специальных алгоритмов блокчейн-форензики. Даже при наличии таких инструментов (например, у Chainalysis, Elliptic или TRM Labs) конечная идентификация владельцев кошельков остается проблемой, так как DeFi-платформы не требуют прохождения KYC (проверки личности).

Кроме того, высокая скорость и автоматизация транзакций позволяют преступникам перемещать миллионы долларов всего за несколько минут, что лишает правоохранительные органы времени на оперативное вмешательство.

Правовое регулирование децентрализованных финансов (DeFi) в различных государ-

ствах демонстрирует значительную неоднородность, отражающую различия в институциональных моделях и уровне готовности национальных правопорядков к интеграции новых финансово-технологических решений. Анализ представленной статьи и сопоставление ее выводов с международной практикой выявляют общее стремление государств выработать нормативные механизмы, способные обеспечить баланс между инновационным потенциалом DeFi и необходимостью предотвращения финансовых рисков, включая угрозы отмывания преступных доходов, мошенничества и обхода регулятивных требований.

В Европейском Союзе ключевым инструментом выступает регламент MiCA, который вводит комплекс требований к эмитентам криптоактивов и поставщикам услуг виртуальных активов. Однако полностью децентрализованные протоколы формально не подпадают под жесткое регулирование, поскольку в них отсутствует идентифицируемый субъект, способный нести ответственность за функционирование системы. Такое решение позволяет поддерживать развитие инновационных проектов, но одновременно создает зону нормативной неопределенности, приводящую к рискам фрагментации правоприменительной практики. В ряде государств-членов ЕС предпринимаются попытки компенсировать этот пробел за счет введения добровольных стандартов безопасности и аудита смарт-контрактов, а также посредством правовых экспериментальных режимов.

В Соединенных Штатах регулирование DeFi строится преимущественно на прецедентно-правовом подходе. Федеральные агентства, прежде всего SEC, CFTC и FinCEN, исходят из функциональной, а не технической классификации протоколов: если DeFi-платформа по фактическим характеристикам напоминает биржу, брокера или кредитную организацию, она может быть признана объектом соответствующего регулирования. Даже при высокой степени децентрализации американские регуляторы склонны находить «ответственное лицо», будь то разработчик интерфейса, держатели управляющих токенов или администраторы ключевых технических элементов. Такая практика формирует строгую модель ответственности, заставляющую раз-

работчиков радикально увеличивать степень автономности кода и отказываться от любых механизмов централизованного влияния на протокол.

Азиатские юрисдикции демонстрируют широкий спектр подходов – от полного запрета до технологически открытых, но жестко контролируемых моделей. Сингапур, придерживаясь стратегии стимулирования инноваций, одновременно вводит строгие AML/KYC-требования для операторов интерфейсов и поставщиков связанных услуг, распространяя на них нормы законодательства о цифровых платежах. Южная Корея делает акцент на защите потребителей и прозрачности операций, что приводит к распространению регулятивного режима даже на сервисы, лишь опосредованно связанные с DeFi. Китай, напротив, сохраняет запрет на оборот криптовалют, что практически исключает легальное развитие DeFi, хотя элементы блокчейн-технологий активно интегрируются в систему национальной цифровой валюты.

Особый интерес представляет опыт Объединенных Арабских Эмиратов, где создана одна из наиболее продвинутых моделей регулирования цифровых активов в мире. Дубайское управление по регулированию виртуальных активов (VARA) и регулирующие органы свободных экономических зон Абу-Даби (ADGM) внедрили комплексную систему, ориентированную на разрешительный и риск-ориентированный подход. В отличие от многих других государств, ОАЭ допускают работу DeFi-проектов при условии соблюдения требований к кибербезопасности, устойчивости смарт-контрактов, финансовой отчетности и встроенных механизмов AML-контроля. Регулятор устанавливает обязательства для операторов пользовательских интерфейсов и администраторов ликвидности, одновременно создавая условия для экспериментирования в правовых песочницах. Такой подход позволил объединить строгие стандарты финансовой безопасности с высокой привлекательностью юрисдикции для глобальных криптофинансовых проектов.

В России регулирование децентрализованных финансов (DeFi) находится на стадии формирования и носит преимущественно косвенный характер. Действующие законы признают

криптовалюты как имущество и регулируют цифровые финансовые активы, однако полностью децентрализованные протоколы пока не имеют отдельного правового статуса, а использование криптовалют в качестве официального платежного средства запрещено.

Регуляторы отмечают высокие риски для пользователей и финансовой системы, связанные с отсутствием централизованного оператора, сложностью контроля операций и возможностью мошенничества. В связи с этим обсуждаются меры по внедрению обязательной идентификации пользователей и контролю транзакций, а также возможные экспериментальные правовые режимы для легального функционирования отдельных DeFi-проектов. В то же время недостаток стандартов аудита смартконтрактов и финансовой прозрачности создает значительные препятствия для интеграции DeFi в национальную финансовую систему. Таким образом, на сегодняшний день DeFi в России находится в «серой зоне», где часть его аспектов регулируется через существующие нормы, но полноценное законодательное регулирование пока не сформировано.

Обсуждение

Представленные результаты исследования находят подтверждение в современной научной и прикладной литературе, а также в ряде экспертных дискуссий, что свидетельствует об апробированности поднятой проблематики в академических кругах. В последние годы феномен децентрализованных финансов активно обсуждается на международных конференциях по блокчейн-технологиям, цифровой экономике и финансовому праву, где акцент делается как на инновационном потенциале DeFi, так и на связанных с ним правовых и регуляторных вызовах. Работы зарубежных исследователей неоднократно становились предметом обсуждения в профессиональных научных сообществах и сформировали основу для дискуссий о роли децентрализованных протоколов в будущем финансовых систем.

В российском научном пространстве интерес к DeFi также растет. Проблематика децентрализованных финансов поднимается

на таких мероприятиях, как ежегодная Международная конференция «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР), форум «Цифровая экономика» при Высшей школе экономики, а также на секциях Санкт-Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), где обсуждаются перспективы и риски внедрения DeFi в национальную финансовую систему, а также в научных публикациях где рассматриваются как технологические аспекты DeFi, так и вопросы регулирования цифровых финансовых активов в России.

Таким образом, рассматриваемая тема обладает высокой степенью актуальности и включена в широкий академический и экспертный дискурс, что подтверждает ее апробированность и необходимость дальнейшего теоретического осмысления и практической проработки в научных и профессиональных кругах.

Заключение

Проведенное исследование показало, что децентрализованные финансы (DeFi) представляют собой одно из наиболее значимых инновационных направлений в развитии цифровой экономики, формирующее новые подходы к организации финансовых услуг. В отличие от традиционных финансовых институтов, DeFi основывается на принципах децентрализации, прозрачности и алгоритмического управления, что позволяет обеспечить прямое взаимодействие между участниками рынка без посредничества банков и иных организаций.

В ходе анализа было выявлено, что ключевыми преимуществами DeFi являются снижение транзакционных издержек, расширение доступности финансовых инструментов, автоматизация исполнения сделок и повышение уровня прозрачности. Эти особенности делают DeFi важным фактором цифровой трансформации экономики и создают предпосылки для формирования новой парадигмы финансовых отношений.

Вместе с тем развитие децентрализованных финансов сопровождается рядом рисков и противоречий. Наиболее значимыми из них являются высокая уязвимость смарт-контрактов, возможность использования DeFi-плат-

форм в криминальных целях, отсутствие единых стандартов регулирования и неопределенность юридического статуса участников и протоколов. Практика показывает, что несмотря на публичность транзакций, их анализ требует специализированных алгоритмов блокчейн-форензики, а низкая эффективность традиционных мер AML и KYC создает дополнительные сложности для правоохранительных органов.

Сравнительный анализ международного и российского опыта регулирования демонстрирует не только фрагментарность и неоднородность существующих подходов, но и наличие принципиально различных регулятивных стратегий. В Европейском Союзе и Соединенных Штатах предпринимаются последовательные попытки интегрировать DeFi в правовое поле посредством разработки норм, направленных на регулирование стейблкоинов, идентификацию субъектов, связанных с управлением протоколами, и установление требований к поставщикам пользовательских интерфейсов и инфраструктурных сервисов. При этом США фактически формируют прецедентную модель, приравнивая отдельные компоненты DeFi к классическим финансовым посредникам, тогда как ЕС применяет более «зонтичный» режим, позволяющий регулировать связанные с DeFi услуги без прямого вмешательства в полностью децентрализованные протоколы.

В государствах Ближнего Востока – прежде всего в ОАЭ – прослеживается более комплексный и институционально выстроенный подход: регуляторы, такие как VARA и ADGM, допускают легальное функционирование DeFi-проектов при условии соблюдения требований к устойчивости смарт-контрактов, кибербезопасности, прозрачности операций и встроенной AML/KYC-архитектуры. Эта модель демонстрирует возможность сочетания строгого регулирования с созданием благоприятной среды для развития инноваций.

На этом фоне российская ситуация существенно отличается: децентрализованные финансы фактически остаются в правовой «серой зоне», регулируясь лишь косвенными нормами о цифровых финансовых активах, имуществе и противодействии отмыыванию преступных доходов. Отсутствие специализи-

рованного правового режима, а также запрет на использование криптовалют в качестве платежного средства затрудняют интеграцию DeFi в формальный финансовый сектор и препятствуют легитимному развитию соответствующих сервисов.

DeFi следует рассматривать как амбивалентное явление, сочетающее в себе значительный инновационный потенциал и существенные риски. Их дальнейшее развитие во многом будет зависеть от способности научного сообщества, разработчиков и регуляторов сформировать устойчивую модель функционирования, в которой сохранение принципов децентрализации будет гармонично сочетаться с обеспечением правовой определенности и защитой интересов пользователей. Перспективным направлением будущих исследований видится углубленное изучение практик регулирования, методов аудита смарт-контрактов и алгоритмов анализа транзакций, что позволит не только укрепить доверие к DeFi, но и интегрировать его в глобальную финансовую инфраструктуру.

Обобщение международной практики позволяет сформулировать ряд выводов, важный для выработки оптимальной модели регулирования децентрализованных финансов. Во-первых, наиболее устойчивыми оказываются режимы, основанные на функциональном подходе: регулироваться должны не технологии как таковые, а выполняемые ими экономические функции и связанные с ними риски.

Во-вторых, эффективным является многоуровневый подход к ответственности, предусматривающий различный объем обязательств для разработчиков кода, администраторов интерфейсов, операторов ликвидности и иных участников экосистемы.

В-третьих, значительное значение имеют стандарты безопасности – прежде всего аудит смарт-контрактов, управление ключами, обеспечение устойчивости протокола и прозрачность алгоритмических механизмов.

В-четвертых, регулирование стейблкоинов, являющихся основным «входом» в DeFi, выступает важнейшим элементом предотвращения системных рисков и повышения финансовой стабильности.

Наконец, правовые песочницы и экспериментальные режимы, применяемые в ЕС,

Сингапуре и ОАЭ, оказываются наиболее эффективным инструментом для постепенной адаптации законодательства к быстро меняющимся технологиям без избыточного ограничения инноваций.

Таким образом, опыт различных государств демонстрирует, что регулирование DeFi должно сочетать гибкость и технологическую нейтральность с высоким уровнем требований к финансовой прозрачности и безопасности. Успешная модель представляет собой не запрет или жесткое лицензирование децентрализованных протоколов, а создание нормативной среды, в которой инновационные финансовые технологии могут развиваться при наличии четких критериев ответственности, продуманных механизмов правоприменения и инструментов контроля рисков, соответствующих природе децентрализованных систем. В этом контексте международная практика предоставляет значительный массив решений, которые могут быть использованы национальными законодательствами для формирования устойчивой и прогрессивной правовой инфраструктуры DeFi.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретико-методологический взгляд на предпосылки возникновения и особенности функционирования децентрализованных финансов / М. А. Абрамова, С. В. Криворучко, О. В. Луняков, А. Б. Фиашев // Журнал Финансы: теория и практика. – 2025. – № 29 (1). – С. 80–96.
2. Алешина, А. В. Децентрализованные финансы (DeFi): риски, перспективы и регулирование / А. В. Алешина, А. Л. Булгаков // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 12. – С. 23–28.
3. Гаврилин, А. В. Децентрализованные финансы (DeFi) в России: современные тенденции и риски / А. В. Гаврилин, А. А. Задорин, И. С. Шилов // Журнал Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 10. – С. 127–132.
4. Гуддасаров, Р. Р. Развитие рынка децентрализованных финансов (DeFi) в Российской Федерации / Р. Р. Гуддасаров, М. Г. Жигас // Управленческий учет. – 2024. – № 11. – С. 105–110.
5. Сидоренко, Э. Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы / Э. Л. Сидоренко // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 3 (196). – С. 87–99.
6. Синь, Я. Децентрализованные финансы (DeFi): современные тенденции и проблемы разви-

тия / Я. Синь // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 8. – С. 229–231.

7. Пашковская, И. В. Децентрализованные финансы и перспективы создания двухконтурной экономики / И. В. Пашковская // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 4. – С. 78–85.

8. Петров, А. М. Трансформация традиционных финансовых институтов в контексте развития децентрализованных финансовых инструментов (DeFi) / А. М. Петров. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/90235/view>

9. Проблемы и перспективы развития криптовалюты в современной финансовой системе Российской Федерации / И. Ю. Юрин, Е. Г. Берберова, С. Г. Мурадова, М. В. Флоринская // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 4 (110).

10. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies / A. Narayanan, J. Bonneau, E. Felten, A. Miller, & S. Goldfeder. – URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=2905133>

11. Schär F. Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract-based Financial Markets. – URL: <https://www.stlouisfed.org/publications/review/2021/02/05/decentralized-finance-on-blockchain-and-smart-contract-based-financial-markets>

12. Harvey, C. R. DeFi and the Future of Finance / C. R. Harvey, A. Ramachandran, G. Santoro. – URL: <https://www.wiley.com/en-us/DeFi+and+the+Future+of+Finance-p-9781119836025>

13. Cryptocurrencies: Tracing the Evolution of Criminal Finances. – URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/cryptocurrencies-tracing-evolution-of-criminal-finances>

REFERENCES

1. Abramova M.A., Krivoruchko S.V., Lunyakov O.V., Fiapshev A.B. A theoretical and methodological view on the prerequisites for the emergence and functioning of decentralized finance. *Journal Finance: theory and Practice*, 2025, no. 29 (1), pp. 80-96.
2. Alyokhina A.V., Bulgakov A.L. Decentralized systems (DeFi): research, forecast and regulation. *Innovative markets and banks*, 2022, no. 12, pp. 23-28.
3. Gavrilin A.V., Zadorin A.A., Silov I.S. Decentralized companies (DeFi) in Russia: modern markets and risks. *Foreign markets and investments. banks*, 2024, no. 10, pp. 127-132.
4. Guddasarov R.R., Zhigas M.G. Development of the market of decentralized systems (DeFi) in the Russian Federation. *Managerial accounting*, 2024, no. 11, pp. 105-110.

5. Sidorenko E.L. Pravovoy status detsentralizovannykh finansov: k postanovke problemy. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 3 (196), pp. 87-99.

6. Xin Ya. Decentralized systems (DeFi): new trends and promising developments. *Innovations and Investments*, 2023, no. 8, pp. 229-231.

7. Pashkovskaya I.V. Decentralized finance and prospects for creating a two-circuit economy. *Financial markets and banks*, 2023, no. 4, pp. 78-85.

8. Petrov A.M. *Transformation of traditional financial institutions in the context of the development of decentralized financial instruments (Devi)*. URL-address: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/90235/view>

9. Yurin I.Yu., Berberova E.G., Muradova S.G., Florinskaya M.V. Problems and prospects of cryptocurrency development in the modern financial system of the Russian Federation. *Management of*

economic systems: electronic scientific journal, 2018, no. 4 (110), P. 33

10. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., Miller A., Goldfeder S. *Bitcoin and cryptocurrency technologies*. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=2905133>

11. Sher F. *Decentralized finance: in financial markets based on blockchain, smart contracts and*. URL: <https://www.stlouisfed.org/publications/review/2021/02/05/decentralized-finance-on-blockchain-and-smart-contract-based-financial-markets>.

12. Harvey K.R., Ramachandran A., Santor G. *Devi and budushinansov*. URL: <https://www.wiley.com/en-us/DeFi+and+the+Future+of+Finance-p-9781119836025>.

13. *Cryptocurrencies: tracing the evolution of criminal finance*. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/cryptocurrencies-tracing-evolution-of-criminal-finances>.

Information About the Author

Arthur L. Stepanyan, Leading Specialist, Khimki City Prosecutor's Office, Mayakovskogo St, 30, 141400 Khimki, Russian Federation, 9994099@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4369-7318>

Информация об авторе

Артур Леонович Степанян, ведущий специалист, Химкинская городская прокуратура, ул. Маяковского, 30, 141400 г. Химки, Российская Федерация, 9994099@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-4369-7318>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

UDC 343.21:347

LBC 67.408.018

Submitted: 01.12.2025

Accepted: 08.12.2025

THE INFLUENCE OF THE NATURE OF CIVIL-LAW RELATIONS ON THE CRIMINAL-LAW QUALIFICATION OF AN ACT

Oleg N. Pikurov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: modern legal science increasingly reveals the interpenetration of various branches of law, necessitating the identification of their points of contact. It is traditionally held that criminal law serves a protective function. Consequently, it is important to determine how changes in relations regulated by civil law norms affect the criminal-law assessment of an act that infringes upon such relations, and what knowledge a law enforcer should possess for the most precise qualification of a crime. The **purpose** of the research is to identify, based on historically established judicial practice, the regular trends in how criminal law perceives norms belonging to other branches and the degree of their mutual influence. **Methods:** the author employed both the general scientific methods (system approach, analysis, the historical method) and special methods: comparative law and formal legal. **Conclusions:** the study has established that the problem of assessing the correct application of criminal-law norms depending on the essential characteristics of the crime's object has deep historical roots. Currently, in the context of increasingly complex social relations, law enforcers are required to understand the nature of the protected social relations, looking beyond purely criminal-law content. Moreover, civil-law norms, when intersecting with criminal-law norms, may undergo modifications in their meaning, taking into account the specifics of public-law liability.

Key words: blanket disposition, use of norms from other branches of law, cross-branch connections, taking possession, lost profit, infliction of property damage through deceit or abuse of trust.

Citation. Pikurov O.N. The Influence of the Nature of Civil-Law Relations on the Criminal-Law Qualification of an Act. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 127-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

УДК 343.21:347

ББК 67.408.018

Дата поступления статьи: 01.12.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ ДЕЯНИЯ

Олег Николаевич Пикуров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современной науке права все более прослеживается взаимопроникновение различных отраслей, что требует нахождения точек их соприкосновения. Традиционно считается, что уголовное право выполняет охранительную функцию, в связи с чем представляется важным определить: каким образом изменение отношений, регулируемых нормами гражданского права, влияет на уголовно-правовую оценку деяния, посягающего на такие отношения, и какими знаниями правоприменителю следует обладать для наиболее точной квалификации преступления. **Цель исследования** состоит в том, чтобы на основании исторически сложившейся судебной практики выявить закономерные тенденции восприятия уголовным правом норм иной отраслевой принадлежности и степень их взаимовлияния. **Методы:** автором использовались как общенаучные методы системности, анализа, исторический, так и специальные: сравнительно-правовой, формально-юридический. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что проблема оценки правильного применения уголовно-правовых норм в зависимости от сущностной характеристики объекта преступления имеет глубокие исторические корни. В настоящее время в условиях усложнения общественных связей правоприменителю требуется понимать природу охраняемых общественных отношений,

выходя за рамки чисто уголовно-правового содержания. Более того, гражданско-правовые нормы, соприкасаясь с уголовно-правовыми, могут видоизменять свое значение с учетом особенностей публично-правовой ответственности.

Ключевые слова: бланкетная диспозиция, использование норм иной отраслевой принадлежности, межотраслевые связи, завладение, упущенная выгода, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Цитирование. Пикуров О. Н. Влияние характера гражданско-правовых отношений на уголовно-правовую квалификацию деяния // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 127–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.16>

Введение

Взаимосвязь уголовного права и гражданского права с давних пор находится в центре внимания ученых. Развивается теория влияния одной отрасли на другую, исследуются различные аспекты этого взаимоотношения. Однако не менее важным является вопрос о пределах такой взаимосвязи и выявлении тех ее аспектов, где она прерывается и где вновь начинает работать. Подобная связь прослеживается с самого начала кодификации отраслевых норм на всех исторических этапах, но в нынешний период появляются новые аспекты, связанные как с развитием институтов уголовного права, так и самих охраняемых им общественных отношений, регулирование которых осуществляется гражданско-правовой сферой. Думается, не вызовет серьезных споров утверждение, что правоприменитель в сфере уголовного судопроизводства должен разбираться в цивилистическом блоке юридических норм. Это прежде всего очевидно в составах преступлений с бланкетной диспозицией. Но насколько должен быть универсалом, к примеру, следователь, квалифицируя деяние, подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. С одной стороны, признаки состава здесь могут быть определены без обращения к нормам иной отраслевой принадлежности (и, таким образом, бланкетность отсутствует), однако в ней фигурируют термины, уяснение которых требует добротного знания правомочий собственника. Да и над тем, что понимается под имуществом, задумается в отдельных случаях даже самый грамотный специалист в области гражданского права.

Можно возразить, что для применения уголовно-правовых норм нет необходимости вдаваться в столь глубокие рассуждения о предмете хищения, поскольку его суть опре-

деляется здравым смыслом, житейским опытом, а самое главное – каких-либо ссылок на иное законодательство не требуется.

Вопрос между тем не праздный. Он тесно связан с извечной дискуссией о самостоятельности предмета уголовно-правового регулирования и его решение носит производный характер от определения круга охраняемых общественных отношений.

Взаимосвязь гражданско-правовых отношений и преступления на примере начального периода развития Советского уголовного права

Весьма ценной для анализа взаимосвязи гражданско-правовых отношений и квалификации преступления представляется надзорная практика Народного Комиссариата Юстиции РСФСР (далее – НКЮ) начала 20-х годов прошлого века – периода, когда еще только велась работа по созданию советского кодифицированного законодательства. Так, некий Архипов народным судом г. Кургана был признан виновным в присвоении вещей умершего сына Николая [2]. Свои притязания он основывал на совершенной еще при царской власти купчей крепости, утратившей к этому времени свое правовое значение. Приговор в отношении Архипова, действия которого квалифицировались как присвоение, оставлен отделом высшего судебного контроля НКЮ в силе. Примечательно, что в решении отсутствовала ссылка на уголовное законодательство, хотя на тот момент существовали разрозненные декреты, относящиеся к этой отрасли права, да и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР были разработаны еще в 1919 году. Вместе с тем в обоснование виновности лица приводилась ссылка на ст. 9 декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27.04.1918 «Об от-

мене наследования». К слову, вопреки расхожему критическому мнению, часто основывающемуся лишь на названии указанного документа, он *de facto* не отрицал института наследования. Более того, в нашем случае именно благодаря этой норме судом были защищены права потерпевших, поскольку она закрепляла за вдовой Николая, имевшей на иждивении малолетних детей, право на непосредственное распоряжение и пользование оставшимся после мужа имуществом.

Приведенное судебное решение носит ярко выраженный уголовно-правовой характер, однако в нем указывается только гражданско-правовой нормативный акт. Говорит ли это об отсутствии в уголовном праве собственного предмета правового регулирования? Первый, поверхностный вывод – уголовное право «придасток» иных отраслей и охраняет лишь то, что ими закреплено. С другой стороны перед уголовным правом стоят свои цели и задачи, не сводимые к целям и задачам гражданского права, а в некоторых случаях, исходя именно из них, следует анализировать гражданско-правовое содержание. Стоит отметить, что автор настоящей статьи разделяет суждение о признании объектом преступления общественных отношений. Применительно к правовой форме отношений в сфере экономической деятельности как объекту преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, Л.В. Лобанова поддерживает равнозначность выражений «установленный порядок» и «совокупность правоотношений» [4]. В рассматриваемом примере периода судебного нормотворчества суть уголовно-правового запрета присвоения чужого имущества закреплена через запрет действовать в обход установленному порядку, и этот запрет не зависит от многообразных форм его ненаказуемого завладения или, вернее, ненаказуемого обращения в свою пользу.

Данная оговорка вызвана тем, что мы попутно выходим еще на одну проблему. Ученые – специалисты в области уголовного права устойчиво оперируют термином «завладение», понимая под ним процесс перехода к виновному такого правомочия собственника как владение: «хищение в разных его формах предполагает завладение чужим имуще-

ством» [10], «виновный завладевает чужим имуществом, находившимся до этого во владении потерпевшего» [11], «как только совершаются с корыстной целью противоправные действия по утаиванию телефона, его сокрытию, т.е. невозвращению, содеянное квалифицируется как завладение чужим имуществом путем его присвоения» [1], этот же термин фигурирует и в судебных решениях. Однако, как отмечается в цивилистической доктрине, указанный термин не имел в дореволюционном отечественном законодательстве и не имеет до настоящего времени четкого формального определения, что как и сто с лишним лет назад, неизбежно ведет к его многозначности на практике [3].

Таким образом, наука уголовного права и практика, нередко самостоятельно очерчивают круг общественно опасных деяний. Что немаловажно, соотнося свое поведение лишь с уголовно-правовым запретом, лицо не нарушит требований иных отраслей права. Это на наш взгляд свидетельствует в пользу его регулятивной функции.

Понятие упущенной выгоды и квалификация имущественных посягательств в современной судебной практике

В современной судебной практике встречаются ситуации, при которых формулировки гражданского законодательства претерпевают корректировку с учетом отраслевых функций уголовного права.

Так, 28 февраля 2018 г. Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 165 УК РФ в связи с тем, что он 8 августа 2016 г. получил в аренду земельные участки с целью жилой застройки, обойдя при этом процедуру торгов путем введения в заблуждение муниципального образования о наличии там объектов незавершенного строительства. Государственная регистрация договоров аренды не состоялась после вмешательства правоохранительных органов. Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о наличии ущерба, причиненного путем обмана и злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, поскольку муниципальный бюджет за три года

недополучил бы арендную плату за земельные участки в размере 338 914 рублей. Между тем Президиум Пермского краевого суда 20 июля 2018 г. отменил приговор и апелляционное постановление, производство по делу прекратил за отсутствием в деянии Б. состава преступления. Кассационная инстанция указала, что «упущенной выгодой согласно ст. 15 ГК РФ *во взаимосвязи со ст. 165 УК РФ* являются неполученные потерпевшим доходы, которые тот *бесспорно* получил бы при обычных условиях гражданского оборота (курсив наш. – О.П.)»[9].

К сожалению, из опубликованного судебного решения не совсем ясно, по каким причинам в течение трех лет муниципальное образование не смогло получать прибыль от сдачи в аренду земельных участков и какую роль в этом сыграли действия Б. Обратим внимание на другое: слово «бесспорно» в ст. 15 ГК РФ не фигурирует. Пункты 2–4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» истолковывают механизм определения упущенной выгоды путем взаимного предоставления доказательств сторонами через оценочные признаки «разумность», «возможность», «справедливость», что, конечно же, нельзя отнести к бесспорным критериям.

Добавленный судом к законодательному определению упущенной выгоды термин «бесспорно» по вышеприведенному делу Б. повлек прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Тем самым суд адаптировал норму гражданского права применительно к составу преступления посредством ее ограничительного толкования с учетом специфики уголовно-правовой сферы. Добавим к этому, что в соответствии с ч. 4 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. На наш взгляд, эта норма уголовно-процессуальной отрасли права также свидетельствует в пользу правильности выводов, к которым пришел суд кассационной инстанции в отношении Б.

Думается, приведенные аргументы можно распространить и на иные ситуации, связанные с причинением лицом убытков: упу-

щенная выгода по своим характеристикам в принципе не может являться подтверждением наличия состава преступления, правоприменителю необходимо доказывать только наличие реального ущерба.

Ограничено ли бланкетной диспозицией использование в уголовном праве норм иной отраслевой принадлежности?

Наряду с вышеизложенным имеется и ситуация, когда с учетом характера гражданско-правовых отношений корректируется квалификация по уголовно-правовым нормам, не содержащим явной отсылки к нормам иной отраслевой принадлежности.

Так, в 1995 г. Редькин купил у Баркова автомашину, заплатив задаток в размере примерно 1/16 ее полной стоимости и договорившись оформить сделку купли-продажи через неделю. Спустя месяц Редькин, не дождавшись Баркова, разукомплектовал автомашину, продав двери, капот и крышку от багажника, а также выбросив кузов, блок двигателя и государственный номер. То небольшое, что осталось, он собрал с купленными отдельно новым кузовом и блоком двигателя и использовал по приобретенным документам от совсем другой, сгоревшей автомашины. Как следует из материалов дела, приобретенная Редькиным у Баркова автомашина была последним похищена совместно с другим лицом в результате разбойного нападения. В ходе предварительного следствия Редькин возместил потерпевшему стоимость автомашины. Давленовским районным судом Республики Башкортостан Редькин в 1997 г. осужден за уничтожение чужого имущества по ч. 1 ст. 167 УК РФ и оправдан по ч. 4 ст. 208 УК РСФСР (заранее не обещанное приобретение и сбыт чужого имущества в крупных размерах, заведомо добытого преступным путем). По протесту заместителя Генерального прокурора РФ Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ 29 ноября 2000 г. приговор и постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан в отношении Редькина по ч. 1 ст. 167 УК РФ отменены, а дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления с указанием на то, что поскольку осведомленность Редькина

о приобретении им похищенного не доказана, он является добросовестным приобретателем (в противном случае не последовало бы оправдания по ст. 208 УК РСФСР). Имевшее место возмещение Редькиным потерпевшему стоимости автомобиля, как указал суд, свидетельствует лишь о том, что ущерб, причиненный действиями похитителей, был компенсирован им как лицом, которому один из виновных сбыл похищенное [6].

С точки зрения уголовно-правового подхода в «чистом виде» вменение Редькину ст. 167 УК РФ может представиться даже объяснимым: получив автомашину при сомнительных обстоятельствах и даже не расплатившись, он по каким-то своим соображениям ее уничтожает (по всей видимости именно подобной логикой руководствовались органы предварительного следствия, вменяя данный состав). В то же время, если подойти к изложенной фабуле под гражданско-правовым углом, можно на первый взгляд рассуждать о ситуации так называемой эвикции¹. Ведь Редькин приобретает имущество, которое продавец Барков не имел право отчуждать, не являясь его собственником. Тем самым нарушены требования ч. 1 ст. 460 ГК РФ в связи с продажей товара, не свободного от прав третьих лиц. У собственника (потерпевшего по делу о хищении) с учетом ч. 1 ст. 302 ГК РФ возникает право истребовать имущество от приобретателя Редькина. При условии доказанности добросовестности действий Редькина (а ведь именно к его добросовестности апеллирует Судебная коллегия) продавец Барков на основании ч. 1 ст. 461 ГК РФ обязан возместить ему понесенные им убытки.

Однако в теории гражданского права отмечается проблемность применения правил эвикции. В условиях недостаточного законодательного урегулирования, субъективной природой добросовестности и сложностью ее доказывания предлагаются некоторые критерии определения добросовестности покупателя, одним из которых является приобретение им вещи на возмездной основе, подразумевая под этим ее оплату в полном размере [7].

С этих гражданско-правовых позиций Редькина весьма сложно назвать добросовестным покупателем в связи с невыполнением

условий договора (он не оплатил покупку?), и для него наступают неблагоприятные последствия в виде потери права требовать с Баркова возмещения понесенных им убытков. А вот для решения вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении Редькина решающим фактором стало само по себе наличие сделки, предметом которой и была автомашина (в противном случае имело бы место приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем).

В этом терминологическом разночтении понятия добросовестности, на наш взгляд, и сокрылась ошибка предварительного следствия, необоснованно расценившего сделку между Барковым и Редькиным как незаконную, а компенсацию убытков собственнику имущества недобросовестным приобретателем Редькиным как подтверждение собственной виновности в преступлении. Верховный Суд разобрался в сути вопроса и принял верное решение.

В приведенном ниже примере более характерно прослеживается влияние гражданского-правового содержания отношений на уголовно-правовую оценку.

В 1993 г. из пожарного водоема, расположенного в запретной зоне поста войсковой части, Исламовы и Лаптевы извлекли с целью дальнейшей продажи пять авиационных пушек, затопленных там за три года до этого с целью уничтожения с разрешения вышестоящего командования. Приговором военного суда гарнизона, оставленным без изменения военным судом округа, всем троим вменялось хищение огнестрельного оружия по предварительному сговору группой лиц, предусмотренное ч. 2 ст. 218 УК РСФСР (помимо иных статей в отношении отдельных соучастников). По протесту председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ в 1996 г. их действия в этой части были переквалифицированы на ч. 1 ст. 218 УК РСФСР как незаконное приобретение оружия [5]. К этому времени уже действовала часть первая Гражданского кодекса РФ, в которой давалась характеристика действиям, свидетельствующим об отказе от права собственности (на момент вынесения приговора аналогичных норм не существовало). Военная коллегия подчеркнула, что войсковая часть добровольно отказалась от при-

надлежавшей ей собственности, выбросив пушки, и даже то обстоятельство, что водоем располагался в запретной зоне поста, еще не свидетельствовало о том, что войсковая часть продолжала владеть оружием. Ссылки на гражданское законодательство не приводились, тем не менее подобная формулировка достаточно ясно указывала на устранение собственника от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество, что подпадает под ч. 1 ст. 236 ГК РФ.

Таким образом, только системное использование всех отраслей права в их единстве дает верное представление о сути общественно опасных деяний. Обращение к нормам иной отраслевой принадлежности возможно и должно иметь место не только в бланкетных составах преступлений, но и во всяком случае, когда требуется уяснить подлинный характер сложившихся отношений, охраняемых нормами уголовного права.

Не случайно Совет Федеральной палаты адвокатов РФ с 1 октября 2025 г. изменил правила квалификационного экзамена на статус адвоката, усилив в перечне тестовых заданий цивилистический блок вопросов [8]. Думается, такой же тенденции должно придерживаться преподавательское сообщество в подготовке прокурорских и судейских работников.

Выводы

Влияние норм уголовного права на применение нормы гражданского права и наоборот – не имеет линейного решения. Вопрос о применении норм иной отраслевой принадлежности решается в каждом конкретном случае с учетом специфики юридического конфликта и обстоятельств дела. Взаимопроникновение отраслей и, как следствие, широта познаний, которая требуется для применения норм уголовного права, сама по себе не обязательно говорит о бланкетности тех или иных составов преступления. О бланкетности можно говорить, когда сам признак состава не может быть определен без прямого обращения к нормам иной отраслевой принадлежности.

В остальных случаях уместнее употребить термин «взаимосвязь» – более широкое понятие, позволяющее уяснить правомерность

самого действия с точки зрения уголовного права, но с учетом специфики регуляции отношений иными отраслями. Следует отметить, что вопрос о необходимости учета правоприменителем связи гражданского и уголовного права возник практически одновременным разделением права на отрасли. В современных условиях усложнения межотраслевых связей потребность в межотраслевой оценке противоправного деяния требуют добротного владения правовым материалом на стыке различных отраслей. Это обстоятельство следует учитывать при подготовке практических работников в учебном заведении.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под которой понимается изъятие товара у добросовестного покупателя третьим лицом по основаниям, возникшим до продажи товара, с одновременным возникновением у продавца обязанности возместить покупателю понесенные им убытки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбатович, Д. А. Воспользоваться чужим имуществом и не вернуть: вопросы квалификации / / Мировой судья. – 2024. – № 11. – С. 21–25.
2. Из деятельности Народного комиссариата юстиции. Практика высшего судебного контроля». 22 января 1922 г. // Ежедневник советской юстиции. – 1922. – № 4. – С. 12.
3. Лаптева, Л. Е. О некоторых традициях в регулировании и защите владения: история и современность // Гражданское право. – 2025. – № 5. – С. 2–6.
4. Лобанова, Л. В. К вопросу о классификации преступлений // Вестник ВолГУ, Серия 5. – 2008. – № 10. – С. 62–67.
5. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 1996 г. по делу Исламовых и Лаптева // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 2. – С. 11.
6. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 ноября 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8. – С. 10.
7. Осадченко, Э. О. Применение правил об эвикции в отечественном гражданском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 89–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jc.jvolsu.2020.2.13>
8. Перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката (ут-

в. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 21.08.2025, протокол № 5) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление президиума Пермского краевого суда от 20 июля 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 8. – С. 42–43.

10. Хиллута, В. В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 127–130.

11. Яни, П. С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. – 2015. – № 12. – С. 43–47.

REFERENCES

1. Garbatovich D.A. To use someone else's property and not return it: qualification issues. *Justice of the Peace*, 2024, no. 11, pp. 21-25.

2. From the activities of the People's Commissariat of Justice. The practice of supreme judicial control". January 22, 1922. *Weekly Journal of Soviet Justice*, 1922, no. 4, p. 12.

3. Lapteva L.E. On some traditions in the regulation and protection of property: history and modernity. *Civil Law*, 2025, no. 5, pp. 2-6.

4. Lobanova L. V. On the classification of crimes. *Bulletin of the Volga State University*, Series 5, 2008, no. 10, pp. 62-67.

5. The ruling of the Military Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 30, 1996 in the case of Islamov and Laptev. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 1997, no. 2, p. 11.

6. Definition of the Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.29.2000. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2001, no. 8, p. 10.

7. Osadchenko E.O. Application of the rules on eviction in domestic civil law. *Legal Concept = The legal paradigm*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.13>

8. List of questions to be included in the examination papers when taking the qualification exam for the status of a lawyer (approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers dated 08.21.2025, Protocol No. 5). *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Resolution of the Presidium of the Perm Regional Court dated July 20, 2018. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2020, no. 8, pp. 42-43.

10. Khilyuta V.V. Identification of signs of fraud, embezzlement and embezzlement in judicial practice. *Criminal law*, 2015, no. 5, pp. 127-130.

11. Yani P.S. Qualification of embezzlement: the moment of termination, gratuitousness, damage. *Legality*, 2015, no. 12, pp. 43-47.

Information About the Author

Oleg N. Pikurov, Candidate of Legal Sciences, Acting Head of the Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>

Информация об авторе

Олег Николаевич Пикуров, кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>

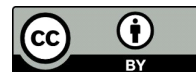
www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.17>

UDC 343.14(470+571)

LBC 67.99(2Рос)410.201

Submitted: 12.11.2025

Accepted: 08.12.2025

THE INSTITUTE OF ATTESTING WITNESSES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: TO BE OR NOT TO BE?

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the main current issues in the legislative regulation of exhumation procedures. **Purpose:** the study aims to analyze contemporary approaches to regulating and organizing this investigative action. **Methodology:** by analyzing normative material, judicial practice, the criminal procedure legislation of certain CIS countries (the Criminal Procedure Codes of the Republics of Kazakhstan and Belarus), and specialized literature on the topic, the author concludes that the current legal framework for exhumation under Parts 3-5 of Article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation suffers from several shortcomings. These shortcomings create practical difficulties for the authorities when exhumation is required, hinder the fulfilment of the objectives of criminal proceedings during the preliminary investigation stage, and fail to safeguard the rights and legitimate interests of the deceased's next of kin. **Conclusions:** a revised and detailed version of the Criminal Procedure Code article governing exhumation procedures is proposed, addressing and resolving all the identified issues.

Key words: exhumation, investigative action, preliminary investigation authority, next of kin, notification, record (protocol), exhumation prior to criminal case initiation, judicial authorization (court consent).

Citation. Solovyova N.A. The Institute of Attesting Witnesses in Russian Criminal Proceedings: To Be or Not to Be? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 134-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.17>

УДК 343.14(470+571)

ББК 67.99(2Рос)410.201

Дата поступления статьи: 12.11.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Наталья Алексеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящей статье рассматривается целесообразность функционирования института поня-
тых в отечественном уголовном процессе. Методология: историко правовой анализ позволяет осуществить
исследование в русле соотнесения института понятых и развитием прогресса, в частности, совершенствова-
ния научно-технических средств фиксации следственных действий. **Цель:** Обосновать целесообразность от-
каза от института понятых, отчасти из-за отсутствия интереса последних к исходу уголовного дела и недоста-
тка специализированных знаний, необходимых для критического анализа действий следователя. **Выводы:** в

современных условиях существуют обоснованные основания для перехода на использование технических средств фиксации в качестве замены традиционному присутствию понятых.

Ключевые слова: понятой, уголовный процесс, следственные действия, следователь, уголовное дело, расследование преступлений, правоохранительные органы.

Цитирование. Соловьева Н. А. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 134–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.17>

Введение

Понятые можно рассматривать как один из наиболее консервативных и стабильных элементов уголовного процесса. Их институциональная форма впервые была закреплена в Соборном уложении 1649 года, и, несмотря на радикальные изменения, которые имели место в истории нашей страны, данный институт продолжает сохранять свое существование в рамках действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В то же время в последние десятилетия отмечаются попытки переосмысления роли понятых в контексте уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, судом и прокуратурой. От представителей юридического научного сообщества, сотрудников правоохранительных органов и депутатов законодательных органов неоднократно высказывались мнения о необходимости упразднения института понятых в уголовном процессе. Например, во время встречи с сотрудниками полиции в Твери в 2011 году Президент Российской Федерации Д.А. Медведев обозначил сохранение практики обязательного привлечения понятых при проведении различных следственных и процессуальных действий как одну из актуальных проблем, требующих решения. Он охарактеризовал понятых как рудиментарный элемент, утверждая, что в современных условиях имеется достаточное количество предпосылок для их замены на современные технические средства документации [7]. В связи с этим была инициирована необходимость разработки плана по постепенному упразднению института понятых.

В результате этих предложений был существенно сокращен перечень следственных действий, которые требуют обязательного присутствия не менее двух понятых: вместо девяти таких действий осталось только че-

тыре, при проведении которых следователь или дознаватель обязан обеспечить присутствие понятых. Тем не менее, дискуссии относительно будущего данного института в юридической науке продолжаются, что подчеркивает актуальность данного исследования. Целью работы является оценка значимости и перспектив сохранения понятых в системе уголовно-процессуальных отношений, а также выявление ключевых проблем, включая вопросы законодательной регламентации, которые возникают в практической деятельности при раскрытии, расследовании и рассмотрении уголовных дел. Также будет проведен анализ основных предложений по модернизации института понятых, а также альтернатив, предлагаемых научным сообществом.

Из положений ст. 60 УПК РФ следует, что основная роль понятых в уголовном судопроизводстве состоит в том, что они удостоверяют (т.е. подтверждают подлинность) содержание, ход, результаты производимых в их присутствии следственных действий. Иными словами, понятые участвуют в процессуальных следственных мероприятиях посредством постоянного и полного наблюдения за всеми действиями следователя, эксперта, специалистов, оперативников и иных лиц, присутствующих на месте его производства, понятые своей подписью подтверждают, что все указанное в протоколе (периодичность и содержание действий следственно-оперативной группы, обнаружение конкретных доказательств в определенном месте, разъяснение следователем прав и обязанностей, действия, совершаемые подозреваемым или обвиняемым и т. д.) действительно имело место быть. Тем самым участие понятых наравне с протоколом и техническими средствами является способом фиксации имеющих значимость для уголовного дела обстоятельств.

Ст. 170 УПК РФ в части 1 устанавливает 4 обязательных случая, которые требуют

обязательного привлечения понятых: обыск, личный обыск, выемка предметов и материалов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, в том числе предметов и документов, содержащих сведения о банковских вкладах и т.д., предъявление для опознания; ч. 1.1 данной нормы позволяет субъекту, производящему расследование, привлекать посторонних наблюдателей по своему усмотрению. Именно в организационной части (т.е. в части привлечения понятых) на практике возникает больше всего проблем.

Проблемы, возникающие при обеспечении участия понятых в уголовном процессе

Среди таких проблем самой распространенной является необходимость большой траты процессуальных средств для обеспечения участия минимум двух граждан в качестве понятых. Как справедливо замечает А.И. Тамбовцев, успешная реализация законодательных требований в части обязательного участия независимых посторонних наблюдателей в некоторых следственных действиях возможна только в том случае, если на месте его производства будет находиться не менее двух относительно свободных лиц, которые согласны потратить 1-2 часа (а порой и больше) своего времени для оказания помощи органам следствия и дознания. Особую сложность эта проблема приобретает в ситуациях, когда следственные действия проводятся либо в раннее, либо в ночное время, а равно в отдаленных местах, в связи с чем вероятность того, что следователь найдет нужных людей в таких условиях становится минимальной [9, с. 87].

Как следствие трудностей, с которыми сталкивается субъект расследования при обеспечении участия понятых, возникает другая проблема – участие так называемых постоянных «дежурных» («карманных») понятых. Суть данного явления состоит в том, что следователь в условиях недостатка понятых и во избежание их поиска прибегает к услугам тех граждан, которые неоднократно участвовали у него в данной роли. Чаще всего в качестве таких лиц выступают уборщики по-

мещений, в которых работает следователь, водители служебных автомобилей, студенты, проходящие практику в органах предварительного расследования. По нашему мнению, такая практика негативно сказывается на результатах следственного действия и, как следствие, на результатах самого расследования, поскольку привлечение знакомых следователю людей чревато тем, что они не в полной мере будут исполнять предусмотренные УПК РФ обязанности по наблюдению за действиями сотрудников правоохранительных органов. Это объясняется наличием особых (служебных, дружеских и иных) неформальных связей, что ставит на беспристрастности, независимости и не заинтересованности понятого в уголовном деле крест. Встречаются ситуации, когда такие «понятые» вовсе не присутствуют на месте производства отдельного следственного действия, а подписывают протокол постфактум, после его проведения. Некоторые следователи и вовсе просят граждан заранее внести подписи в еще чистый бланк протокола, объясняя это экономией времени самих же понятых [10, с. 112].

Другая, не менее важная проблема заключается в отсутствии у понятых специальных знаний в области права, криминалистики. Коль уж основная роль данных участников состоит в том, чтобы они, наблюдая за действиями правоохранителей, проверяли их на предмет законности и достоверности, то логичным и справедливым было бы, чтобы такие наблюдатели обладали соответствующей компетенцией. Однако понятые зачастую отбираются следователями или сотрудниками органов ОРД на улице непосредственно перед началом проведения следственного действия, в связи с чем вероятность нахождения гражданина, имеющего такие познания, является невысокой. Отсюда может возникнуть сразу несколько вопросов: как такие участники уголовно-процессуальных отношений, основная цель которых состоит в наблюдении за действиями следователя и других участников следственного действия, в их проверке на соответствие законодательству, могут выполнить поставленную задачу, не владея необходимым опытом и не имея представления о нормативно урегулированных подробностях порядка производства, например, обыска, о

допустимых и запрещенных приемах следователя и т.д.? Как понятым, не имеющим специальных научных познаний в области криминалистической техники, проверить достоверность и подлинность полученных экспертом результатов, если он участвует при проведении следственного действия? Как проверить соответствие полученных результатов реально выполнимым им действиям, не примени ли он какие-либо технологии, чтобы сфальсифицировать доказательство и получить желаемый для следствия результат? Таким образом, неосведомленность понятых в вопросах понимания происходящего ввиду отсутствия специфических знаний, даже несмотря на добросовестное исполнение ими своих обязанностей, не гарантирует, по нашему мнению, исполнения сотрудниками правоохранительных органов норм уголовно-процессуального законодательства, ведь последние, пользуясь незнанием наблюдающих за его действиями лиц, может быть.

Можно упомянуть и проблему морально-этического характера, высказанную впервые А.Н. Михайловым и поддержанную в последующем в ряде других работ на данную тему различных авторов. По мнению А.Н. Михайлова, существование института понятых является архаизмом и оказывает негативное воздействие не только на уголовное преследование, но и на отношение к правоохранительным органам в обществе, создавая атмосферу недоверия к ним и превращая следователей в «постоянных подозреваемых» в фальсификации доказательств. Таким образом, налицо постоянная презумпция виновности следователя [5, с. 30]. Однако в противовес данной точки зрения можно привести аргумент В.С. Латыпова, поддержанный нами, о том, что институт понятых отнюдь не является единственной необходимостью привлечения простых граждан (общественности) в сферу уголовного судопроизводства, поскольку действующий и активно развивающийся институт присяжных заседателей, которые привлекаются для вынесения вердикта присяжных, также формируется случайным образом из обычных граждан. [4, с. 59]. Кроме того, существование института понятых вполне соответствует ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, декларирующей право граждан на участие в отправ-

лении правосудия, поскольку в данном случае население хоть и не участвует в принятии решений по делу (вердикт присяжных), но опосредованно влияет на отправление правосудия, наблюдая за действиями следователя и проверяя их законность и обоснованность [6, с. 29]. Можно прийти к умозаключению, привлечение понятых к следственным действиям является формой проявления участия общественности в уголовном судопроизводстве. Что соответствует принципу демократического и правового государства с наличием гражданского общества. Кроме того, критиковать институт понятых только с этих позиций нет никакого смысла, поскольку в них отсутствует оценка его эффективности.

Проблема недостатка кандидатов на роль понятых представляет собой значительное препятствие для эффективного ведения уголовного процесса, что, в свою очередь, влечет за собой избыточные временные и финансовые затраты со стороны органов, осуществляющих расследование. В качестве возможного решения данной проблемы предлагается формирование специализированных баз данных, включающих информацию о гражданах, желающих исполнять функции общественных наблюдателей. В частности, Ф.Н. Багаутдинов акцентирует внимание на необходимости создания таких информационных систем с возможным включением в них граждан, состоящих на учете в службе занятости населения. Автор подчеркивает, что предпочтение следует отдавать молодежи, обладающей активной жизненной позицией и желанием сотрудничать с правоохранительными органами [1, с. 51].

С учетом современных развитых систем передачи информации, в том числе с использованием сети Интернет, процесс приглашения понятых для участия в следственных действиях может быть существенно упрощен. Более того, по мнению автора, такие граждане будут более сознательно выполнять свои обязанности и активно участвовать в следственном процессе, чем лица, отобранные случайным образом, что зачастую приводит к равнодушному отношению к своей роли и ощущению сожаления о принятом решении помочь правоохранительным органам [1, с. 52].

В рамках борьбы с юридической неграмотностью многих понятых как фактора, сни-

жающего эффективность общественного контроля за уголовно-процессуальной деятельностью следователя или дознавателя, А.Н. Сторожева предлагает внедрить институт «специальных (профессиональных) понятых», под которыми автор понимает не заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, имеющих познания в области юриспруденции. [8, с. 439]. Данное предложение можно признать логичным, ведь осведомленные люди могут действительно обеспечить объективное, грамотное и полное наблюдение за соответствием действий правоохранителей закону, за соотношение указанного в протоколе и реально совершенными участниками следственного действия. Однако на практике не совсем ясно, что такое познания в области юриспруденции? Чем они должны подтверждаться, каким документом? Как измерить их уровень? Как следователь будет удостоверяться в том, что выбранное лицо обладает достаточным уровнем знаний? К сожалению, ответов на заданные вопросы в научной работе автора нет. Надо сказать, в данном случае существует некоторая взаимосвязь с описанными выше методами решения проблем недостатка кандидатов для роли понятого, которая заключается в ограниченности самого количества так называемых «специализированных понятых» (особенно в маленьких населенных пунктах), что в последующем также может привести к появлению специфических связей между следователем и такими лицами.

Сторонники упразднения института понятых в качестве альтернативы предлагают обязательное применение следователем непрерывной видеосъемки со звуком на протяжении всего следственного действия. В частности, Т. И. Гарипова в условиях развития цифровых и компьютерных технологий предлагает использование архаичного метода фиксации процесса производства следственного действия при помощи приглашения посторонних лиц, не заинтересованных в исходе уголовного дела, нецелесообразно. Сами же понятые в большинстве своем отличаются пассивным поведением или вовсе лишь подписывают протокол следственного действия [2, с. 127].

В процессе оценки преимуществ применения технических средств фиксации дей-

ствий участников следственных мероприятий необходимо подчеркнуть, что эти средства способствуют повышению качества доказательств в аспектах их допустимости и достоверности. Характерной особенностью видеозаписи является ее способность полно и объективно фиксировать все происходящие события на длительный срок, что обеспечивает возможность точного воспроизведения зафиксированной информации даже спустя месяцы и годы. В то же время следует отметить, что память среднестатистического человека, ставшего случайным свидетелем (особенно это актуально для понятых, отобранных на улице), в значительной степени ограничена. Эта ограниченность проявляется в неспособности воспроизводить информацию с тем же уровнем детализации и точности, который присущ современным средствам визуальной и аудиофиксации. На восприятие данной информации свидетелями могут оказывать влияние не только объективные факторы, такие как погодные условия и уровень освещения, но и субъективные обстоятельства, включая усталость, невнимательность и недостаточно серьезное отношение к своей роли. Более того, сами воспоминания могут подвергаться трансформациям или даже утрачивать свою точность под воздействием времени и выше-названных факторов.

Несмотря на заявленные преимущества технических средств фиксации в области объективного отражения информации, сторонники сохранения института понятых высказывают опасения о преждевременности его упразднения и полного перехода на использование цифровых технологий. Например, А.В. Гришин отмечает, что видеокамеры и фотоаппараты не могут заменить понятых по той причине, что при возникновении нештатных ситуаций (например, во время видеосъемки хода обыска жилища подозреваемого у технического средства разрядилась батарея, возникла необходимость ее замены), требующих некоторого времени для устранения неполадок, фото- или видеозапись придется временно приостановить, что будет являться основанием для выдвижения стороной защиты противоположных доводов о том, что полученные доказательства являются недопустимыми, ибо за тот промежуток времени, когда запись была приостано-

новлена, следователь мог сфальсифицировать доказательства [3, с. 38]. Следует не согласиться с автором, ведь заявленная им проблема отнюдь не является препятствием для перехода на применение соответствующих устройств, поскольку это является вопросом, прежде всего, криминалистической тактики следователя, т.е. должностное лицо должно с учетом различных технических проблем, которые возможно могут возникнуть при производстве длительных обысков, подготовиться таким образом, чтобы данные проблемы либо вовсе не возникли, либо устранение их можно было выполнить в максимально короткие сроки (например, запись процесса сразу на несколько камер на случай, если одна выйдет из строя, обеспечения полного заряда устройства).

Ю.В. Францифоров выражает опасения по поводу того, что современные компьютерные технологии в области монтажа видеоматериалов, фотографий или аудиозаписей технология так называемых «дипфэйков» – метод производства правдоподобных поддельных фотографии, видеофайлов, аудиозаписей с применением искусственного интеллекта) дают возможности по созданию правдоподобных поддельных фотографии или видеофайлов, приостановление видеозаписи может использоваться для создания благоприятной для следователя или дознавателя обстановки с целью сокрытия от суда и иных участников уголовного процесса неправомерных действий сотрудников правоохранительных органов [11, с. 51]. Надо отметить, что аргумент с развитием цифровых технологий работает и в обратную сторону – при возникновении сомнений у суда, прокурора или защиты о подлинности представленной видеозаписи, соответствующий участник уголовно-процессуальных отношений может заявить ходатайство о проведении видеотехнической экспертизы, которая может установить, содержит ли видеоролик какие-то изменения или нет и какой характер они носят.

Подводя итоги вышеизложенному, можно прийти к умозаключению, что в современных условиях существуют достаточно обоснованные основания для перехода на использование технических средств фиксации в качестве замены традиционному присутствию понятых. К сожалению, институт народных на-

блюдателей, являющийся одним из наиболее устоявшихся и стабильных элементов уголовно-процессуального законодательства, в эпоху стремительного развития цифровых технологий утратил свою актуальность и показал низкую эффективность в обеспечении контроля за действиями субъектов уголовной юстиции, не предоставляя адекватной защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Присутствие понятых должно служить гарантией от неправомерных действий со стороны следователей и обеспечивать соблюдение прав и свобод личности. Однако реальность такова, что, вследствие отсутствия заинтересованности в исходе уголовного дела и недостатка специальных знаний, необходимых для критического осмысления действий следователя, понятые зачастую не реализуют свой законодательно закрепленный набор прав. Это приводит к формализации их участия, в результате чего их подписи становятся лишь символическим жестом, не отражающим реальную вовлеченность в процессуальные действия.

Наблюдение, свободное от субъективных влияний, может быть обеспечено исключительно посредством непрерывной видеозаписи следственных действий. Этот метод обладает значительными преимуществами, поскольку зафиксированная информация не подвержена искажению со временем под воздействием эмоций и психологических факторов, что является типичным для показаний понятых. Видеосъемка позволяет запечатлеть все детали происходящего и сохраняет их на длительный срок, предоставляя сторонам и суду возможность обращаться к материалам записи в случае возникновения спорных ситуаций, что является более надежным, нежели полагаться на показания неподготовленных свидетелей, способные существенно исказить действительность.

Кроме того, исключение института понятых поможет устранить ряд сопутствующих проблем, таких как затруднения, возникающие при вызове понятых в суд в качестве свидетелей, если эти лица не имеют постоянного места жительства по месту проведения предварительного расследования. Упразднение этой практики также позволит избежать неожиданных и неформальных от-

ношений между следователями и так называемыми «дежурными понятиями». В то же время, следует отметить, что полное преобразование процесса с использованием современных технологий потребует значительных финансовых затрат на закупку необходимого оборудования и его распределение по территориальным подразделениям органов следствия и дознания по всей стране. Это потребует определенного времени, поэтому до завершения данного переходного периода целесообразно внести изменения в законодательство, предоставив следователям возможность выбирать способы фиксации своих действий в зависимости от конкретных организационных обстоятельств. Подобная практика уже существует в некоторых странах СНГ, например, в Азербайджане. Кроме того, необходимо установить ограничения на количество раз, когда гражданин может выступать в качестве понятого у конкретного должностного лица, осуществляющего дознание или следствие, например, не более двух раз в полгода. Также целесообразно разработать единый государственный реестр сведений о понятых, в который следователи или дознаватели должны вносить информацию после каждого случая привлечения такого лица к участию в качестве понятого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаутдинов, Ф. Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднить / Ф. Н. Багаутдинов // Законность. – 2012. – № 4 (930). – С. 50–53.
- Гарипов, Т. И. Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: быть или не быть? / Т. И. Гарипов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 124–128.
- Гришин, А. В. Уголовно-процессуальная политика в отношении института понятых в уголовно-процессуальном законодательстве: историко-юридический анализ и современные проблемы отечественного уголовного процесса / А. В. Гришин // Вестник БелЮИ МВД России. – 2018. – № 4. – С. 36–42.
- Латыпов, В. С. Нужен ли понятой в современном уголовном процессе России? / В. С. Латыпов // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 1(1). – С. 56–63.
- Михайлов А. Н. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства / А. Н. Михайлов // Законность. – 2003. – № 4. – С. 29–31.
- Мицай, Д. Г. Институт участия населения в отправлении правосудия / Д. Г. Мицай // Территория новых возможностей. – 2009. – № 2. – С. 29.
- Российская Газета: «Дмитрий Медведев предложил упразднить понятых в уголовном праве». – URL: <https://rg.ru/2011/10/25/ponyatye.html?ysclid=m5pdu5aozh893704599>
- Сторожева, А. Н. Актуальные вопросы правового обеспечения безопасности понятого в уголовно-процессуальном законодательстве / А. Н. Сторожева // Вестник КрасГАУ. – 2006. – № 11. – С. 438–440.
- Тамбовцев, А. А. Генезис социально-правового института понятых: история, тенденции, перспективы / А. А. Тамбовцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – №1 (77). – С. 85–90.
- Татаров, Л. А. Осмотр места ДТП: типичные ошибки / Л. А. Татаров // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 16. – С. 111–113.
- Францифоров, Ю. В. Ретроспективный анализ участия понятых в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров // Legal Concept. – 2015. – № 1. – С. 49–54.

REFERENCES

- Bagautdinov F.N. Institut ponyatyh: sovershenstvovat, a ne uprazdnyat. *Zakonnost*, 2012, no. 4 (930), pp. 50-53.
- Garipov T. I. Institut ponyatyh v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: byt' ili ne byt'? *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 124-128.
- Grishin A.V. Ugolovno-processualnaya politika v otnoshenii instituta ponyatyh v ugolovno-processualnom zakonodatel'stve: istoriko-yuridicheskij analiz i sovremennye problemy otechestvennogo ugolovnogo processa. *Vestnik BelYul MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 36-42.
- Latypov V.S. Nuzhen li ponyatoj v sovremennom ugolovnom processe Rossii? *Pravo: retrospektiva i perspektiva*, 2020, no. 1(1), pp. 56-63.
- Mihajlov A.N. Institut ponyatyh – arhaizm rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva. *Zakonnost*, 2003, no. 4, pp. 29-31.
- Micaj D.G. Institut uchastiya naseleniya v otpravlenii pravosudiya. *Territoriya novyh vozmozhnostej*, 2009, no. 2, p. 29.
- Rossijskaya Gazeta*: «Dmitrij Medvedev predlozhit' uprazdnit' ponyatyh v ugolovnom prave». URL: <https://rg.ru/2011/10/25/ponyatye.html?ysclid=m5pdu5aozh893704599>
- Storozheva A. N. Aktualnye voprosy pravovogo obespecheniya bezopasnosti ponyatogo

v ugolovno-processualnom zakonodatelstve. *Vestnik KrasGAU*, 2006, no. 11, pp. 438-440.

9. Tambovcev A.A. Genezis social'no-pravovogo instituta ponyatyh: istoriya, tendencii, perspektivy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1 (77), pp. 85-90.

10. Tatarov L.A. Osmotr mesta DTP: tipichnye oshibki. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 16, pp. 111-113.

11. Franciforov Yu.V. Retrospektivnyj analiz uchastiya ponyatyh v ugolovnom sudoproizvodstve. *Legal Concept*, 2015, no. 1, pp. 49-54.

Information About the Author

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.18>

UDC 343.1:340.624.6(470+571)

LBC 67.99(2Рос)531

Submitted: 14.11.2025

Accepted: 08.12.2025

THE NEED TO MODERNIZE THE PROCEDURE FOR EXHUMATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir M. Shinkaruk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the main current issues of the legislative regulation of the procedure for conducting exhumation. The **purpose** of the study is to analyze contemporary approaches to the regulation and organization of this investigative action. **Methodology:** in analyzing normative material, court practice, the criminal procedure legislation of some CIS countries (the Criminal Procedure Codes of the Republic of Kazakhstan and Belarus), and specialized literature on the topic, the author concludes that the current model of the legal regulation of exhumation under Part 3–5 of Article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has a number of shortcomings. These create difficulties for authorities when the need for its conduct arises, impede the achievement of criminal procedure objectives during the preliminary investigation, and fail to protect the rights and legitimate interests of the deceased's relatives subject to exhumation. **Conclusions:** a detailed version of the Criminal Procedure Code article regulating the procedure for conducting exhumation is proposed, in which all identified issues have been considered and addressed.

Keywords: exhumation, investigative actions, preliminary investigation authority, next of kin, notification, protocol, exhumation prior to the initiation of a criminal case, court consent.

Citation. Shinkaruk V.M. The Need to Modernize the Procedure for Exhumation in the Criminal Process of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 142–149. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.18>

УДК 343.1:340.624.6(470+571)

ББК 67.99(2Рос)531

Дата поступления статьи: 14.11.2025

Дата принятия статьи: 08.12.2025

НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА ЭКГУМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Маркович Шинкарук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассмотрены основные актуальные проблемы законодательной регламентации порядка производства эксгумации. **Целью** исследования является анализ современных подходов к регламентации и организации производства указанного следственного действия. **Методология:** В ходе анализа нормативного материала, судебной практики, уголовно-процессуального законодательства некоторых стран СНГ (УПК Республики Казахстан и Беларуси) и специальной литературы на данную тему, автор пришел к выводу, что современная модель правового регулирования эксгумации ч. 3–5 ст. 178 УПК РФ обладает рядом недостатков, создающих трудности для властных органов в случаях, когда возникает необходимость его производства, и не позволяет достичь выполнения задач уголовного судопроизводства в рамках предварительного расследования, а также не обеспечивает защиту прав и законных интересов родственников умершего, подлежащего эксгумации. **Выводы:** предложена подробная версия статьи УПК, регулирующей порядок осуществления эксгумации, в которой все выявленные проблемы были учтены и нашли свое решение.

Ключевые слова: эксгумация, следственные действия, орган предварительного расследования, близкие родственники, уведомление, протокол, производство эксгумации до возбуждения уголовного дела, согласие суда.

Цитирование. Шинкарук В. М. Необходимость модернизации порядка производства эксгумации в уголовном процессе Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 142–149. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.18>

Введение

Эксгумация в настоящее время является одним из самых обсуждаемых следственных действий. Проблемы, с которыми органы предварительного расследования сталкиваются в своей практической деятельности при организации и непосредственном проведении эксгумации связаны не только с религиозными запретами, моральным осуждением их действий со стороны родственников или некоторой части общества, но и в довольно слабой правовой регламентации производства данного следственного действия нормами уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ.

Действующая редакция УПК РФ содержит множество пробелов и коллизий, оставляет без ответа ряд вопросов, имеющих важное значение для организации расследования и реализации задач уголовного судопроизводства, отраженных в ст.6 УПК РФ. Для констатации факта несовершенства правовой конструкции эксгумации далеко за примером ходить не надо, достаточно сравнить размещение законодателем нормативно-правового описания данного следственного действия в УПК РФ. Так, законодатель в ст. 178 УПК РФ детализирует сразу два процессуальных действия, пусть и тесно взаимосвязанных, – осмотр трупа и эксгумацию, в которой регламентации эксгумации посвящено всего лишь три части. Для сравнения, в УПК Республики Казахстан для этих целей была выделена отдельная глава 28, полностью состоящая из регулирующих особенности производства данного следственного действия норм.

Порядок производства эксгумации предусмотрен ч.3–5 ст. 178 УПК РФ. В данной норме указано, что следователь в случае необходимости извлечения тела человека из места погребения выносит соответствующее постановление, а также уведомляет близких родственников покойного. Соответствующее постановление имеет обязательную силу для администрации мест захоронения. Кроме того, закон предусматривает обязанность следова-

теля в получении судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ в случае отказа близких родственников на проведение данного процессуального действия.

Поводы и основания производства эксгумации: сравнительно-правовой

Вместе с тем, законодателем не были регламентированы основания для производства данного следственного действия, то есть в тексте ч. 3 ст. 178 УПК РФ не названы основания, по которым следователь (дознатель) может провести данное следственное действие, оформив это соответствующим постановлением, что является, по нашему мнению, существенным недостатком и пробелом правового регулирования. Вместо этого законодатель использует следующую юридическую формулировку, подлежащую широкой интерпретации: «При необходимости извлечения трупа из захоронения...». Однако в чем конкретно выражается эта необходимость? Для совершения какого процессуального мероприятия следователю необходимо изъять тело человека из места захоронения? Анализируемая норма не содержит ответов на данные вопросы. В рамках сравнения подходов к определению оснований и порядка проведения эксгумации в законодательстве различных стран, уместно в качестве примера привести уголовно-процессуальное законодательство республики Казахстан, где в ч. 1 ст. 255 УПК РК названы поводы для производства эксгумации: необходимость повторного или дополнительного осмотра трупа, предъявление для опознания, получение образцов для судебной экспертизы, а также иные обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения уголовного дела.

А.Р. Сысенко в качестве оснований производства эксгумации предлагает рассматривать получение следователем ответов на вопросы, возникшие ввиду вновь открывшихся обстоятельств уголовного дела, необхо-

димость повторного осмотра трупа при надлежащем осмотре ранее или вообще при его отсутствии, непроведение судебно-медицинского исследования трупа (труп похоронен тайно либо не вскрывался патологоанатомом), необходимость проведения повторного судебно-медицинского исследования ввиду обнаружившихся ошибок первичного исследования либо по причине его неполноты, а равно проверка положений акта данного исследования в силу их возникших противоречий с другими материалами уголовного дела, необходимость предъявления тела или останков для опознания [1, с. 1].

Важным обстоятельством для проведения эксгумации является необходимость извлечения тела покойного в целях обнаружения и (или) изъятия предметов, находящихся непосредственно при нем, в его одежде либо в могиле. Отсутствие в ст. 178 УПК РФ оснований для производства эксгумации может привести к произвольному изъятию трупа из места погребения в случаях, когда это на самом деле не требуется.

Данный проблемный вопрос был раскрыт в судебной практике. Так, в апелляционном определении ВС РФ от 25.01.2017 № 82-АПУ16-11 уточнено, что поскольку уголовно-процессуальное законодательство предусматривает производство осмотра трупа, в том числе, и до возбуждения уголовного дела, то на данном этапе, что вполне логично, возможно изъятие из места захоронения тела человека, т.к. без данной процедуры невозможным является проведение самого осмотра трупа. Тем не менее, учитывая, что в данном случае извлечение умершего является единственной предпосылкой для проведения иных проверочных действий по проверке сообщения о совершенном преступлении (например, если гражданин заявит о том, что смерть его родственника носит криминальный характер, а не произошла по естественным причинам, но в патологоанатомическом заключении по результатам вскрытия причиной смерти указана именно естественной причиной), то законодатель должен восполнить правовой пробел, предусмотрев в ч. 1 ст. 144 УПК РФ право субъекта расследования на производство эксгумации до возбуждения уголовного дела.

В рамках тематики исследования возникает проблема уведомления следователем близких родственников усопшего о принятии соответствующего постановления о производстве эксгумации. Уведомление является средством обеспечения прав и свобод потерпевших, поскольку изъятие из могилы похороненного человека оказывает существенное влияние на интересы родственников. Однако важным недостатком является отсутствие в законе конкретики о том, в какой форме данная информация должна быть предоставлена и в какой срок. Как считает Л.В. Кокорева, близким родственникам должны быть отправлено письменное уведомление о вынесенном следователем процессуальном решении о производстве эксгумации посредством заказного письма с уведомлением о вручении. В случае получения ответного письма о согласии родственников на проведение изъятия трупа данное письмо приобщается к материалам дела, если же следователь не получил в ответ согласия или возражения, то к делу приобщается расписка в получении заказного письма, и следователь может приступить к производству следственного действия [2, с. 230]. Интересное мнение выразил К.В. Камчатов, предложив законодательно закрепить обязанность следователя не только в уведомлении родственников, но и в обеспечении их ознакомления с содержанием постановления о производстве эксгумации, вручении его копии, а также в представлении копии протокола данного следственного действия [3, с. 24].

Актуальной проблемой является отсутствие регламентации действий следователя в ситуациях, когда от близких родственников умершего вовсе не поступило ответа, содержащего согласие или отказ на извлечение усопшего из могилы. Если исходить из буквального толкования ч. 3 ст. 178 УПК РФ, то обязанность следователя на получение судебного решения на производство эксгумации появляется только в случае возражений со стороны родственников. В то же время в Определении Конституционного суда РФ от 20.07.2023 № 1791-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки А.И. Тукаевой на нарушение ее конституционных прав частями первой, третьей и четвертой ст. 178 Уголовно-про-

цессуального кодекса Российской Федерации», четко сформулирована позиция суда, запрещающая следователю производство эксгумации без получения судебного решения в случае отсутствия согласия со стороны близких родственников умершего, а тем более – в случае наличия возражений. В связи с этим не совсем понятна представленная позиция, поскольку ч. 3 ст. 178 УПК РФ требует именно наличия возражения со стороны близких родственников, которые будут сопровождаться приведением конкретных доводов, объяснения причин несогласия с таким решением следователя, а потому отсутствие обратной связи может восприниматься следователем как молчаливое согласие родственников на эксгумацию. Более того, возражение и несогласие по сути своей являются синонимами, обозначающими выражения несогласия с чем-либо, а потому их использование в рамках одного предложения более чем неуместно.

Анализируя положения ч. 3–5 ст. 178 УПК РФ, можно прийти к выводу, что закон не требует ведения отдельного протокола эксгумации при ее проведении. Однако некоторые ученые придерживаются иного мнения. Так, И.И. Субхангулов утверждает, что проведение данного следственного действия сопровождается с ведением протокола [4, с. 6]. Не совсем понятно, на основании чего автор делает данный вывод, ведь, как уже было сказано, ст. 178 УПК РФ не содержит в себе положений о ведении протокола эксгумации. Осмотр и описание всех признаков извлеченного трупа (положения, степень развития трупных изменений), состояния гроба (как внутреннего, так и внешнего), состояние самого места погребения проводится на основании протокола осмотра трупа и освидетельствования, регламентируемого ст. 180 УПК РФ. Это два совершенно разных документа, уголовно-процессуальное законодательство попросту не содержит в себе протокола эксгумации. К сожалению, наш законодатель не отразил в ст. 83 УПК РФ, регулирующей использование протоколов следственных действий и судебного заседания в качестве доказательств, полный перечень всех протоколов.

Обращаясь к опыту союзных государств, видно, что в УПК Республики Беларусь, например, в ст. 93, в систему протоко-

лов входит и протокол эксгумации. Более того, ч. 5 ст. 205 УПК РБ предписывает при производстве данного действия вести протокол.

Согласно ч. 5 ст. 227 УПК РК извлечение тела человека из могилы также сопровождается обязательным протоколированием. К числу обязательных реквизитов данного процессуального акта, помимо типичных указаний на временные и пространственные данные (время, погода, место, ориентиры и т. д), лиц, осуществляющих данное следственное действие, лиц, участвующих и присутствующих при его проведении, сведений об использовании технических средств (фото- и видеосъемки), относится также информация об эксгумированном теле (фамилия, имя, отчество – при их наличии), осуществляемых действиях и обнаруженных предметах в той последовательности, в которой они были совершены или обнаружены, а также данные об учреждении (официальное название, местоположение), в которые будут направлены после эксгумации тело, его останки, материальные объекты и иные предметы, имеющие значение для уголовного дела. В ч. 7 указанной статьи делается уточнение, что проведение последующих следственных действий после эксгумации в другом месте, нежели на месте вскрытого захоронения требует составления отдельных протоколов.

В связи с этим может возникнуть закономерный вопрос: «Требуется ли вообще при совершении такого по сути технического следственного действия вести какие-либо самостоятельные протоколы?». По нашему мнению, это является избыточным и нецелесообразным. В данном случае, необходимо согласиться с С.А. Шейфером и другими учеными, поддерживающими его точку зрения, что эксгумация не относится к числу самостоятельных следственных действий ввиду отсутствия в нем доказательственного или познавательного характера. Согласно ст. 83 УПК РФ протокол следственного действия используется в качестве доказательства по уголовному делу, если он составлен в соответствии с правилами уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, в данном случае целесообразно обратиться к аргументам А.А. Тарасова. Автор, дискутируя с С.Б. Россинским относительно того, является ли протокол за-

держания уголовно-процессуальным доказательством, справедливо отметил, что благодаря данному документу можно определить законность задержания, установить иные обстоятельства, имеющие существенное значение для дела [5, с. 4]. Что же касается эксгумации, то законность ее осуществления подтверждается постановлением следователя или суда, а все значимые детали указываются в протоколе осмотра трупа.

Законодателем не конкретизирован вопрос об уведомлении и получении согласия на эксгумацию от близких родственников в случае отсутствия последних. Исходя из положений ч. 3 ст. 178 УПК РФ, в данной ситуации следователь закономерно имеет право на проведение данного следственного действия без уведомления близких родственников на основании своего постановления. Данный подход кажется нам неправильным, поскольку в подобной ситуации невозможно проверить действия и решения следователя на предмет их законности. Ч. 1 ст. 21 Конституции РФ признает право каждого человека и гражданина на личное достоинство, обязанность государства обеспечивать его защиту и охрану и прямо закрепляет недопустимость умаления достоинства по каким бы то ни было основаниям. Важной особенностью данной ценности является ее бессрочный характер – право на достоинство личности сохраняется как при жизни субъекта, так и после его смерти. В последнем случае защита данного нематериального блага осуществляется третьими лицами – близкими родственниками и родственниками погибшего. Одним из составляющих элементов конституционного блага достоинства личности является право на достойное отношение к телу человека после его смерти. Похоронное законодательство РФ гарантирует право на погребение умершим гражданам и на достойное, уважительное отношение к местам захоронения под угрозой предусмотренной законом ответственности.

Значение судебного контроля за законностью производства эксгумации

Поскольку эксгумация представляет собой действие правоохранительных органов по извлечению усопшего человека из могилы, то

в данном случае можно говорить о вторжении субъекта уголовного преследования в сферу права на личное достоинство. В этой связи нам видится логичной точка зрения Д.О. Серебров, предлагающего дополнить основания получения санкции суда на производство эксгумации не только в случае возражений близких родственников и родственников, но и при отсутствии родственников или сведений о них [6, с. 14]. Данное нововведение в полной мере будет соответствовать не только конституционным положениям об обязанности государства охранять право достоинства личности, но и будет способствовать ограничению самоуправства следователями и дознавателями при производстве данного следственного действия.

Вместе с тем, затрагивая проблему судебного контроля за производством эксгумации в случае наличия возражений со стороны близких родственников умершего, необходимо отметить явные ошибки при законодательном оформлении данной меры. Речь идет об отсутствии в ст. 29, определяющей полномочия суда как участника уголовного судопроизводства, и в ст. 165 УПК РФ, регулирующей порядок получения следователем и дознавателем разрешения суда на производство определенного следственного или процессуального действия, положений об эксгумации. Ни в одной из перечисленных норм ни в качестве полномочия суда, ни в качестве следственного действия, требующего санкции суда, нет и упоминания о функции судьи по рассмотрению соответствующих ходатайств на производство данного следственного действия. Таким образом, выявленный правовой пробел фактически исключает из предмета судебного контроля проверку обоснованности и законности решения следователя о проведении эксгумации в случае несогласия близких родственников.

Довольно сложным и не урегулированным в нормах УПК РФ остается вопрос о первоочередности уведомления того или иного близкого родственника о принятом решении следователя осуществить эксгумацию. Если исходить из содержания п. 4 ст. 5 УПК РФ, то закон в качестве близких родственников признает супруга, супругу, родителей, усыновителей, усыновленных, родных братьев, сестер, бабушек, дедушек, внуков.

Ч. 8 ст. 42 УПК РФ предусматривает, что если в ходе преступления потерпевшему лицу была причинена смерть, то в рамках уголовного дела, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников.

В это же время следует учитывать, что данная норма не исключает возможности признания потерпевшим нескольких близких родственников погибшего, если преступлением их правам и законным интересам был нанесен ущерб. Правовой пробел в законодательстве заключается в неопределенности, кого, в первую очередь, необходимо уведомлять о производстве эксгумации? Как поступать в ситуации, когда один близкий родственник согласен на извлечение тела из места захоронения, а другой возражает? Наибольшую сложность данная проблема создает в ситуации, когда смерть лица, как это было отражено в заключении патологоанатома о результатах вскрытия тела и в протоколе первичного осмотра трупа сотрудником правоохранительных органов, наступила не в результате преступления, в связи с чем его близкому родственнику не передаются права потерпевшего. Согласимся с предложенным А.И. Ивенским вариантом решения подобных вопросов, который заключается в первоочередном уведомлении о таком решении пережившего(-ую) супруга(-у), не отстраненного(-ую) от наследования, а потом все остальные близкие родственники. Необходимо подчеркнуть, что при наличии противоречий между близкими родственниками по вопросу эксгумации их умершего родственника, ничье мнение не может быть признано приоритетным, а потому при возражении хотя бы одного из близких родственников умершего, следовательно необходимо получать разрешение на извлечение тела из могилы в судебном порядке [7, с. 3–4].

После производства всех необходимых следственных и процессуальных действий с телом умершего, его останки должны быть повторно захоронены. При этом расходы, связанные с последующим погребением близкими родственниками эксгумируемого, признаются процессуальными издержками и подлежат возмещению. Из смысла нормы становится очевидным, что обязанность по дальнейшему захоронению останков человека пос-

ле осуществления всех следственных действий возлагается на его близких родственников. По нашему мнению, данная практика является негуманной. Именно органы предварительного расследования в присутствии близких родственников и с соблюдением всех религиозных обрядов и ритуалов обязаны повторно предать земле тело эксгумируемого ими ранее человека [8, с. 224–225].

Заключение

Таким образом, подводя итог исследованию, следует констатировать, что современная законодательная регламентация порядка производства эксгумации является несовершенной и неэффективной. Именно по причине слабого правового регулирования данного следственного действия в правоприменительной практике могут возникать и возникают конфликтные ситуации между близкими родственниками умершего и органами предварительного расследования. В таких условиях говорить об обеспечении полной и всесторонней гарантии прав и законных интересов данных лиц не приходится. Исправить ситуацию можно лишь при помощи модернизации правовой модели регулирования эксгумации. Для начала необходимо выделить для регламентации указанного второстепенного следственного действия отдельную статью УПК РФ, посвященную детализации процедуры ее реализации. С учетом выявленных недостатков, предлагаются следующие изменения действующего законодательства:

Статья 178.1. Эксгумация

1. В случае необходимости производства осмотра трупа человека (в том числе дополнительно или повторного), предъявления трупа для опознания, получения образцов для сравнительного исследования в целях производства судебной экспертизы, а также для получения иных обстоятельств, имеющих важное значение для уголовного дела, следователь (дознатель) выносит мотивированное постановление о производстве эксгумации с указанием на конкретные причины и основания для его проведения.

2. Следователь (дознатель) уведомляет близких родственников умершего, направляя им копии мотивированного постановления следователя о производстве эксгумации заказным письмом с уведомлением о вручении. В случае, если хотя бы один

из близких родственников возражает против проведения эксгумации или у умершего отсутствуют близкие родственники или иные родственники, а равно в случае отсутствия соответствующей информации об их наличии или местонахождении у органов предварительного расследования, следователь (дознатель) обращается в суд для получения разрешения на производство данного следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ.

3. Постановление следователя (дознателя) о производстве эксгумации обязательно для администрации мест захоронения. При производстве эксгумации участвует следователь (дознатель) и судебно-медицинский эксперт, а при невозможности его участия – врач. Близкие родственники умершего или иные родственники также вправе присутствовать при производстве эксгумации.

4. После извлечения тела умершего из места захоронения следователь приступает к осмотру места захоронения и осмотру трупа, о чем составляет протокол в порядке ст. 180 УПК РФ.

5. Осмотр трупа, предъявление для опознания, получение образцов для сравнительного исследования в целях производства судебной экспертизы могут осуществляться непосредственно на месте захоронения.

6. Производство предъявления для опознания трупа эксгумируемого осуществляется по правилам ст. 193 УПК РФ. Получение образцов для сравнительного исследования в целях производства судебной экспертизы осуществляется по правилам ст. 202 УПК РФ.

7. В случае необходимости труп человека доставляется в соответствующее экспертное учреждение для проведения необходимых исследований.

8. После производства всех следственных и иных процессуальных действий останки эксгумируемого подлежат повторному захоронению. Захоронение осуществляется за счет средств федерального бюджета в присутствии следователя (дознателя) и близких родственников или иных родственников в случае изъявления желания ими. Захоронение осуществляется с соблюдением всех ритуалов и религиозных обрядов.

Кроме того, предлагается добавить п. 4.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в которой установлены исключительные полномочия суда, в т.ч. в рамках досудебного производства, следующей формулировкой:

4.1. О производстве эксгумации умершего человека, в случае, если хотя бы один из близких родственников возражает против проведения эксгумации, или у умершего отсутствуют близкие родственники или иные родственники, а равно в случае отсутствия соответствующей информации об

их наличии или местонахождении у органов предварительного расследования».

Для логического завершения модернизации законодательной конструкции эксгумации целесообразно дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ указанием на возможность производства эксгумации до возбуждения уголовного дела. Вышеперечисленные изменения и дополнения действующего законодательства будут способствовать эффективному производству эксгумации в правовом поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сысенко А. Р. Особенности проведения эксгумации при расследовании преступлений / А. Р. Сысенко // Законодательство и практика. – 2015. – № 1 (34). – С. 14–16.
2. Кокорева Л. В. Проблемы законодательной регламентации производства отдельных следственных действий / Кокарева Л. В. // Политика, экономика и право в социальной системе общества: новые вызовы и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Феодосия, 4–6 мая 2016 г. – М.: Научный консультант, 2016. – С. 229–233.
3. Камчатов К. В. Особенности правового статуса потерпевшего на стадии предварительного расследования : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Камчатов Кирилл Викторович. – М., 2007. – 25 с.
4. Субхангулов И. И. Процессуальные особенности эксгумации / И. И. Субхангулов // E-Scio. – 2022. – № 9 (72). – С. 577–583.
5. Тарасов А. А. О доказательственном значении протокола задержания / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 1. – С. 7–12.
6. Серебров Д. О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Дмитрий Олегович Серебров. – Нижний Новгород, 2004. – 36 с.
7. Ивенский А. И. О проблемах регламентации эксгумации // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 5 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-reglamentatsii-eksghumatsii>
8. Смирнова И. С. Нравственные основы производства эксгумации / И. С. Смирнова // Человек и общество в нестабильном мире: материалы междунар. научн.-практ. конф., Омск, 03 марта 2020 г. – Омск: Сибир. юрид. университет, 2020. – С. 221–225.

REFERENCES

1. Sysenko A.R. Features of exhumation in the investigation of offences. *Legislation and practice*, 2015, № 1 (34), pp. 14–16.
2. Kokoreva L.V. Problems of legislative regulation of the production of individual investigative actions. *Politics, economics and law in the social system of society: new challenges and prospects: Proc. of the international scientific and practical conference*, Feodosia, May 4–6, 2016, Moscow, Scientific consultant, 2016, pp. 229–233.
3. Kamchatov K.V. *Features of the legal status of the victim at the stage of preliminary investigation*: abstract of disc. ... candidate of legal sciences, Moscow, 2007. 25 p.
4. Subkhangulov I.I. Procedural features of exhumation. *E-Scio*, 2022, № 9 (72), pp. 577–583.
5. Tarasov A.A. On the evidentiary value of the protocol of detention. *Legal Bulletin of Samara University*, 2019, № 1, pp. 7–12.
6. Serebrov D.O. *Judicial control over the legality and validity of investigative actions restricting the constitutional rights and freedoms of an individual*: abstract of disc. ... candidate of Legal Sciences, Nizhny Novgorod, 2004. 36 p.
7. Ivensky A.I. On the problems of exhumation regulation. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2022, № 5 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-reglamentatsii-eksgumatsii>
8. Smirnova I.S. Moral foundations of exhumation. *Man and society in an unstable world: Proceedings of the international scientific-practical conference, Omsk, 03 March 2020*, Omsk, Siberian Law University, 2020, pp. 221–225.

Information About the Author

Vladimir M. Shinkaruk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Информация об авторе

Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

UDC 340:364-787.82

LBC 67.06

Submitted: 27.10.2025

Accepted: 08.12.2025

USING A 3D CONVERSATIONAL ASSISTANT BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO PROVIDE FREE LEGAL ASSISTANCE

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Marina V. Alekseeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the availability of qualified legal assistance for socially vulnerable groups is one of the key indicators of a legal system's fairness and effectiveness. In Russia, citizens' right to free legal assistance is guaranteed at the legislative level – this social function is provided by state and non-state systems of legal consultation, including state legal bureaus and law clinics at universities. However, the existing format of such assistance does not fully meet the opportunities and challenges of the digital era. Despite the legally enshrined principle of accessibility of free legal aid, in practice, many citizens in need cannot receive it in a timely and complete manner.

Methods: the methodological framework for the research comprised both the general scientific and special methods of scientific cognition. Among the general scientific methods used were dialectical, formal-logical, induction, deduction, analysis, synthesis, and the structural-functional method. A number of special methods were applied: formal-legal, historical-legal, comparative law, and the method of legal modeling. **Results:** the paper examines the theoretical debates about the role and significance of AI for legal science and practice. It considers organizational, legal, technical, and ethical aspects of implementing a 3D assistant in the work of student law clinics and state legal bureaus of the Russian Federation's constituent entities, which provide free legal assistance to certain socially unprotected categories of the population. The advantages and risks of introducing a 3D assistant into legal education and practice are analyzed, and a number of recommendations are provided. **Conclusions:** digital technologies are being actively integrated into legal life, and interactive 3D conversational AI assistant technology is not a futuristic fantasy but a real existing technology. With organizational and financial state support, it is capable of delivering tangible social outcomes, including a significant expansion of the population's access to qualified legal assistance. 3D assistants can be used in education, as well as in public reception offices of deputies, state bureaus, and justice of the peace courts, where there is equipment and connectivity. This is particularly relevant for rural areas and small towns, where there is often a shortage of lawyers.

Key words: 3D assistant, digitalization, artificial intelligence, bureau, student, legal assistance, law clinic, ChatGPT.

Citation. Anisimov A.P., Alekseeva M.V. Using a 3D Conversational Assistant Based on Artificial Intelligence to Provide Free Legal Assistance. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 150-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D РАЗГОВОРНОГО АССИСТЕНТА НА БАЗЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Алексей Павлович Анисимов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Марина Владимировна Алексеева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: доступность квалифицированной юридической помощи для социально уязвимых групп населения – один из ключевых показателей справедливости и эффективности правовой системы. В России на законодательном уровне гарантировано право граждан на бесплатную юридическую помощь – эта социальная функция обеспечивается государственной и негосударственными системами юридических консультаций, включая государственные юридические бюро и юридические клиники при вузах. Однако существующий формат такой помощи не в полной мере отвечает возможностям и вызовам цифровой эпохи. Несмотря на закрепленный законом принцип доступности бесплатной правовой помощи, на практике многие нуждающиеся граждане не могут получить ее своевременно и в полном объеме. **Методы:** методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные методы научного познания. Из общенаучных методов были использованы диалектический, формально-логический, метод индукции, дедукции, анализа, синтеза, структурно-функциональный метод. Был применен ряд специальных методов: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и метод правового моделирования. **Результаты:** в статье исследованы теоретические дискуссии о роли и значении ИИ для юридической науки и практики. Рассмотрены организационные, правовые, технические и этические аспекты внедрения 3D-ассистента в работу студенческих юридических клиник и государственных юридических бюро субъектов РФ, оказывающих бесплатную юридическую помощь отдельным социально незащищенным категориям населения. Проанализированы преимущества и риски внедрения 3D-ассистента в юридическое образование и практику, высказан ряд рекомендаций. **Выводы:** цифровые технологии активно внедряются в правовую жизнь, и технология интерактивного 3D разговорного ассистента на базе ИИ – это не футуристическая фантазия, а реально существующая технология, при организационной и финансовой поддержке государства способная принести осязаемые социальные результаты, включая значительное расширение охвата населения квалифицированной правовой помощью. 3D-ассистенты могут применяться как в образовании, так и общественных приемных депутатов, государственных бюро, мировых судах, где есть оборудование и связь. Это особенно актуально для сельских территорий и малых городов, где зачастую нет нужного количества юристов.

Ключевые слова: 3D-ассистент, цифровизация, искусственный интеллект, бюро, студент, юридическая помощь, юридическая клиника, ChatGPT.

Цитирование. Анисимов А. П., Алексеева М. В. Использование 3D разговорного ассистента на базе искусственного интеллекта для оказания бесплатной юридической помощи // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 150–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

Введение

Доступность квалифицированной юридической помощи для социально уязвимых групп населения – один из ключевых показателей справедливости и эффективности правовой системы. В России на законодательном уровне гарантировано право граждан на бесплатную юридическую помощь (далее –

БЮП) – эта социальная функция обеспечивается государственной и негосударственными системами юридических консультаций, включая государственные юридические бюро и юридические клиники при вузах. Однако современная система БЮП не в полной мере отвечает возможностям и вызовам цифровой эпохи. Несмотря на закрепленные законом принципы всеобщей доступности такой помо-

щи, на практике многие нуждающиеся не получают ее своевременно и в полном объеме. Сказываются ограниченные ресурсы и перегруженность учреждений БЮП, а также временные и организационные ограничения при очном приеме граждан. В результате страдает реализация конституционного права на судебную защиту и равенство перед законом: часть населения по факту остается без квалифицированной юридической помощи, что подрывает принципы социальной справедливости в России.

Между тем бурное мировое развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) открывает новые пути решения указанных проблем. Последние достижения в области ИИ позволяют автоматизировать значительную часть интеллектуальных задач, традиционно выполняемых юристами. По оценкам экспертов, современные ИИ потенциально способны автоматизировать от 23 % до 44 % типичных юридических действий – от поиска правовой информации и анализа правовых норм до подготовки черновиков правовых заключений и процессуальных документов [1]. Это указывает на колоссальный потенциал применения ИИ для расширения доступа к юридической помощи: ИИ может ускорить обслуживание обратившихся граждан, снизить нагрузку на юристов и тем самым охватить большее число нуждающихся. Ряд исследователей и практиков уже высказали предположение о том, что в ближайшем будущем ИИ сможет выполнять многие рутинные задачи юристов, существенно расширяя и облегчая доступ к правосудию для граждан. Одновременно высказываются и опасения, что широкое внедрение ИИ может повлечь вытеснение молодых специалистов и сокращение рабочих мест в юридической отрасли, что требует отдельного рассмотрения [2, р. 385].

Научная правовая доктрина об использовании ИИ

В настоящее время ни отечественная, ни зарубежная правовая наука пока не выработали целостного понимания того, как эффективно и безопасно интегрировать инструменты ИИ в систему оказания бесплатной юридической помощи. Начавшаяся дискуссия

пока носит фрагментарный характер: отсутствует единое мнение о пользе и рисках применения ИИ в ходе юридической деятельности [3]. Высказываются полярные точки зрения – от призывов вообще запретить использование ИИ для оказания правовых услуг до инициатив по повсеместному внедрению специальных обучающих курсов для юристов по работе с ИИ. При этом множество публикаций ограничиваются либо общими рассуждениями о перспективах цифровизации права, либо констатацией проблем (этических, правовых, технологических), не предлагая конкретных путей их решения [4]. В процессе научного анализа процесса внедрения ИИ в право, исследовательский интерес в последние годы стал смещаться от абстрактных рассуждений к анализу конкретных сценариев применения ИИ и их последствий. А.В. Мартынов рассматривает перспективы использования ИИ в государственном управлении – например, для подготовки проектов нормативных актов, автоматической обработки обращений граждан – и приходит к выводу о неизбежности внедрения этих технологий в ближайшем будущем, указывая одновременно на потенциальные риски (ошибки алгоритмов, непрозрачность принятия решений) [5]. В сфере бизнеса, по наблюдениям А.Б. Шумиловой и Н.А. Анциферовой, ИИ уже выступает электронным агентом в сделках – например, алгоритмы проводят первичный отбор заявок, проверку контрагентов, формирование типовых контрактов – однако законодательство о коммерческих сделках не учитывает специфику автономных программ. Авторы настаивают на необходимости модернизации правовых норм о сделках и обязательствах, чтобы учесть участие ИИ, а также распределить ответственность за ошибки алгоритмов между сторонами гражданского оборота [6]. Особенно актуальной в последние годы становится тема этики и прав человека в эпоху ИИ.

Некоторые авторы прямо обозначают новые этико-правовые вызовы: стремительное проникновение ИИ в социальную сферу требует выработки новых морально-правовых ориентиров в сфере защиты прав человека [7]. Среди обсуждаемых проблем – отсутствие четких критериев моральной и юридической ответственности за решения, принимаемые

ИИ; угроза конфиденциальности и частной жизни в связи с массовой обработкой персональных данных; риск алгоритмической дискриминации [8]. Отмечается, что без обновления этических основ и введения гарантий прозрачности и контролируемости ИИ невозможно обеспечить справедливость его использования. На стыке права и этики возникает идея признания новых прав («нейроправ») – прав в сфере нейротехнологий и ИИ, направленных на защиту ментальной автономии человека [9]. Такие идеи пока еще выглядят экзотическими, но указывают на возрастающее понимание: права человека должны развиваться синхронно с технологическим прогрессом, чтобы своевременно регламентировать новые цифровые права и обязанности.

Применительно к теме нашего исследования заметим, что Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» фиксирует положение о том, что такая помощь предоставляется в форме консультирования, однако отсутствует детализация содержания данной правовой категории, ее видовых, типологических характеристик и стадий реализации. Законодатель акцентирует внимание исключительно на форме консультирования: письменной или устной. Отсутствие четкой дефиниции ключевой категории в конструкции бесплатной юридической помощи генерирует значительные риски для граждан, особенно в условиях цифровой трансформации сферы юридического консультирования. На сегодняшний день потенциал ИИ в сфере правового консультирования оценивается как беспрецедентный, поскольку уже существуют программные решения, обладающие функционалом самообучения и автономного расширения. Например, платформа «Цифровой юрист» представляет собой текстовый и голосовой бот, созданный при патронаже и финансовом содействии Министерства юстиции РФ. Другим примером эффективной имплементации чат-ботов является электронный сервис «Правовед.ги», интегрирующий профессиональных юристов с клиентами в онлайн-режиме. На нем предоставляются исключительно первичные консультации, сфокусированные на одной правовой сфере – защите прав потребителей. Однако система обла-

дает способностью к самообучению, что позволяет ей адаптироваться к предоставлению базовых консультаций в других правовых сферах. Законодатель не определил однозначных нормативных предписаний по вопросу ответственности в случаях, если некомпетентная консультация повлекла за собой причинение имущественного или морального ущерба обратившемуся гражданину. Представляется, что дисфункции системы (сбои работы) находятся в сфере ответственности физического или юридического лица-разработчика с солидарной ответственностью организаций или индивидуальных предпринимателей, эксплуатирующих такое программное обеспечение. Вместе с тем, отсутствует четкий механизм определения субъекта ответственности за ущерб, причиненный ИИ в режиме «автономного функционирования», поскольку неясно, какова степень контроля человека над самообучающейся системой, способной к эволюции за пределы изначально заданного алгоритма. Актуальность данной проблематики неуклонно возрастает, что обусловлено развитием общественных отношений в области взаимодействия с ИИ, поскольку потенциальные риски возникновения подобного вреда имеют тенденцию к увеличению. Для решения этой коллизии может быть предложено включение в правовое поле новой категории «субъекта-посредника» при юридическом консультировании, легализация его правового статуса, императивное назначение куратора-юриста для минимизации рисков возникновения негативных правовых последствий ненадлежащего консультирования, а также четкое определение дозволенных границ функционала ИИ (например, регистрация, первичная консультация, аналитика и т. п.). В то же время рассмотрение вопроса о целесообразности наделяния ИИ полным объемом прав и обязанностей представляется преждевременным, учитывая, что полноправное участие роботизированных систем в общественных отношениях не достигло масштабов, требующих подобной регламентации. Функционал электронного посредника направлен на оптимизацию деятельности юриста, а его обучение осуществляется под кураторством ML-инженера, на которого должна возлагаться ответственность за дефекты программы.

3D разговорный ассистент и способы его использования в сфере права

Особый интерес в контексте юридических дискуссий об ИИ вызывает возможность оказания бесплатной юридической помощи посредством использования технологии интерактивного 3D разговорного ассистента (цифрового аватара) на базе ИИ, которая является намного более сложной системой, чем привычный чат-бот. Эта цифровая технология позволяет отображать на экране реалистичного виртуального персонажа, который движется, говорит синхронно движению губ, понимает вопросы на любом языке и генерирует весьма осмысленные ответы.

Подключение этой системы к нейросети (ChatGPT, DeepSeek) делает ее способной проводить полноценные консультации по любым вопросам, включенным в ее базу данных. Фактически 3D-ассистент способен взять на себя значительную часть функций консультанта-человека: выслушать гражданина, задать уточняющий вопрос, предоставить справочную информацию, разъяснить нормы закона и даже подготовить проекты необходимых документов. При этом визуальный антропоморфный облик 3D-ассистента делает взаимодействие с ним комфортным для пользователя, особенно не имеющего навыков работы со сложным программным обеспечением. Для конструирования такого аватара используются современные средства компьютерной графики. Так, технология MetaHuman Creator от Epic Games позволяет создавать реалистичные 3D-модели людей с детализированной внешностью, мимикой и анимацией лица. Разработчики создают внешность цифрового персонажа (например, молодого юриста-консультанта) и его одежду под предполагаемый сценарий. Созданный персонаж импортируется в движок Unreal Engine, где располагается в виртуальной сцене. Unreal Engine служит платформой, управляющей всей интерактивностью. Сердцем данной системы является нейросеть (ChatGPT), и именно она придает 3D-ассистенту «интеллект».

Сенсорный экран облегчает демонстрацию материалов: 3D-ассистент может выводить на экран фрагменты закона, образец жа-

лобы, схему, таблицу – все это визуально отобразится рядом с цифровым аватаром, помогая действиям пользователей. Интерактивный 3D-ассистент представляет собой качественно новый уровень развития юридических систем ИИ. Как уже отмечалось выше, в отличие от чат-бота, 3D-ассистент обладает куда большей гибкостью и обучаемостью современной нейросети, он способен понимать разнообразные формулировки вопросов, находить на них ответы, и постоянно совершенствоваться по мере обучения. Безусловно, эта технология не является идеальной. ИИ не обладает настоящим правовым мышлением, не может проявить творческую интуицию, эмпатию или активно отстаивать интересы клиента. Он дает информацию или совет, но не заменит полноценно юриста в суде. Однако при грамотном применении 3D-ассистент становится мощным вспомогательным инструментом, который в условиях дефицита квалифицированных кадров может восполнить многие пробелы. Особенно перспективно его использование в сфере первичных консультаций и подготовки документов – там, где вопросы клиентов обычно типичны (оформление пособий, жилищные вопросы, трудовые споры и др.), что требует внятного разъяснения гражданам простых юридических шагов. Внедрение 3D разговорного ассистента в сферу бесплатной юридической помощи целесообразно осуществлять поэтапно, сочетая обучение технологии в академической среде с последующим развертыванием в правовой практике. Здесь надо выделить два основных этапа: испытание 3D-ассистента в условиях юридической клиники при вузе и последующая его интеграция в работу государственного юридического бюро.

Юридическая клиника и юридическое бюро: особенности внедрения 3D-ассистента, возможные проблемы и пути их решения

Юридические клиники, действующие при вузах, традиционно выполняют двойную роль: с одной стороны, они позволяют студентам старших курсов получать практические навыки, консультируя граждан под руководством

преподавателей; с другой – сами являются частью системы бесплатной помощи, обслуживая малоимущих и социально незащищенных клиентов [10]. Такие клиники – оптимальная площадка для апробации инноваций, поскольку здесь можно отработать новые инструменты в учебном режиме, без риска причинения серьезного вреда (консультации носят учебно-контролируемый характер, и преподаватель всегда может скорректировать ошибки студента или 3D-ассистента). План мероприятий тут должен включать первоначальную техническую подготовку 3D-ассистента под задачи клиники. 3D-ассистент должен быть настроен на региональную правовую базу и типичные вопросы, которые задают в студенческих юридических клиниках. Это означает загрузку в нейросеть нормативно-правовых актов региона (в нашем случае Ростовской области) наряду с федеральным законодательством, а также обучение 3D-ассистента ответам на наиболее распространенные обращения граждан за бесплатной юридической помощью. По статистике клиник, значительную часть вопросов граждан составляют социальные пособия, пенсионное обеспечение, жилищные и семейные споры, защита прав потребителей и т. п. Для каждой категории разработчики должны будут подготовить кейсы и сценарии: какие уточняющие вопросы 3D-ассистенту нужно задать клиенту, какие нормы будут применимы, какие документы могут потребоваться. Эта информация загружается в базу данных 3D-ассистента. Одновременно разрабатываются регламенты взаимодействия клиента и 3D-ассистента в ходе консультации.

В практическом плане мы видим все это следующим образом. В помещении юридической клиники устанавливается сенсорный экран с 3D-ассистентом.

На начальном этапе будут проводиться моделируемые консультации – то есть в роли клиентов будут выступать преподаватели либо студенты – участники работы клиники, разыгрывающие типовые ситуации. Это делается для постепенной отработки навыков использования 3D-ассистента, прежде чем допустить к нему реальных посетителей. Студенты, предварительно обученные работе с новым цифровым инструментом, будут под ру-

ководством преподавателя принимать таких «клиентов». Консультация будет проходить так: клиент излагает проблему, 3D-ассистент слушает и предлагает решение, студент по ходу дела может уточнять запросы ассистента или задавать от себя дополнительные вопросы клиенту, чтобы 3D-ассистент получил полную информацию. Далее 3D-ассистент формирует ответ – например, объясняет, какие права есть у клиента, что можно сделать и т.д. Студент вместе с преподавателем оценивают этот ответ: если он корректен, клиенту озвучивают и передают его; если нет – исправляют и объясняют 3D-ассистенту, в чем ошибка. Важная функция – ассистент может подготовить черновик документа (иск, заявление, договор) по результатам своей консультации.

Необходимо отработать как простые случаи, где нормативное решение очевидно (например, оформление доверенности), так и сложные вопросы, где требуется творческий подход. Сложные ситуации покажут границы возможностей ИИ – где он уже не справляется или дает поверхностный ответ, требующий значительной доработки человеком. Результатом этого этапа станет оценка эффективности 3D-ассистента в условиях клиники: измеряется точность и полезность консультаций (какую долю ответов пришлось существенно исправлять), степень снижения нагрузки на студентов и преподавателей (например, сократилось ли время подготовки документов), а также выявляются проблемы – случаи, когда 3D-ассистент дал неверный или неполный совет, не понял специфику вопроса, неправильно интерпретировал слова клиента и т. д. Отдельно фиксируется реакция клиентов – как они отнеслись к «необычному виртуальному консультанту», не смутило ли их присутствие аватара, довольны ли они качеством консультации.

По итогам пилотного применения на базе клиники будет проведена «работа над ошибками» и корректировка модели. Параллельно будут созданы методические рекомендации для дальнейшего использования 3D-ассистента на практике.

Вторым этапом должно стать внедрение 3D-ассистента непосредственно в работу государственной системы бесплатной юриди-

ческой помощи, например, государственного юридического бюро – учрежденной в регионах организации, оказывающей бесплатные консультации малоимущим гражданам (перечень категорий получателей помощи установлен в ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»). Внедрение 3D-ассистента в такую структуру потребует особого внимания к соблюдению формальных требований закона о БЮП и подзаконных актов Минюста, поскольку речь идет уже не об учебном эксперименте, а о предоставлении гражданам государственных услуг. В отличие от клиники, в бюро формат будет иным по составу участников: если в клинике три роли (студент, ИИ, преподаватель), то в бюро – 3D-ассистент и штатный юрист. В течение пилотного периода (несколько месяцев) должен вестись учет: сколько граждан воспользовались 3D-ассистентом, с какими вопросами, сколько времени заняла консультация, сколько случаев потребовали существенной корректировки со стороны штатного юриста.

Данный эксперимент, помимо практического эффекта, сможет стать полигоном для понимания, какие изменения в нормативной базе необходимы для полноценного использования 3D-ассистента. Если эксперимент окажется успешным (например, вырастет число консультируемых граждан с положительными отзывами), следующим шагом может стать законопроект о путях и способах применения цифровых технологий (путем дополнения Федерального закона № 324-ФЗ отдельной статьей об использовании электронных средств консультирования и внесения изменений в типовые положения о студенческих юридических клиниках). Завершение второго этапа позволит сформировать окончательные выводы о целесообразности и формате применения 3D-ассистента в системе БЮП. Если цели достигнуты (например, значительно увеличилось число граждан, которым оказана помощь, без ущерба качеству), можно будет рекомендовать масштабирование – распространение опыта в других регионах, оснащение нескольких бюро такими ассистентами, проведение обучающих семинаров для сотрудников и т. д.

Этико-правовые аспекты использования ИИ в образовании и практике

Наряду с техническими, правовыми и организационными вопросами внедрения ИИ в юридическое образование и правовую практику, отдельного обсуждения требуют этические проблемы [11]. Первый вопрос: можно ли доверять ИИ так же, как человеку-юристу, и как минимизировать вред от возможного ошибочного совета ИИ? Поскольку прототип 3D-ассистента уже существует и постепенно тестируется нами, мы можем утверждать, что ИИ иногда искажает или выдумывает факты, нормы права и судебные решения. Такие побочные эффекты не носят массового характера (в подавляющем числе случаев ИИ все же объективен), однако в правовой сфере это недопустимо. Поэтому этические правила применения 3D-ассистента должны включать правило: ассистент не должен придумывать ответы, если не уверен. Если у него возникают сомнения в точности совета, в настройки системы должен быть включен следующий ответ: «Для решения вашего вопроса требуется дополнительная проверка, обратитесь к юристу». Таким образом, 3D-ассистент должен быть настроен консервативно и соблюдать осторожность. Разработчикам необходимо регламентировать степень уверенности ИИ и отработать принцип прозрачности: по возможности, 3D-ассистент должен обосновывать свои советы – например, называть конкретные статьи закона, на которых основано решение. Это позволит человеку-контролеру и самому клиенту видеть, откуда взялась рекомендация, и легче проверить ее корректность. Этический стандарт требует, чтобы в случае ошибки ИИ была процедура ее исправления: выше уже отмечалось, что все ответы аватара проходят через человека, но важно, чтобы и сам 3D-ассистент учился на своих ошибках. Тут возникает второй этический вопрос: не выйдет ли так, что клиенты фактически станут объектом эксперимента, где ИИ учится на их обращениях? Чтобы смягчить эту этическую коллизию, внедрение 3D-ассистента должно быть добровольным: граждан информируют, что используется новый инструмент, проводится его апробация, с получе-

нием их согласия. Ничто не мешает гражданину отказаться от участия в таком эксперименте и попросить обычную консультацию – такая просьба должна быть удовлетворена. Важность обсуждения этого вопроса состоит в том, что клиент, безусловно, видит на экране не человека, а цифрового аватара, однако, возможно, не все клиенты сразу поймут, что на экране именно цифровой аватар, а не трансляция удаленного юриста (ассистент внешне очень похож на человека). Поэтому нужно прямо уведомлять гражданина: «Вы будете беседовать с 3D-ассистентом, подключенным к технологии искусственного интеллекта, но его ответы проверяются нашим сотрудником». Это важный момент, связанный с доверием: если человек будет считать, что разговаривал с реальным юристом, а потом узнает, что это был цифровой аватар, то он может почувствовать себя обманутым.

Третий вопрос состоит в том, насколько этически приемлемо в принципе экспериментировать в социальной сфере. Мы полагаем, что это возможно, но только с согласия и на благо участников такого эксперимента (для более быстрой и доступной помощи) с обязательной минимизацией их рисков (наличие специалиста, контролирующего каждую рекомендацию). Отдельно стоит затронуть этическую проблему возможной предвзятости или некорректности советов со стороны ИИ, поскольку аватар обучается на текстах из интернета, где могут встречаться устаревшие или дискриминационные суждения. Важно исключить возможность совета 3D-ассистента клиенту «не идти в суд, все равно ничего не добьетесь» на основе циничных взглядов, почерпнутых в интернете. Этический протокол должен предусматривать: если 3D-ассистент дал некорректный с профессиональной или моральной точки зрения ответ, куратор разъясняет ошибку и фиксирует ее для разработчиков, а клиенту приносится извинение за некорректность. В идеале, 3D-ассистент сам извиняется за неправомерный совет, если его поправил человек – это добавит доверия и покажет, что контроль работает.

Четвертый этический вопрос состоит в том, что успех внедрения ИИ в правовую практику может привести к искушению заменить им часть живых юристов ради экономии

средств. Это породит проблему сложного выбора для государства: сохранение рабочих мест или их оптимизация. Мы полагаем, что сфера бесплатной помощи не страдает переизбытком кадров, поэтому внедрение нашей технологии закроет ряд пробелов, но не вызовет массовых увольнений в юридических бюро (или коллегиях адвокатов). Однако необходимо мониторить эффект, и если где-то начнутся сокращения юристов (в связи с надеждой работодателя, что ИИ их заменит), то это должно быть предметом серьезного обсуждения в профессиональном юридическом сообществе. Но мы считаем это маловероятным в ближайшем будущем. В тоже время, можно ожидать повышения требований к юридической профессии: общаясь с ИИ, юристы будут повышать квалификацию, и вырабатывать стандарты надлежащего использования цифровых технологий.

Заключение

Цифровые технологии уже активно внедряются в правовую жизнь – в деятельность Сбербанка, работу помощников судей и адвокатов, готовящих с его помощью проекты документов и иными способами. Разработанная нами новая цифровая технология интерактивного 3D разговорного ассистента (цифрового аватара) на базе ИИ – это не футуристическая фантазия, а вполне реально существующая технология, которая находится в стадии тестирования, и в случае организационной и финансовой поддержки она вполне способна принести осязаемые социальные результаты. Главная ожидаемая перспектива – значительное расширение охвата населения бесплатной квалифицированной юридической помощью. Цифровые аватары могут действовать не только в клинике или бюро, но и в МФЦ, общественных приемных, приемных мировых судов – везде, где есть оборудование и связь. Это особенно актуально для сельских территорий и малых городов, где часто нет нужного количества юристов. Весьма важно, что за счет автоматизации рутинных операций (выяснения стандартных фактов, подготовки типовых документов) сократится время ожидания – граждане смогут быстрее получить ответ на простой вопрос, без ожидания в очереди к единствен-

ному юристу. В результате можно ожидать рост количества граждан, получивших помощь, сокращение сроков рассмотрения обращений, улучшение качества консультаций (более полные ответы, наличие письменных разъяснений и др.). Все это означает повышение эффективности реализации конституционного права на юридическую помощь, а также на доступ к правосудию. Юристам будущего нужно будет овладеть навыками работы с такими системами, поэтому весьма перспективным является включение соответствующих курсов в программы подготовки юристов на бакалавриате и в магистратуре, создание в последней специализации «Цифровой юрист», расширение курсов дополнительной переподготовки юристов. Ведущие мировые университеты уже вводят правила и обучающие модули по использованию ИИ, формируя культуру его ответственного применения. Положительный опыт внедрения технологий ИИ потребует и изменения законодательства.

Наряду с преимуществами, внедрение 3D разговорных ассистентов сопряжено с рисками для персональных данных. Такие системы работают с большими объёмами личной информации, поэтому защита этих данных должна быть приоритетом при внедрении любых технологий ИИ. Необходимы современные методы шифрования, регулярное обновление систем безопасности, а также четкие регламенты и назначение ответственных за обработку персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lewis, C.D. Strategic Approaches to Incorporating AI into Legal Higher Education / C.D. Lewis // Kuwait International Law School Journal, 2021, <https://ssrn.com/abstract=4818383>
2. Choi, J. H. AI Assistance in Legal Analysis: An Empirical Study / J. H. Choi, D. Schwarcz // Journal of Legal Education. – 2023. – Vol. 73, № 2. – P. 384–420.
3. Киселев, А. С. Возможности правового нивелирования политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта / А. С. Киселев // RUDN Journal of Law. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 524–543.
4. Латыпова, А. Ф. Искусственный интеллект и международное право / А. Ф. Латыпова // Международный правовой курьер. – 2023. – № 7. – С. 63–67.

5. Мартынов, А. В. Подготовка административных актов с использованием искусственного интеллекта: проблемы, перспективы, недалекое будущее / А. В. Мартынов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 130–142.

6. Шумилина, А. Б. Интеграция искусственного интеллекта и цифровых техно логий в коммерческие правоотношения в Российской Федерации: актуальное состояние и перспективы развития / А. Б. Шумилина, Н. А. Анциферова // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – № 3. – С. 62–68.

7. Маслова, Е. А. Диалектика этики и права в регулировании технологии искусственного интеллекта: опыт ЕС / Е. А. Маслова, Е. Д. Сорокова // Современная Европа. – 2022. – № 5. – С. 19–33.

8. Guerrero, A. F. Neuroderechos en Colombia: autodeterminación informativa, integridad e identidad mental ante las neurotecnologías / A. F. Guerrero // Prolegymenos. – 2025. – № 28 (55). – P. 13–22.

9. Gomez Ticona, A. Y. Neuroderechos, una exigencia de justicia en la era de neuralink: un análisis desde la bioética personalista de Elio Sgreccia / A. Y. Gomez Ticona // Prudentia Iuris. – 2025. – № 99. – P. 87–126.

10. Кушарова, М. П. Организационно-правовые вопросы деятельности студенческой юридической клиники / М. П. Кушарова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 70–74.

11. Гаврилова, Ю. А. Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации / Ю. А. Гаврилова, Д. А. Гаврилов, Н. А. Калашникова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 105–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>

REFERENCES

1. Lewis C.D. *Strategic Approaches to Incorporating AI into Legal Higher Education*. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4818383>
2. Choi J.H., Schwarcz D. *AI Assistance in Legal Analysis: An Empirical Study* [Journal of Legal Education], 2023, no. 73-2, pp. 384-420.
3. Kiselev A.S. *Vozmozhnosti pravovogo nivelirovaniya politicheskix i organizacionno-upravlencheskikh riskov primeneniya iskusstvennogo intellekta* [The Possibilities of Legal Leveling of Political, Organizational and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence] *RUDN Journal of Law* [RUDN Journal of Law], 2025, no. 29-2, pp. 524-543.
4. Latypova A.F. *Iskusstvenny'j intellekt i mezhdunarodnoe parvo* [Artificial intelligence and

international law] *Mezhdunarodny'j pravovoj kur'er* [International Legal Courier], 2023, no. 7, pp. 63-67.

5. Martynov A.V. Podgotovka administrativnykh aktov s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta: problemy', perspektivy', nedalekoe budushhee [Preparation of Administrative Acts Using Artificial Intelligence: Problems, Prospects, the Near Future], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], 2024, no. 5, pp. 130-142.

6. Shumilina A.B., Antsiferova N.A. Integraciya iskusstvennogo intellekta i cifrovyykh tekhnologiy v kommercheskie pravootnosheniya v Rossijskoj Federacii: aktual'noe sostoyanie i perspektivy' razvitiya [Integration of Artificial Intelligence and Digital Technologies into Commercial Legal Relations in the Russian Federation: Current State and Development prospects]. *Pravovoj porjadok i pravovy'e cennosti* [Legal Order and Legal Values], 2025, no. 3, pp. 62-68.

7. Maslova E.A., Sorokova E.D. Dialektika e'tiki i prava v regulirovanii tekhnologii iskusstvennogo intellekta: opyt ES [The Dialectic of Ethics and Law in the Regulation of Artificial Intelligence Technology:

The EU Experience] *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2022, no.5, pp. 19-33.

8. Guerrero A.F. Neuroderechos en Colombia: autodeterminación informativa, integridad e identidad mental ante las neurotecnologías. *Prolegymenos*, 2025, no. 28 (55), pp. 13-22.

9. Gomez Ticona A.Y. Neuroderechos, una exigencia de justicia en la era de neuralink: un análisis desde la bioética personalista de Elio Sgreccia. *Prudentia Iuris*, 2025, no. 99, pp. 87-126.

10. Kusharova M.P. Organizacionno-pravovy'e voprosy' deyatel'nosti studencheskoj yuridicheskoy kliniki [Organizational and legal issues of the student law clinic]. *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy], 2018, no. 15-1, pp. 70-74.

11. Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Pravovye problemy razvitiya cifrovyykh tekhnologiy v Rossijskoj Federacii [Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, no. 21-4, pp. 105-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>

Information About the Authors

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department “Criminal Law and Public Law Disciplines”, Don State Technical University, Gagarina St, 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Marina V. Alekseeva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department “Theory and History of State and Law”, Don State Technical University, Gagarina St, 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, Alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

Информация об авторах

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет, ул. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Марина Владимировна Алексеева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет, ул. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.20>

UDC 343.13

LBC 67.410.2-32

Submitted: 03.12.2025

Accepted: 08.12.2025

THE SIGNIFICANCE OF DECISIONS OF INTERNATIONAL JUDICIAL BODIES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Oksana S. Kolosovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Marina S. Kolosovich

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the significance for international cooperation in the sphere of criminal proceedings of decisions of international judicial bodies, primarily the European Court of Human Rights (ECtHR) and the International Criminal Court (ICC). The research is conducted through the prism of legal regulation of these issues in the Russian Federation. Special attention is paid to the evolution of approaches to the recognition and application of international court decisions in the Russian legal system. The impact of international court decisions on such procedures in criminal proceedings as extradition, application of preventive measures, and review of judicial decisions is considered. Particular attention is paid to analyzing the consequences of the formal severance of legal ties between Russia and international associations after its withdrawal from the Council of Europe in 2020. **Purpose:** a comprehensive analysis of the practical significance of decisions of international judicial bodies for international cooperation in the sphere of criminal proceedings, taking into account modern geopolitical realities and constitutional transformations in the Russian Federation. **Methods:** the methodological framework for the research includes a set of the general scientific and special scientific methods, such as formal-legal, comparative law, historical-legal methods, as well as the methods of analysis and synthesis. This allowed for a multifaceted and substantiated analysis of the problem under consideration, integrating theoretical depth with a practice-oriented focus. As a **result** of the research, the legal status of international court decisions in the system of sources of international and national law in the context of criminal proceedings is determined, and their role as an auxiliary source forming obligations for states is confirmed. The evolution of the legal status of international court decisions in the Russian legal system is analyzed – from their prejudicial recognition after the ratification of the 1950 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention 1950) to the modern mechanism of conditional implementation through the filter of the Constitutional Court of the Russian Federation. The thesis on the continued relevance of ECtHR decisions for the Russian legal system and law enforcement practice even after the formal termination of the European Convention 1950 for Russia is substantiated, highlighting specific reasons for this influence. **Conclusion:** the existence of an international instrument in criminal proceedings – obligations under international court decisions recognized by Russia at the legislative level – is substantiated. They are based on the international treaties of the Russian Federation, which confirms the integration of international norms into national legislation. These decisions influence criminal proceedings and are an element of the legal basis for international cooperation.

Key words: legal basis, international cooperation, criminal proceedings, decision of an international court, international juridical bodies.

Citation. Kolosovich O.S., Kolosovich M.S. The Significance of Decisions of International Judicial Bodies in the Context of International Cooperation in Criminal Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 160-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.20>

УДК 343.13
ББК 67.410.2-32

Дата поступления статьи: 03.12.2025
Дата принятия статьи: 08.12.2025

ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Оксана Сергеевна Колосович

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Марина Сергеевна Колосович

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается значение для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства решений международных судебных органов, прежде всего Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и Международного уголовного суда (МУС). Исследование проводится через призму правовой регламентации этих вопросов в Российской Федерации. Особое внимание уделяется эволюции подходов к признанию и применению решений международных судов в российской правовой системе. Рассматривается воздействие решений международных судов на такие процедуры в уголовном процессе как экстрадиция, применение мер пресечения и пересмотр судебных решений. Особое внимание уделяется анализу последствий формального разрыва правовых связей между Россией и международными объединениями после выхода из Совета Европы в 2020 году. **Цель:** Комплексный анализ практического значения решений международных судебных органов для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, с учетом современных геополитических реалий и конституционных преобразований в Российской Федерации. **Методы:** Методологическая база исследования включает совокупность общенаучных и частнонаучных методов, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также методы анализа и синтеза. Это позволило осуществить многоаспектный и обоснованный анализ рассматриваемой проблемы, интегрируя теоретическую глубину с практико-ориентированной направленностью. **В результате** исследования определен правовой статус решений международных судов в системе источников международного и национального права в контексте уголовного судопроизводства, подтверждена их роль как вспомогательного источника, формирующего обязательства для государств. Проанализирована эволюция правового положения решений международных судов в российской правовой системе – от их преюдициального признания после ратификации Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Европейская конвенция 1950 г.) до современного механизма условной имплементации через фильтр Конституционного Суда Российской Федерации. Обоснован тезис о сохранении актуальности решений ЕСПЧ для российской правовой системы и правоприменительной практики *даже после* формального прекращения действия Европейской конвенции 1950 г. для России, выделив конкретные причины этого влияния. **Заключение:** Обосновано существование международного инструмента в уголовном судопроизводстве – обязательства по решениям международных судов, признанных Россией на законодательном уровне. Они основаны на международных договорах Российской Федерации, что подтверждает интеграцию международных норм в национальное законодательство. Эти решения влияют на уголовное судопроизводство и являются элементом правовой основы для международного сотрудничества.

Ключевые слова: правовые основы, международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, решение международного суда, международные судебные органы.

Цитирование. Колосович О. С., Колосович М. С. Значение решений международных судебных органов в контексте международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 160–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.20>

Введение

Согласно ст. 38 Статута Международного Суда [1] правовой основой международных отношений закреплены решения международных судов.

Одним из ключевых аспектов значения международных судов в международном сотрудничестве является их способность содействовать унификации и гармонизации национальных правовых систем. Значение Международного Суда Организации Объединённых Наций представляется немаловажным в определении международной практики и в становлении обычных норм международного права [2, с. 107]. Поскольку интерпретирует международные договоры и конвенции, способствуют созданию единого правового поля, облегчая взаимодействие между государствами в вопросах выдачи, взаимной правовой помощи и других формах международного сотрудничества. В доктрине международного права решения международного суда признаются вспомогательным источником права [3, с. 22–23].

Поэтому в дополнение к нормативным положениям, существуют также другие акты, которые формально не являются правовыми нормами, но формируют международные обязательства государств, влияющие на международную практику, научные доктрины и, в конечном итоге, на эффективность международного сотрудничества. К таким актам относятся решения международных судов, наиболее значимым из которых является МУС и ЕСПЧ.

В контексте сказанного важно, что Российская Федерация официально уведомила об отказе участвовать в Римском статуте Международного уголовного суда [4]. Это означает, что Российская Федерация может с ним сотрудничать, но не обязана это делать.

В соответствии со ст. 86 Римского статута Международного уголовного суда [5], государства-участники данного международного акта обязаны оказывать всестороннее содействие в проведении расследования и реализации уголовного преследования. Согласно ст. 89 указанного документа, МУС имеет право направить государству-участнику просьбу об аресте и передаче лица.

Проблемным вопросом видится противоречивость сложившейся правовой ситуации в мире и неоднозначность признания практики международных судов и, прежде всего, ЕСПЧ, определившие существование в наши дни научной дискуссии по данному вопросу, требуя уточнения в понимании значения практики международного права для отечественного уголовного судопроизводства. В этом направлении Российским государством были предприняты определенные шаги.

Так, в 1998 г. Российской Федерацией ратифицирована Европейская конвенция 1950 г. и признана юрисдикция ЕСПЧ [6]. Таким образом, для российских судов решения ЕСПЧ, по сути, носили преюдициальный характер.

В 2020 г. в Конституцию РФ внесено дополнение [7], в соответствии с которым, если решение иностранного или международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, противоречит основам публичного правопорядка [8]. Вопрос о возможности исполнения такого решения рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации (п. «б» ч. 5.1 ст. 125).

Рассматриваемое расширение юрисдикции Конституционного Суда Российской Федерации не представляет собой нововведение в конституционно-правовой доктрине. Следует отметить, что данные полномочия Суда были легитимированы на конституционном уровне в соответствии с Федеральным конституционным законом № 7-ФКЗ от 14 декабря 2015 года, который внес соответствующие изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [9, с. 15–24].

Данный законодательный акт был принят с целью оптимизации процессуальных механизмов и повышения эффективности конституционного судопроизводства, что является важным аспектом в контексте эволюции правовой системы Российской Федерации.

В 2021 г. Верховный Суд Российской Федерации, с учетом положений Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., признал правильной судебную практику толкования международных договоров Российской Федерацией, принимая во внимание «практику Европейского Суда по пра-

вам человека, иных международных договорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, формируемую как по делам в отношении Российской Федерации, так и третьих государств» [10].

Несмотря на неоднозначность восприятия практики ЕСПЧ, позволим себе напомнить, что в отношении Российской Федерации Европейская конвенция 1950 г. прекратила своё действие с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ [11]).

Казалось бы, дискуссия о значении решений ЕСПЧ для российской правовой системы должна утратить свою актуальность, однако этого не произошло по ряду причин.

Во-первых, практика международных судов, в том числе ЕСПЧ, несомненно, влияет на международные отношения [12, с. 4].

Во-вторых, ЕСПЧ, «грубо нарушив нормы международного права» [13], оставил за собой компетенцию рассматривать жалобы против Российской Федерации [14]. Не исключена «возможность обращения в иные межгосударственные органы, решения которых при определенных условиях также могут быть основанием для пересмотра российских судебных решений» [15].

В-третьих, встречается применение их решений в отечественной судебной практике. Следует отметить противоречивый подход в судебных актах к решениям ЕСПЧ. К примеру, в одном решении судом указано, что «выводы суда первой инстанции о наличии риска того, что ФИО1 скроется от органов предварительного расследования и суда, основаны исключительно на тяжести предъявленного ему обвинения и подозрения. Эти выводы сделаны без учёта норм Европейской конвенции 1950 г. и противоречат практике Европейского Суда по правам человека, правовые позиции которого сохраняют юридическую силу для Российской Федерации в силу ч. 3 ст. 1 УПК Российской Федерации» (Апелляционное постановление № 22-1295/2024 22К-1295/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 3/2-77/24 [16]).

В-четвёртых, применение обеспечительных мер в делах по экстрадиции влечёт за собой приостановление выдачи государством участником Европейской конвенции 1950 г. (правило 39 Регламента ЕСПЧ) [17].

В-пятых, следует согласиться с В.В. Гавриловым о необходимости активного использования современных наработок международно-правовых доктрин в юридических дисциплинах и наоборот, чтобы не допускать подобных ошибок. Им отмечается снисходительное отношение отраслевых ученых к международному праву и отсутствия «должного взаимодействия» «между представителями международного и внутригосударственного направления юридической науки» [18, с. 136].

Относительно международных судов в российской юриспруденции также высказано мнение об особом значении решений ЕСПЧ для международного права и государств.

К примеру, профессор М. Д. Давитадзе считает возможным исполнение на территории нашего государства решений международных органов, принятых на основании международного права и международных договоров, адресованных России, в том числе, решений Европейского Суда по правам человека [19, с. 58].

Вместе с тем за последние десятилетия с деятельностью ЕСПЧ связывают появление «нового» понимание добровольного взятия на себя государством обязательств, а также о роли решений указанного суда в международном праве. На наш взгляд, этому вопросу следует уделить внимание.

Примером «нового» понимания международных обязательств может служить эволютивное толкование ЕСПЧ по делу «Демир и Байкара против (Demir and Baykara) Турции» [20]. По данному делу Турция признана «виновной» в нарушении ранее не ратифицированных ею обязательств по международному соглашению, т.к. «Суд счел, что консенсус, раскрывающий эволюцию содержания норм, принятых большинством государств, может быть достаточен для определения обязательства, даже если государство-ответчик непосредственно не участвовало в этом общем соглашении» [21, с. 44–64].

А.А. Каширкина выделила усиливающуюся роль решений ЕСПЧ в разработке международно-правовых стандартов «жесткого» права Совета Европы «в области демократии, прав человека и верховенства закона», которые интегрируются в само международное право и должны интегрироваться в национальное право государств, в том числе, не являю-

щихся участниками Европейского союза для «конституционализации» в них примата европейских стандартов и общепризнанных принципов и норм международного права». Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) распространяет политику доминирования европейского права во всем мире» [22, с. 113–125].

Таким образом, автором изложенной точки зрения предлагается рассматривать практику ЕСПЧ наравне с общепризнанными принципами и нормами международного права. С чем нельзя согласиться, учитывая, как справедливо отмечено В.В. Гавриловым, об игнорировании и подмене международных правовых предписаний в угоду отдельных государств, влекущих за собой «насильственное насаждение определённой системы ценностей» [17, с. 136].

О формировании ЕСПЧ стандартов как части международного права, а именно конвенционного права, высказался профессор Т.Д. Оганесян. Речь идёт о принятии ЕСПЧ консенсусного решения, основанного на сформировавшейся международной тенденции в практике «иных международных и национальных судов, докладами международных правозащитных организаций». Им отмечается выделение Судом общепризнанных правил в соответствии с п. 3 ст. 31 Венской Конвенции о праве международных договоров, в том случае, когда такой консенсус не найден в практике и законодательстве стран ЕС, суд ссылается на другие страны, тем самым, создавая эволютивное толкование [21, с. 44–64].

Следовательно, ЕСПЧ принимая решения, озабочен созданием имиджа о соблюдении принципа правовой определенности, в связи с чем одним из типичных аргументов в случае принятия им отличного от обычной практики решения, служит утверждение о формировании «европейского консенсуса» [12, с. 20].

Обращает на себя внимание, что признание решениям ЕСПЧ главенствующей роли в международных отношениях вызывает неоднозначную реакцию не только у ученых-правоведов, но и у представителей судебного сообщества, в том числе государств-участников ЕС.

Примером может служить получившее широкое обсуждение в научных трудах и в обществе «Дело Гергюлю». Оно известно тем,

что апелляционный суд г. Наумбурга (Германия) отказался принимать во внимание решение ЕСПЧ, вынесенного по находящемуся в его производстве делу, посчитав решения ЕСПЧ обязательными для Германии, а не для немецкого суда, являющегося независимым органом в осуществлении правосудия и не являющегося субъектом международного права в отличие от немецкого государства [23].

Федеральный Конституционный Суд ФРГ в постановлении от 14 октября 2004 г. Дело 2 BvR 1481/02 поставил точку в обсуждении роли решений ЕСПЧ и положений Европейской конвенции о правах человека и протоколов к ней. Им было указано, что «в той мере, в какой они вступили в силу для Федеративной Республики Германии, имеют статус федерального закона», следовательно, «германские суды должны соблюдать и применять Конвенцию, как и иное статутное право Федерации, в рамках методологически оправданного толкования», а судебная практика ЕСПЧ приравнивается к нормам конституционного права, если «это не ведет к ограничению или умалению защиты основных прав личности по Основному закону» [24].

Конституцией РФ закреплено, что в случае, если решение иностранного или международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на РФ, противоречат основам публичного правопорядка РФ, вопрос о возможности исполнения такого решения рассматривается Конституционным Судом РФ (п. «б» ч. 5.1 ст. 125).

Иными словами можно говорить о том, что в качестве взятого на себя Российским государством международного обязательства признаются решения международного (межгосударственного) суда, если они не противоречат основам публичного правопорядка РФ, что установлено Конституционным Судом Российской Федерации.

В связи с изложенным уместно процитировать высказывание П.П. Кременева о том, что Конституционный Суд Российской Федерации «не единственный и не первый из высших судебных органов стран – участниц Совета Европы, которые оспорили и признали толкование ЕСПЧ по конкретным делам не соответствующим основам их конституционного строя или отдельным конституционным

нормам соответствующих государств в деле защиты прав и свобод граждан этих государств» [9, с. 15–24].

В то же время, согласно Закону РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [25], Конституционный Суд Российской Федерации разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации (п. «б» ч. 51 ст. 125 Конституции Российской Федерации).

Согласно ст. 2 Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ [26] «из числа новых обстоятельств, являющихся основаниями возобновления производства по уголовному делу, исключены установленные ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом РФ уголовного дела» [27].

Примечательно, что не все государства настроены отстаивать национальные интересы и суверенитет. Например, 7 октября 2021 г. Конституционный Суд Польши вынес решение о том, что положение о верховенстве европейского права над национальным законодательством не противоречит основному закону государства [28]. Данный спор, длившийся шесть лет, решился в пользу законодательства ЕС [29].

Таким образом, была уменьшена роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений, введена практика разделения государств на категории с различным объёмом правосубъектности – государств-участников ЕС и других государств.

Несмотря на то, что решения ЕСПЧ не признаются обязательными для Российской Федерации, ещё одним аспектом, который необходимо учитывать российскому правоприменителю в международном сотрудничестве с государствами-участниками Совета Европы, это возможность ЕСПЧ наложить обеспечительную меру (правило 39 Правил процедуры ЕСПЧ [17]) и повлиять на эффективность исполнения международного запроса.

При рассмотрении вопросов международного сотрудничества [30–35], нами было обосновано, что применение данных положений

осуществляется по аналогии с правовой системой Европейского Союза, где действуют унифицированные принципы для всех его государств-членов. В контексте настоящего исследования, следует подчеркнуть, что решения ЕСПЧ имеют решающее значение для государств, ратифицировавших Европейскую конвенцию 1950 года. Это подчеркивает значимость прецедентного права и интеграционных процессов в правоприменительной практике указанных государств.

К примеру, ЕСПЧ может приостановить выдачу государством-участником Совета Европы (46 государств) до вынесения им решения по заявлению лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции (по делу Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства от 24.09.2012 [36], по делу Кабулова против Украины от 19.02.2010) [37].

Проведённый анализ доктринальных положений, международных и российских актов о принципе взаимности и решениях международных судов в уголовном судопроизводстве позволяет прийти к следующим **выводам**:

1. Обосновано существование еще одного международного инструмента, оказывающего влияние на уголовное судопроизводство обязательств, возникающих в результате решений международных (межгосударственных) судов, признанных Российской Федерацией на законодательном уровне.

Источником их возникновения выступают ратифицированные международные договоры Российской Федерации, что свидетельствует о системном и последовательном процессе интеграции международных правовых норм в национальное законодательство. Данный процесс характеризуется комплексным внедрением международных стандартов и принципов в правовую систему государства, обеспечивая тем самым гармонизацию внутреннего правопорядка с общепризнанными международными нормами.

2. Решения международных (межгосударственных) судов, признанных Российской Федерацией на законодательном уровне, могут оказывать влияние на деятельность, осуществляемую в связи с уголовным судопроизводством, а для международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства выступает одним из элементов правовой основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статут Международного Суда (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 47–63 // СПС КонсультантПлюс.
2. Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть. : учеб. для студентов юрид.фак. и вузов // И.И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 432 с.
3. Лукашук, И. И. Международное право : элементар. курс / И. И. Лукашук, Г. Г. Шинкаревич. – М. : Юрист, 2000. – 216 с.
4. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 N 361-рп // СПС КонсультантПлюс.
5. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf)
6. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ. СПС КонсультантПлюс
7. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФК // СПС КонсультантПлюс
8. Публичный порядок и правовая несовместимость / В.Л. Толстых // Журнал международного частного права. – СПб. : Россия – Нева, 2003, № 1–2 (39–40). – С. 9.
9. Кремнев, П. П. Источники и правопреемство общепризнанных принципов и норм международного права в российской правовой системе и изменения в Конституции РФ 2020 г. / П. П. Кремнев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 9. – С. 15–24.
10. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел: постановление Президиума Верховного суда 08.12.2021 // СПС КонсультантПлюс.
11. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федер. закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
12. Решения международных судов: следование прецеденту или последовательная практика? / С.А. Белов, С.А. Манжосов // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 3–21 // СПС КонсультантПлюс.
13. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям» 23 января 2023 года. – URL: <https://iz.ru/1457943/elena-balaian-alena-nefedova/prokuratura-vse-bolshe-delaet-aktcent-na-svoei-pravozashchitnoi-funktcii>
14. О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека: резолюция ЕСПЧ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
15. Зимненко, Б. Л. Пересмотр судебных актов в связи с установлением комитетами нарушения РФ международных договоров / Б. Л. Зимненко // Уголовный процесс. – 2023. – № 5 (221). – С. 76–80.
16. Апелляционное постановление № 22-1295/2024 22К-1295/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 3/2-77/24. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qPdbIewMpDWt/>
17. Правила процедуры Европейского суда по правам человека от 4 ноября 1998. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003038>
18. Гаврилов, В. В. Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание / В.В. Гаврилов // Журнал российского права. – 2006. – № 2 (110). – С. 131–138.
19. Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации / М. Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 2. – С. 58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshepriznannye-printsipy-i-normy-mezhdunarodnogo-prava-v-ugolovno-pravovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii>
20. Информация о постановлении ЕСПЧ от 12.11.2008 по делу «Демир и Байкара против (Demir and Baykara) Турции» (жалоба N 34503/97) // СПС КонсультантПлюс.
21. Оганесян, Т. Д. Эффект консенсуса в рамках эволютивного толкования Европейской конвенции по правам человека / Т. Д. Оганесян // Международное правосудие. – 2023. – № 3 // СПС КонсультантПлюс.
22. Каширкина, А. А. Отражение общепризнанных принципов и норм международного права в заключениях Венецианской комиссии / А. А. Каширкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 113–125.
23. Дело Гергюлю: Германия выбирает мир с ЕСПЧ / С. Будьлин // Zakon.ru. – URL: https://zakon.ru/blog/2013/11/18/delo_gyorgyulyu_germaniya_vybiraet_mir_s_espch
24. ФКС Германии. – URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/ФКС%20Германии.pdf>
25. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // СПС КонсультантПлюс

26. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

27. Прецедентное право европейского суда по правам человека : учеб. пособие для вузов / М. В. Кучин. – М. : Юрайт, 2024. – 281 с.

28. КС Польши утвердил приоритет национального закона над европейским. – URL: <https://pravo.ru/news/235557/>

29. Еврокомиссия и Польша разрешили спор, тянувшийся более шести лет // РИА Новости. – 2024. – 6 мая. – URL: <https://ria.ru/20240506/spor-1944233167.html>

30. Колосович, О. С. Принцип взаимного признания как основа международного сотрудничества по уголовным делам государств – членов Европейского Союза / О. С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 3 (70). – С. 87–92.

31. Колосович, О. С. Роль наднациональных органов в международном сотрудничестве по уголовным делам / О.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 4 (71). – С. 45–52.

32. Колосович, О. С. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при применении норм института приостановления производства по уголовному делу и осуществлении международного сотрудничества / О.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 4 (63). – С. 51–58.

33. Колосович, О. С. Экстрадиционное производство и обеспечение прав и законных интересов его участников: сравнительно-правовой анализ» / О.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 4 (67). – С. 88–93.

34. Колосович, О. С. Конкуренция нормативных и научных положений в понимании термина «экстрадиция» / О.С. Колосович // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 3 (66). – С. 67–72.

35. Колосович, О. С. Правовая регламентация международного сотрудничества правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и использовании ее результатов: современное состояние и перспективы развития / О. С. Колосович, Э. Ж. Чхвимиани // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – Вып. 2 (29). – С. 80–89.

36. Babar Ahmad and Others v. The United Kingdom. – URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-110267%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-110267%22]%7D)

37. Кабулов против Украины : постановление ЕСПЧ (жалоба № 41015/04). – URL: <https://roseurosud.org/r/st-7-4/postanovlenie-espch-kabulov-protiv-ukrainy>

REFERENCES

1. Statute of the International Court of Justice (adopted in San Francisco on 26.06.1945). Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XII. Moscow, 1956, pp. 47-63. *SPS ConsultantPlus*.

2. Lukashuk I.I. *International law. The special part. : studies. for law students, fac. and universities*. Moscow, Walters Kluwer, 2008. 432 p.

3. Lukashuk I.I., Shinkaretskaya G.G. *International Law Elementary course*. Moscow, Jurist Publ., 2000. 216 p.

4. On the intention of the Russian Federation not to become a party to the Rome Statute of the International Criminal Court: Decree of the President of the Russian Federation dated 16.11.2016 N 361-rp. *SPS ConsultantPlus*

5. *Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, July 17, 1998)*. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf)

6. On ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols: Federal Law No. 54-FZ of 30.03.1998. *SPS ConsultantPlus*.

7. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FC. *SPS ConsultantPlus*

8. Tolstykh V.L. Public order and legal incompatibility. *Journal of International Private Law*. Saint Petersburg, Russia – Neva, 2003, no. 1-2 (39-40), p. 9.

9. Kremnev P.P. Sources and Succession of generally recognized principles and norms of international law in the Russian legal system and amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. *Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 9, pp. 15-24.

10. Review of the practice of courts applying generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation in the consideration of criminal cases: resolution of the Presidium of the Supreme Court 08.12.2021. *SPS ConsultantPlus*.

11. On the termination of the international treaties of the Council of Europe with respect to the Russian Federation: Federal Law No. 43-FZ dated 02/28/2023. *SPS ConsultantPlus*.

12. Belov S.A., Manzhosov S.A. Decisions of international courts: following precedent or consistent practice? *International justice*, 2020, no. 4, pp. 3-21. *SPS ConsultantPlus*.

13. *Interview of the Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov to Izvestia on*

January 23, 2023. URL: <https://iz.ru/1457943/elena-balaian-alena-nefedova/prokuratura-vse-bolshe-delaet-aktcent-na-svoei-pravozashchitnoi-funkcii>

14. On the consequences of the termination of the Russian Federation's membership in the Council of Europe in the light of Article 58 of the European Convention on Human Rights: ECHR resolution. *Access from References.-legal system "ConsultantPlus"*.

15. Zimnenko B.L. Review of judicial acts in connection with the establishment by the Committees of violations of international treaties by the Russian Federation. *Criminal procedure*, 2023, № 5 (221), pp. 76-80.

16. *Appeal Resolution No. 22-1295/2024 22K-1295/2024 dated February 28, 2024 in case No. 3/2-77/24*. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qPdbIewMpDWt>

17. *Rules of Procedure of the European Court of Human Rights of November 4, 1998*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003038>

18. Gavrilov V.V. Interaction of International and National Legal Systems and Legal Awareness. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 2 (110), pp. 131-138.

19. Davitadze M.D. Generally recognized principles and norms of international law in the criminal law system of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2, pp. 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshepriznannye-printsiipy-i-normy-mezhdunarodnogo-prava-v-ugolovno-pravovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii>

20. Information on the ECHR ruling of 12.11.2008 in the case "Demir and Baykara v. Turkey" (complaint No. 34503/97). *SPS Consultant Plus*.

21. Oganessian T.D. The consensus effect in the framework of the evolutionary interpretation of the European Convention on Human Rights. *International justice*, 2023, no. 3. *SPS Consultant plus*.

22. Kashirina A.A. Reflection of generally recognized principles and norms of international law in the conclusions of the Venice Commission. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 113-125.

23. Budylin S. The Gerguel case: Germany chooses peace with the ECHR. *Official website Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2013/11/18/delo_gyorgyulyu_germaniya_vybiraet_mir_s_espch

24. *FKS of Germany*. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/ФКС%20Германии.pdf>

25. On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power: the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ. *SPS Consultant Plus*

26. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 180-FZ dated 11.06.2022. *SPS ConsultantPlus*

27. Kuchin M.V. *The case law of the European Court of Human Rights: a textbook for universities*. Moscow, Yurait Publ., 2024. 281 p.

28. *The Constitutional Court of Poland approved the priority of the national law over the European one*. URL: <https://pravo.ru/news/235557/>

29. The European Commission and Poland have resolved a dispute that has been dragging on for more than six years. *RIA Novosti*, 2024. May 6. URL: <https://ria.ru/20240506/spor-1944233167.html>

30. Kolosovich O.S. The principle of mutual recognition as a basis for international cooperation in criminal cases of the European Union member states. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (70), pp. 87-92.

31. Kolosovich O.S. The role of supranational bodies in international cooperation in criminal matters. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (71), pp. 45-52.

32. Kolosovich O.S. Ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings when applying the norms of the institution of suspension of proceedings in a criminal case and implementing international cooperation. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (63), pp. 51-58.

33. Kolosovich O.S. Extradition proceedings and ensuring the rights and legitimate interests of its participants: a comparative legal analysis. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (67), pp. 88-93.

34. Kolosovich O.S. Competition of regulatory and scientific provisions in understanding the term "extradition". *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (66), pp. 67-72.

35. Kolosovich O.S., Chkhvimiani E.Zh. Legal regulation of international cooperation of law enforcement agencies in the implementation of operational-search activities and the use of their results: current state and development prospects. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, iss. 2 (29), pp. 80-89.

36. *Babar Ahmad and Others v. The United Kingdom*. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22itemid%22:\[%22001-110267%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng/#%7B%22itemid%22:[%22001-110267%22]%7D)

37. *Kabulov v. Ukraine: ECtHR judgment* (Application No. 41015/04). URL: <https://roseurosud.org/r/st-7-4/postanovlenie-espch-kabulov-protiv-ukrainy>

Information About the Authors

Oksana S. Kolosovich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Doctoral Candidate, Research Department, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, 1019810198@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1016-5391>

Marina S. Kolosovich, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Operational-Investigative Activities and Special Equipment, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, 270619@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-3523>

Информация об авторах

Оксана Сергеевна Колосович, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, 1019810198@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1016-5391>

Марина Сергеевна Колосович, доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, 270619@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-3523>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

